

АКАДЕМИЯ
НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. Я. ПЕРЕПЁЛКИН

ТАЙНА
ЗОЛОТОГО
ГРОБА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

1969

Ответственный редактор
М. А. КОРОСТОВЦЕВ

Перепёлкин Ю. Я.

П-27 Тайна Золотого гроба. Изд. 2-е. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969.

173 стр. с илл.

Более полувека назад в тайнике на царском кладбище был найден золотой гроб. Его по очереди приписывали то одному, то другому члену царствовавшего тридцать три века назад дома, но доказать свои предположения никто не мог. Источником, рассказывающим о золотом гробе, рассказана автором настоящая история. Она касается двух известнейших деятелей фараоновского Египта — Амен-хотпа IV («Эхнатона») и его жены — царицы Нефертити).

1-6-3

1141-65

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книжке изложены кое-какие изыскания, касающиеся самого необыкновенного события египетской древности — солнцепоклоннического переворота, потрясшего Египет тридцать три с половиной века тому назад. Этот переворот, связанный с именем фараона Амен-хотпа IV («Эхнатона»), был совершен в бытность Египта главенствующей мировой державой и затронул едва ли не все стороны тогдашней египетской действительности: общество, государство, быт, верования, искусство, письменность, язык.

Широта и размах переворота вместе с чрезвычайным своеобразием и яркостью его внешних проявлений уже давно привлекают к нему внимание ученого мира. Порождая все снова и снова разноречивые толкования, вызывая непрестанно поток новых книг и статей, переворот Амен-хотпа IV в силу особенностей источников нуждается в кропотливом и подробном изучении для воссоздания хода событий и уразумения их существа. Опыт такого рода исследования читатель найдет в книге пишущего эти строки «Переворот Амен-хотпа IV», первая часть которой издана, а вторая скоро поступит в издательство.

Книжка, которая сейчас предлагается вниманию читателей, касается непосредственно двух известнейших в наше время деятелей фараоновского прошлого — самого царя-солнцепоклонника и его жены — царицы Нефр-эт («Нефертити»). В итоге исследований

к этим двум лицам присоединяется еще одна примечательная особа, вызванная из мрака забвения, куда ее ввергла необыкновенная и горькая судьба.

Наши расследования будут обращены на загадочный золотой гроб, уже более полувека возбуждающий любопытство ученых, на не менее загадочные юношеские останки, покоившиеся в гробу, на четыре великолепных погребальных сосуда, увенчанных тонко изваянными головами неизвестного царственного лица, на непонятные явления, вскрытые раскопками в царской усадьбе на юге солнцепоклоннической столицы и поставленные в связь с царицей Нефр-эт, на переделки в северном дворце столицы, на переименованные памятники из разных мест страны, на странные изображения Амен-хотпа IV вместе с неким безымянным фараоном.

По необходимости расследования ведутся способами, напоминающими те, что описываются в так называемых детективных романах, с тою особенностью, что предмет расследования отстоит от нас более чем на тридцать три столетия.

О ПЕРЕДАЧЕ ЕГИПЕТСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Могут вызвать недоумение непривычные передачи египетских имен собственных в этой книжке. В ней была сделана попытка заменить привычную, но не последовательную и часто произвольную передачу этих имен передачею их, если не на древний (что трудно осуществимо), то все же на египетский, хотя и очень поздний (коптский) лад. Для коптского языка, последней ступени развития египетского, нам впервые становятся известными в полной мере гласные, которые древнее письмо обычно не отмечало. Приняв коптские гласные для огласовки древних имен собственных, последовательно и закономерно передать и их согласный состав в коптском произношении, сколь бы ни было оно иногда отлично от древнего.

Таким образом, вместо привычных греческих обозначений городов употреблены их поздние египетские соответствия: греческим названиям «Фивы», «Мемфис», «Иллиополь (Гелиополь)», «Ермополь (Гермополь)», «Панополь» (современный Ахмим), «Елефантина» соответствуют в книжке «Нэ», «Мэнфе», «Он», «Шмун», «Шмин», «Йэб».

Некоторые имена древнеегипетских божеств выглядят в книжке настолько сходно с привычными передачами, что вряд ли вызовут недоумение («Рэ» вместо «Ра», «Амун» вместо «Амон», «Хор» вместо «Гор», «Хат-хор» вместо «Хатор», «Птах» вместо «Пта»). Существенно отличны от привычных разве

лишь несколько обозначений: «Усире», «Эсе», «Тховт» вместо древнегреческих «Осирис», «Исида», «Тот»; «Шов» и «Мэ» вместо условных «Шу» и «Маат»; «Ра-Хар-Ахт» вместо устарелого «Ра-Гариехути».

По поводу имен частных лиц достаточно заметить, что там, где это было возможно, они прочтены на поздний египетский лад (например, «Тхут-мосе» и «Ах-мосе» вместо произвольных «Тутмос» и «Яхмос»). Однако сокращения имен, бытовавшие в дни солнцепоклоннического переворота, даны по возможности так, как они переданы или могли быть переданы в современной им вавилонской клинописи.

Из передач царских имен некоторые близки к употребительным («Амен-хотп» вместо «Аменхотеп», «Тут-анх-амун» вместо «Тутанхамон», «Тэйе» вместо «Тии»). Имя жены Амен-хотпа IV передано как «Нефр-эт», а не по-условному как «Нефертити». Основанием служит древнегреческая передача сходного египетского имени как «Нитетис» («Нефр-эт» — «Прекрасная пришла», «Нит-эт» — «Нэит пришла»), но с учетом установленного наукой обычного выпадения женского окончания «т» внутри сложных имен. Необычный вид имеет передача фараоновского имени Амен-хотпа IV: «Нефр-шепр-рэ» вместо «Нефр-хепрура» («Добр явлениями Рэ»). Это происходит от замены на поздний лад звука «х» звуком «ш» в соответствии с греческим «Неферсофрис», которое склонны считать передачею наименования одного из предшественников Амен-хотпа IV Тхут-мосе (Тутмоса) III — «Добрый явлениями» («Нефр-шопре»).

В сильнейшей степени отличает принятые здесь передачи от привычных произношение египетского обозначения видимого солнца как «Йот», а не как «Атон». Огласовка неправильного «Атон» основана на ошибке; конечное же «н» ко времени Амен-хотпа IV уже отпало. Разностороннее обоснование правильного произношения слова было дано в 1960 году немецким ученым Г. Фехтом в берлинском/лейпцигском египетском временнике (впервые правильное произношение было намечено в 1937 году американским ученым В. Ф. Олбрайтом в лондонском египтологическом журнале). Поскольку слово «йот» входит в состав многих имен, они приобретают необычный вид: «Эхне-

йот» вместо «Эхнатон», «Нефр-нефре-йот» вместо «Не-
фер-нефру-атон», «Тут-анх-йот» вместо «Тутанхатон»,
«Ми-йот» вместо «Меритатон», «Мек-йот» вместо «Ме-
кетатон», «Анхс-эм-п-йот» вместо «Анхесенпатон». Иначе
выглядит и имя солнцепоклоннической столицы, именуемой
часто на нынешний лад «Эль-Амарна»: «Ах-йот» («Небосклон
солнца») вместо «Ахетатон».

ОБ УСЛОВНЫХ ЗНАКАХ, ПРИМЕНЕННЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В квадратные скобки заключены места, в подлиннике разрушенные и восстановленные при переводе.

В круглые скобки заключены слова, в подлиннике не содержащиеся и не содержащиеся, вставленные от себя переводчиком.

Прерывистой чертой — — — отмечены места, пропавшие в подлиннике и при переводе не восстановленные.

Многоточием отмечены места, сохранившиеся в подлиннике, но опущенные при переводе.

ЗОЛОТОЙ ТАИНИК

Обстоятельства находки загадочного гроба во многом напоминают нашумевшее открытие гробницы фараона Тут-анх-амуна. Место действия в обоих случаях одно и то же — так называемая Долина царей, только открыт был занимающий нас сейчас тайник на пятнадцать лет раньше — в 1907 году.

В самый день Нового года состоятельный американец Т. М. Дэвис, производивший в те годы раскопки в Долине царей, остановился в нерешительности перед горюю щегня, наваленной у подножия скал. Кругом в их бурых склонах зияли входы в царские гробницы. Полтысячелетия — 3500—3000 лет тому назад — в течение всего Нового царства пустынное ущелье служило местом погребения фараонов. Кладбище лежало на западном берегу их тогдашней столицы, города Нэ, более известного у нас под греческим именем Фив. Иногда, высекая в скале гробницу, каменотесы заваливали выбрасываемыми осколками вход в более древнее погребение. Поэтому гора щегня, у которой в нерешительности остановился Т. М. Дэвис, могла скрывать дверь в гробницу, притом в гробницу, никем не потревоженную с древних времен. Но Т. М. Дэвис не первый год копал в Долине — к известным царским гробницам он и его сотрудники прибавили несколько новых. Поэтому Т. М. Дэвис хорошо знал, как трудно найти в ущелье подходящее место для перемещения щегня. Однако разведывательные прокопы были произведены, и вскоре выяснилось, что за грудую осколков действительно крылась дверь.

Когда щегень удалили, обнаружилось десятка два ступеней, ведущих вниз, в подземелье. Вход был заде-

лан наспех кое-как сложенными камнями. Дальше оказались остатки первоначальной преграды, более прочной и запечатанной по обмазке печатями кладбища. Когда сломали и эту стенку, открылся пологий спуск внутрь гробницы, забитый щебнем. По низкому проему между щебнем и потолком можно было пробраться, но дорогу преградило неожиданное препятствие: поверх щебня лежали одна за другой створки какой-то двери, покрытые листовым золотом. Как проскользнуть, не повредив золота, подсказали Т. М. Дэвису его рабочие из числа местных жителей. Между стеною спуска и дверною створкой перекинули доску, и по ней, как по мостику, благополучно, хотя и не без труда, проползли Т. М. Дэвис и его помощник, английский ученый Э. Р. Айртон.

По пути они могли заметить, что на каждой створке была изображена царица, служащая лучезарному солнцу. Каковы были их изумление и радость, когда они прочли на золоте имя царицы Тэйе — той самой Тэйе, чья удивительная судьба питала воображение ученых уже не одно десятилетие! Дочь рядового жреца и заведующего храмовым скотом в верхнеегипетском городе Шмине, она стала тридцать три века тому назад супругою одного из самых могущественных фараонов, Амен-хотпа III, повелевавшего от берегов Евфрата до Срединной Африки. Не в пример многим другим царицам ее часто изображали и именовали рядом с супругом, а на подвластном Египту юге ей вместе с ним при жизни служили как божествам. Глава одной из великих держав советовал преемнику Амен-хотпа III — Амен-хотпу IV справиться у матери о международных делах, как у лица, наиболее осведомленного. И вот гробница этой женщины была найдена! Внутри должны были почивать ее останки!

По мере приближения к концу спуска уровень щебня постепенно понижался: щебень осыпался внутрь склепа, просторного прямоугольного помещения. То, что последовало, красочно описал вскоре после открытия тайника тогдашний руководитель египетского полечительства о древностях Г. Масперо. «Провод, отведенный от сети, освещающей царские гробницы, подвел электрический ток: отблески золота вспыхнули всюду, чуть только брызнул первый луч, и господин

Золотой гроб.
С лица сорван кусок зо-
лота, из надписи вырезан
ободок с царским именем

Дэвис мог подумать, что его перенесли в одну из тех пещер-сокровищниц, которых чудеса описывает нам „Тысяча и одна ночь“. Золото на полу, золото на стенах, золото там, в самом отдаленном углу, где рядом со стеною стоит гроб, золото яркое и светлое, как если бы оно только что вышло совсем новое из рук золотых дел мастера, золото, полузатянутое пылью времен и все же не позволяющее ей скрыть себя, кажется, что все золото древнего Египта зажигается и пламенеет в этом тайнике».

Присмотревшись, Т. М. Дэвис и его спутники могли различить, что золотом были крыты большие деревянные щиты, из которых один лежал на полу, а другие были прислонены к стенам. Эти щиты представляли стенку огромного ящика, которым некогда, словно глыбою крышкою, был накрыт гроб. Надгробная сень была разобрана, и составные ее части расположены как попало в помещении. Дверные створки, обнаруженные при спуске в гробницу, были от двери на лицевой стороне сени. Имя Тэие, прочитанное на этих створках, могло быть прочтено и на других частях сени, однако на гробе, видневшемся в глубине помещения, имени царицы не оказалось.

Гроб был тоже деревянный. Он был весь покрыт листовым золотом и по нему испещрен разноцветными вставками. Он имел вид спеленатого трупа, и по налобному украшению — медной позолоченной змее — видно было, что он был царским. К подбородку была некогда приставлена деревянная позолоченная борода с синими и зелеными вставками. Звания, читавшиеся на гробе, были тоже званиями царя, а не царицы. Само имя царя было повсеместно истреблено, а с лица человекообразного гроба была сорвана большая часть золотого листа. Сквозь щель в потолке тайника просочилась вода, и дерево в гробнице прогнило, в том числе дерево гроба и надгробной сени. Под гробом оказались остатки, видимо, погребального ложа, на котором покоился человекообразный гроб; были найдены также резные деревянные головы львов, вероятно от передних углов этого ложа. Прогнив, ложе, должно быть, рухнуло и увлекло за собой при падении гроб. Крышка гроба была расколота, и он был проломан сбоку, так что выглядывала голова мертвеца.

В стене над гробом была высечена пещерка, в которой стояло четыре алавастровых сосуда для внутренних органов, подлежавших погребению отдельно от трупа. Крышки сосудов были мастерски изваяны в виде чело-веческих голов. Однако трудно было решить, кого они изображали — мужчину или женщину? Такого рода накладные волосы, как те, что окаймляли эти четыре молодых безбородых лица, носили тогда одинаково мужчины и женщины. На сосудах некогда имелись надписи, но они были тщательно изглажены. Несомненно было лишь то, что головы изображали царствующую особу, потому что на лбу каждой из них была прежде укреплена царская змея, впоследствии у всех четырех отбитая.

Кто же был погребен во вновь найденной гробнице? Надгробная сень была явно царицы Тэе. Ей принадлежало также несколько надписанных вещиц, обнаруженных в помещении. Но гроб был определенно не ее, а принадлежность ей погребальных сосудов была далеко не очевидной. Когда приступили к осмотру трупа, оказалось, что от действия просочившейся влаги истлели не только пелены, в которые он был завернут, но и он сам, так что остались одни кости да кое-где присохшие к ним клочки мяса и кожи.

Случилось так, что в это время в Долине царей находилось двое врачей-хирургов. Им предложили осмотреть труп. Осмотр протекал в самых неблагоприятных условиях, однако ширина таза не оставляла сомнений в том, что костяк принадлежал женщине. Знаменитая царица была найдена! Надежда превращалась в уверенность — увы, ненадолго!

Останки были перевезены в Каирский музей и там тщательно обследованы каирским профессором анатомии Дж. Э. Смитом. И что же? Костяк оказался все же женским. Он принадлежал молодому мужчине лет двадцати пяти — двадцати шести, может быть, года на два — на три старше или моложе.

Т. М. Дэвис остался при первоначальном мнении, что открытый им тайник представлял гробницу прославленной царицы, и так и издал его под названием «Гробница царицы Тэе». Но он не мог объяснить, почему вместо царицы в склепе был похоронен какой-то юноша.

Да и вообще, кем мог быть этот молодой человек? Вскоре после открытия гробницы Г. Масперо высказал предположение, что им мог быть Семнех-ке-рэ, зять и преемник знаменитого сына Тэ́е фараона Амен-хотпа IV. Погребение было, бесспорно, царским, сам же Амен-хотп IV, как представлялось тогда Масперо, не мог умереть таким молодым. Однако не далее как к следующему, 1908 году Масперо круто изменил свое мнение и готов уже был признать мертвеца за самого царя-солнцепоклонника Амен-хотпа IV. К этому французского ученого побуждали надписи на гробе. Как мы говорили, имя царя было в них повсеместно уничтожено, но прозвания, сопровождавшие это имя, по всеобщему признанию, принадлежали Амен-хотпу IV и никому другому: «Живущий правдою» и «Большой по веку своему» были его прозваниями. Но если гроб был Амен-хотпа IV, то естественно было приписать ему и погребальные сосуды, которые тоже были царскими и на которых имя владельца было также уничтожено. Масперо так и поступил, хотя разубедить Т. М. Дэвиса в принадлежности их Тэ́е ему, по меньшей мере на первых порах, не удалось.

Вывод, что молодой человек, найденный в гробу Амен-хотпа IV, есть не кто иной, как Амен-хотп IV, был настолько прост и доходчив, так напрашивался сам собой, что ученый мир прочно уверовал в тождество покойного с фараоном-солнцепоклонником. Значение находки Т. М. Дэвиса бесконечно возрастало. Царица Тэ́е была, бесспорно, примечательной женщиной, но ее сын был самым необыкновенным из всех фараонов, самой поразительной личностью египетской древности! Амен-хотп IV, или, как он впоследствии именовал себя, Эх-не-йот («Полезный солнцу»), был душою переворота, потрясшего тогдашнее общество и сказавшегося на всех сторонах его жизни: на хозяйстве, государстве, быте, мировоззрении, письменности, словесности, зодчестве, ваянии, живописи. Особенно яркое выражение переворот нашел в области верований. Амен-хотп IV отверг вселенное египетское многобожие и установил в качестве государственной веры почитание одного только солнца вместе с его сыном и подобием — фараоном. Большое славословие,

сложенное в честь солнца, как многие думают, самим царем-солнцеклонником, по праву считается самым художественным из всех древнеегипетских произведений такого рода. Великие создания тогдашних ваятелей, творивших под непосредственным воздействием Амен-хотпа IV, своею правдивостью и одухотворенностью по сию пору чаруют зрителя. Какая изумительная удача, что останки этого человека были найдены!

Гробовым надписям вторили заклинания на заупокойных кирпичях, расставленных по погребальному помещению: на двух кирпичях можно было прочесть фараоновское имя Амен-хотпа IV «Нефр-шепр-рэ — Единственный для Рэ (т. е. солнца)». Припомнили даже, что при вскрытии гроба на трупе видели золотые ленты с обозначениями, свойственными этому фараону. Да и сами останки не подкрепляли ли недвусмысленно свидетельство надписей? Телосложение умершего было менее всего обыкновенным. По бесчисленным изображениям было доподлинно известно, как выглядел Амен-хотп IV. Его узкая с выступающим затылком голова сидела на тонкой и длинной шее. Тонкими были также руки и голени и самый стан фараона. Зато груди и живот сильно выдавались, таз был широк и бедра были полными. И вот некоторые из этих особенностей, казалось, прослеживались на трупе, как ни плохо он сохранился. Покойный был человеком небольшого роста и хрупкого сложения. Затылочная часть черепа далеко выдавалась назад, и таз был необыкновенно широк. Женоподобный облик Амен-хотпа IV издавна поражал ученых; мертвеца тоже сначала приняли за женщину!

Отождествление покойного с Амен-хотпом IV сулило заманчивые выводы о телесном и душевном состоянии царя-солнцеклонника. В самом деле, разве не признал Дж. Э. Смит выпяченный череп мертвеца водяночным? А если так, то не страдал ли Амен-хотп IV падучей и не был ли подвержен обманам чувств? Провозвестник исключительного солнцепочитания, бьющийся в припадке «священной» болезни, посещаемый странными явлениями, — какой простор для ученого воображения! И, надо сказать, оно не преминуло разыграться...

Тем временем назревало важное открытие, самое важное после находки самого тайника. Тень царицы Тэе оказалась вновь потревоженной, только на этот раз не из-за необыкновенных останков, а из-за золотого гроба.

В 1916 году в каирском «Бюллетене» Французского института восточной археологии Ж. Даресси изложил любопытное наблюдение, сделанное им во время восстановительных работ над гробом в Каирском музее. Французский ученый подметил, что в ряде мест надписи на гробе подверглись в древности изменениям. Листовое золото, на котором помещались письмена, было местами вырезано, а взамен изъятого наложено новое, однако обычно более тонкое и со знаками, выполненными менее тщательно; там, где знаки были вырезаны в самом дереве и затем покрыты золотым листом, их удалили, а впадины заполнили гипсом, вырезали в нем новые знаки и воспроизвели их в наложенном поверху золотом листе тем или иным способом. В молитве, начертанной от имени умершего на подошвах человекообразного гроба, местоимение первого лица единственного числа было в одном случае написано на исконном золоте, а в остальных проставлено на золотых листочках, наклеенных позднее. Знак, употребленный на золотых заплатках, изображал соответственно представлению об умершем царе как о боге мужское египетское божество с волосами, зачесанными на спину, и длинной бородой. Знак, употребленный на исконном золоте, пропущенный теми, кто переделывал надпись, изображал женщину с волосами, разделенными на пряди, и, естественно, без бороды. Из всего этого Ж. Даресси делал законный вывод, что гроб первоначально предназначался для женщины и лишь впоследствии был переделан в мужской.

Во всех надписях на гробе самые значительные изменения были произведены до и после одного и того же сочетания царских обозначений следующего состава: «царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель (т. е. Верхнего и Нижнего Египта) [Нефр-шепр-рэ — Единственный для Рэ], отрок добрый солнца живого, который будет жив (разночтение: тут жив) вековечно вечно» (в прямоугольных скобках

восстановлено истребленное фараоновское имя Амен-хотпа IV). Полагая, что женщиной, для которой первоначально предназначался гроб, была царица Тэ́е, Ж. Даресси перед этими обозначениями царя восстанавливал обозначения Тэ́е как царицы-матери, а после них — ее имя: царица-мать такого-то царя Тэ́е. Ж. Даресси предполагал, что при переделке гроба для Амен-хотпа IV начальное обозначение царицы-матери уступило место дополнительным прозваниям фараона, а стоявшее в конце имя Тэ́е — другому (личному) имени ее сына или каким-нибудь иным выражениям.

Одновременно Ж. Даресси дал простое объяснение золотым лентам, виденным на трупе при вскрытии гроба: надписи на листовом золоте, отклевываясь от внутренней поверхности гроба, оказались на лежавшем в нем трупе.

Наблюдения Ж. Даресси касательно переделок на гробе не были оценены по достоинству, и золотой гроб из Долины царей продолжал слыть ископным гробом Амен-хотпа IV. Если что вызывало сомнение, так это принадлежность ему четырех погребальных сосудов с великолепными крышками в виде человеческих голов. Выдающийся знаток египетского искусства Х. Шэфер, резко отклонивший открытие Ж. Даресси, сам поместил в 1919 году статью в лейпцигском египетском временнике, в которой коренным образом пересмотрел вопрос о принадлежности сосудов. Присвоенные по очереди Тэ́е, Амен-хотпу IV и даже Тут-анх-амуну, они были приписаны теперь царице Нефр-эт, что, впрочем, тоже не получило всеобщего признания. Удивляться этому, правда, не приходилось, потому что головы на сосудах действительно мало походили на головы названных царственных особ.

Сам труп, признанный столь единодушно останком Амен-хотпа IV, в одном отношении возбуждал непрестанно недоумение. Было хорошо известно, что царь-солнцепоклонник царствовал около семнадцати лет. Если, согласно врачебному обследованию, покойному было никак не больше двадцати восьми лет, то Амен-хотп IV должен был воцариться еще совсем мальчиком — самое большее двенадцати лет. К нововведениям он приступил вскоре после воцарения.

Так неужели же во главе переворота такой глубины и такого размаха мог стоять мальчик? Пытались найти что-нибудь похожее в летописях человечества. Г. Мёллеру удалось указать довольно близкий пример в самом Египте. Арабский халиф аль-Хаким ибн Азиз (996—1021), тоже вводивший новые верования, начал преобразования в возрасте шестнадцати лет. Однако шестнадцать лет все-таки не двенадцать...

В 1921 году немецкий ученый К. Зэте напечатал в органе гёттингенского Общества наук опровержение тождества мертвеца с Амен-хотпом IV. Доводы К. Зэте допускали возможность возражения. Природа фараоновского празднества «тридцатилетия», которое Амен-хотп IV справлял еще в начале царствования, далеко не настолько ясна, чтобы можно было утверждать, что царь-солнцепоклонник при своем воцарении никак не мог быть мальчиком. Слабое доказательство представляли и две золотые пластинки, найденные вместе с трупом и надписанные обозначениями солнца, употребительными лишь в средние годы царствования Амен-хотпа IV, а никак не в конце. Пластинки были не более как частичками каких-то украшений, во гробе не находившихся, и как они обе попали в гроб, оставалось вообще непонятным.

Тем не менее имя К. Зэте было слишком громким, чтобы к его мнению не прислушались. В 1924 году в ответ на статью К. Зэте Дж. Э. Смит и В. Р. Доусон в своей книге об египетских мумиях пересмотрели заново заключение о возрасте умершего. При этом они, пусть не без колебаний, но с новой силой повторили сделанную Дж. Э. Смитом еще в 1910 году существенную оговорку. Памятниками засвидетельствовано странное телосложение Амен-хотпа IV. Оно могло быть вызвано редким недугом. Последствием болезни могла быть задержка в сращении костей, так что состояние костяка, наблюдающееся обычно в двадцатипятилетнем возрасте, могло удержаться у царя даже лет на десять дольше. К сожалению, подобными гадательными предположениями нельзя было рассеять закравшиеся сомнения, и прежняя убежденность в тождестве мертвеца с Амен-хотпом IV сменилась неуверенностью.

Тем временем, в 1922 году Х. Картер и лорд Кар-

нарвон открыли знаменитую гробницу фараона Тут-анх-амуна. Это открытие внесло свой, пускай не решающий, но все же ценный вклад в дело распутывания странных загадок, заданных тайником Т. М. Дэвиса. Так, после находки в гробнице Тут-анх-амуна его погребальных сосудов окончательно отпала возможность приписывать ему те четыре безымянных, что были открыты Т. М. Дэвисом. Сличение черепа Тут-анх-амуна с черепом загадочного мертвеца обнаружило поразительное сходство размеров. Это было тем примечательнее, что оба черепа отличались необычными строением и шириной. Таким образом, оказалась еще раз подтвержденной принадлежность останков из тайника Т. М. Дэвиса члену царствующего дома.

Однако отождествлять загадочного мертвеца с Амен-хотпом IV стало вскоре совершенно невозможным. находка некоторых недостававших лицевых костей и новый пересмотр вопроса как будто окончательно устранили мысль о поражении черепа водянкой и возможном влиянии ее на сращение костей. Изучение останков привело Д. Э. Дерри в 1931 году к выводу, что костяк принадлежал молодому человеку, скончавшемуся, по всей вероятности, в возрасте не старше 24 или 23 лет. Тождество двадцатичетырехлетнего юноши с Амен-хотпом IV, приступившим к нововведениям уже в начале своего более чем шестнадцатилетнего царствования, было, разумеется, исключено.

Новое направление прений о золотом гробе и находившемся в нем костяке было дано в том же 1931 году каирским ученым Р. Энгельбахом. Случилось так, что королевское правительство Египта вознамерилось перенести прах фараонов, почивавших в Каирском музее, в особую государственную усыпальницу. В конечном итоге намерение не было осуществлено, но в свое время оно побудило каирских ученых срочно решить, кто же в конце концов загадочный мертвец, подлежит ли он как фараон перенесению или должен быть, если он не таковой, оставлен в музее. Ответ и попытался дать Р. Энгельбах в статье, опубликованной в «Анналах» Службы древностей Египта за 1931 год. Р. Энгельбах полностью подтвердил на-

глядно доказал, что обнаруженная Ж. Даресси переделка гробовых надписей — не праздный домысел, а сущая правда. Однако толкование, данное Р. Энгельбахом этим изменениям, отличалось от предложенного первоначальным исследователем. Предположение Ж. Даресси о первоначальной принадлежности гроба царице Тэе Р. Энгельбах отклонил, в частности по той же причине, что ободок со вписанным именем царицы, будь то Тэе или супруга Амен-хотпа IV Нефр-эт, пришелся бы в надписи на крышке гроба на резкий перегиб поверхности, оказался бы переломленным пополам. Предложенное Р. Энгельбахом восстановление первоначального состава надписей зиждилось на допущении, что гроб был изготовлен для зятя и преемника Амен-хотпа IV Семнех-ке-рэ в бытность его еще частным лицом, а впоследствии был переделан в фараоновский в связи с переменою в положении владельца. По Р. Энгельбаху, титул умершего с измененными началом и концом и исконными царскими обозначениями посередине были сперва составлены по образцу «любимец такого-то царя такой-то», а затем переделаны из вельможеских в фараоновские: «любимец» заменено дополнительными царскими обозначениями, фараоновское имя Амен-хотпа IV в исконной средней части титула — соответствующим именем преемника, а прежнее имя последнего — его же (личным) именем, обведенным ободком как царское: такой-то и такой-то царь Семнех-ке-рэ. Исключение составляли бы надписи на крышке, где предполагаемое имя вельможи было заменено случайными словосочетаниями. По мнению Р. Энгельбаха, в молитве на подошвах гроба местоимение первого лица единственного числа было передано первоначально обыкновенным знаком сидящего мужчины, который затем для царя Семнех-ке-рэ как лица божественного был заменен знаком человекообразного египетского бога. Такому толкованию противоречило, однако, то обстоятельство, что в единственном месте молитвы, где местоимение первого лица было поставлено заново и сохранился первоначальный знак, это был знак не мужчины, а женщины. Р. Энгельбах объяснял подобное несоответствие ошибкою первоначального писца или резчика, поставившего

Сосуды для внутренностей умершего, найденные вместе с золотым гробом

по недосмотру женский знак вместо мужского, но такое объяснение не всех удовлетворило.

Возраст покойного, сходство с Тут-анх-амуном, погребение в ущелье царских гробниц в царском гробу делали весьма правдоподобным мнение, робко высказанное когда-то Г. Масперо и решительно отстаиваемое теперь Р. Энгельбахом, что загадочный мертвец не кто иной, как первый преемник Амен-хотпа IV — Семнех-ке-рэ. Отождествление, предложенное Р. Эн-

гельбахом, получило широкое признание в ученом мире. Но следовало ли из тождества покойного с Семнех-ке-рэ, что гроб и до переделки принадлежал ему и был переделан в фараоновский именно для него, а не для Амен-хотпа IV? Доказать последнее Р. Энгельбах не мог, поскольку имя царя было на гробе повсюду уничтожено, догадке же об изготовлении гроба для вельможи противоречил знак женщины, оставшийся от первоначальной надписи. В конце концов к 1940 году и сам Р. Энгельбах признал, что гроб предназначался сперва для женщины, которая не могла быть царицей, как убедительно показал тот же Р. Энгельбах еще в 1931 году.

Но кто же тогда была эта женщина? Американский ученый К. Сил высказался в 1955 году за принадлежность гроба первоначально царевне Мек-йот, рано умершей второй дочери Амен-хотпа IV. Другой американец, С. Олдред, в 1957 году предпочел приписать гроб старшей царевне — Ми-йот. Но как ни разнились мнения относительно первоначальной принадлежности гроба, противопоставить энгельбаховскому отождествлению мертвеца с Семнех-ке-рэ какие-нибудь веские доводы никто не мог.

Однако не далее как в том же 1957 году тождество покойного с Семнех-ке-рэ оказалось неожиданно поколебленным, тождество с Амен-хотпом IV снова подлежащим обсуждению, а царица Нефр-эт, упоминавшаяся дотоле лишь в связи с погребальными сосудами, непосредственно причастной к вопросу о гробе! Виной всему была статья о гробе из так называемой гробницы Тэйе, которую поместил в лондонском египтологическом журнале виднейший знаток египетских древностей сэр Элэн Гардинер. Он обратил внимание на то, что при XVIII царском доме было в обычае начертывать на подошвах человекообразных царских гробов речь Эсе, сестры и жены египетского бога мертвых Усире. Эсе обращалась к покойному как тождественному с ее братом и супругом. При нетерпимом солнцепоклоннике Амен-хотпе IV заступить на его гробе отверженную Эсе могла, по мнению Э. Х. Гардинера, царица Нефр-эт, как и Эсе, «сестра» и супруга умершего. Это представлялось тем более правдоподобным, что по углам каменных царских гробов в солнце-

поклоннической столице вместо прежних богинь-хранительниц бывала изображена царица. Истребление впоследствии в речи на подошвах гроба имени говорившей и женских знаков для местоимения служило Э. Х. Гардинеру подтверждением принадлежности этой речи царице Нефр-эт, поскольку ему неизвестно было никакой другой женщины из царской семьи, чье имя подвергалось бы такому преследованию. Э. Х. Гардинер ссылаясь при этом на переделки в надписях усадьбы солнца на юге солнцепоклоннической столицы, где имя царевны Ми-йот, по общепринятому мнению, заменило имя матери. Но если первоначально к умершему как к своему супругу обращалась на правах заместительницы Эсе царица Нефр-эт, оставалось только заключить, что гроб с самого начала принадлежал ее мужу Амен-хотпу IV. На этом основании Э. Х. Гардинер отказывался допустить мысль, что в прочих переделанных надписях на гробе мог быть когда-либо назван иной его хозяин, чем Амен-хотп IV, хотя тут же чистосердечно признавался, что не может объяснить переделки в этих надписях. Одновременно Э. Х. Гардинер указал — и это было очень существенное указание, — что люди, ответственные за таинственное погребение, были уверены, что погребают Амен-хотпа IV. По погребальному помещению были расставлены, как полагалось, волшебные «кирпичи», и на двух из них, сохранивших сполна свои заклинания, в конце значилось его фараоновское имя. Это наблюдение набрасывало тень сомнения на точность врачебного заключения 1931 года о возрасте умершего.

Но если Э. Х. Гардинер восстанавливал в правах старое мнение о принадлежности гроба искони фараону, имея в виду Амен-хотпа IV, то в следующем, 1958 году Г. Рёдер в берлинском/лейпцигском египетском временнике проделал то же, но в пользу Семнех-ке-рэ. Г. Рёдер пошел дальше Р. Энгельбаха, полагая, что гроб был изготовлен для Семнех-ке-рэ уже в бытность его фараоном, а не переделан для него в царский из прежнего вельможеского. Переделки в гробовых надписях, по мнению Г. Рёдера, сводились к исправлению погрешности мастера, начертавшего повсюду ошибочно знак женщины для местоимения первого лица единственного числа, да ко включению солнца в

молитву на подошвах гроба, обращенную первоначально к одному Амен-хотпу IV.

Под влиянием доводов С. Олдред, считавшего еще в 1957 году первоначальной хозяйкою гроба старшую дочь Амен-хотпа IV Ми-йот, сэр Элэн Гардинер в 1959 году изменил свое мнение и полагал уже, что гроб первоначально предназначался для царевны и только затем был переделан для Амен-хотпа IV. Вместе с тем Э. Х. Гардинер полагал теперь, что надпись на подошвах гроба лишь косвенно отразила обращение к покойному от имени Эсе, принятое на многобожеских гробах. Свое убеждение, что совершавшие погребение считали покойника Амен-хотпом IV, Э. Х. Гардинер подтвердил с новой силою. Сам С. Олдред напечатал в 1961 году в лондонском египтологическом журнале статью, в которой, перебрав ряд членов царского дома, остановился опять-таки на царевне Ми-йот как первоначальной хозяйке гроба. Одновременно С. Олдред отстаивал мнение, что труп, лежавший в гробе, переделанном для Амен-хотпа IV, мог быть действительно его. В подтверждение прилагалось врачебное заключение глазговского ученого-медика А. Т. Сэндисона, допускавшего, что в случае поражения определенной (эндокринной) болезнью покойник мог быть человеком средних лет. Странный облик Амен-хотпа IV, увековеченный изображениями, да и самый костяк благоприятствовали бы признанию у фараона подобного заболевания. Однако болезнь (*dystrophia adiposogenitalis*) предполагала бы неспособность большого задолго до смерти иметь детей, а у Амен-хотпа IV одна дочь рождалась за другою вплоть до самого конца его царствования...

Наконец, в том же 1961 году и в том же журнале появилась статья Х. В. Фэрмэна, в которой английский ученый отстаивал принадлежность гроба до переделки царевне Ми-йот, а принадлежность останков — ее мужу фараону Семнех-ке-рэ. Тут же были впервые изданы надписи на двух сосудах, принадлежавших некогда какой-то неведомой жене Амен-хотпа IV по имени Кийа. В переводе надпись на одном из них, хранящемся в нью-йоркском городском музее (другой сосуд находится в Британском музее в Лондоне), была сообщена В. С. Хэйсом еще в 1959 году. Средние ча-

сти титла этой Кийа совпадали со средними непеределанными частями титла на гробе, и Х. В. Фэрмэн полагал, что «Кийа должна быть включена в список кандидатов» в первоначальные обладатели загадочного гроба. В ходе последующих рассуждений этот список свелся у Х. В. Фэрмэна к Кийа и Ми-йот как «двум наиболее вероятным кандидатам». Однако вслед за тем, «хотя Кийа, очевидно, имеет очень прочные права на предпочтение, поскольку она единственная особа, которая связана с точно такими же текстами, как находящиеся на гробе», Х. В. Фэрмэн объявил себя «сомневающимся и скептическим относительно ее прав». Поводом к тому служила усматриваемая им несоразмерность переделанных начала и конца титла на гробе и начала и конца титла Кийа (предположительно начала должны были прийти точно на начала, а концы — на концы). Поэтому, заключал Х. В. Фэрмэн, «серьезное внимание должно быть уделено правам» Ми-йот. Она — «единственная амарнская принцесса, от которой дошли надписи, без каких-либо больших трудностей укладываемые» в титло, стоявшее на гробе. При раскопках усадьбы солнца на юге солнцепоклоннической столицы (в верхнеегипетской местности, именуемой ныне условно Эль-Амарна) был обнаружен ряд обломков, на которых, по общепризнанному мнению, имя и звание царицы Ми-йот были вписаны поверх изглаженных имени и званий ее матери царицы Нефр-эт. Средние части переделанного титла в усадебных надписях и на гробе на треть или даже наполовину совпадают, однако продолжение средних частей представлялось Х. В. Фэрмэну тут и там неодинаковой длины, если, оговаривал он, в восстановлении усадебных надписей в издании точно показаны размеры пробелов. Х. В. Фэрмэн находил очевидным, что слова «дочь царицы, возлюбленная», которые бывали вставлены в начале титла в усадьбе, точно укладываются повсеместно в начальные части титла на гробе, тогда как в конечные части могут вместиться звание и имя «дочь царицы Ми-йот», встречающиеся во вставках в конце титла в усадьбе. Заключение Э. Х. Гардинера, что расстановкою в тайнике волшебных «кирпичей» на имя Амен-хотпа IV совершавшие погребение выказали уверенность в тождестве по-

гребаемого с царем-солнцепоклонником, Х. В. Фэрмэн пытался ослабить. Он сомневался в употребительности волшебных кирпичей в конце царствования Амен-хотпа IV и особенно в возможности назвать тогда на них покойного царя-солнцепоклонника именем «Усире» в силу тождества его со старым богом мертвых: «Усире царь Нефр-шепр-рэ — Единственный для Рэ». Х. В. Фэрмэн ссылался также на (кажущуюся) нечеткость царского имени на одном из двух кирпичей, его сохранивших. Х. В. Фэрмэну представлялось, что покойник не может быть никем иным, как Семнех-ке-рэ. Подтверждение своему мнению, что гроб был переделан для этого фараона, Х. В. Фэрмэн усматривал в пожелании: «будешь ты, как Рэ», общем одному из переделанных мест на гробе и одной из надписей внутри золотого гробовидного ковчежца, использованного впоследствии для внутренностей Тут-анх-амуна, но первоначально предназначавшегося для Семнех-ке-рэ.

Прошло пять лет, и в 1966 г. все в том же лондонском египтологическом журнале были обнародованы итоги долгожданного всестороннего врачебного обследования останков из золотого гроба. Обследование осуществил на уровне современных знаний и возможностей профессор анатомии Ливерпульского университета Р. Дж. Харрисон. Он не только подтвердил заключение Д. Э. Дэрри, но пошел еще дальше в смысле снижения возраста мертвеца. По Р. Дж. Харрисону, он был несомненно моложе 25 лет и даже имеютя все основания полагать, что он умер на 20 году жизни. Признаков болезни, которая задержала бы возмужание, на костях не оказалось. Вопреки прежним утверждениям, покойный юноша ни лицом, ни телосложением не походил на Амен-хотпа IV, хотя сильно напоминал Тут-анх-амуна. По способу исключения Р. Дж. Харрисон, естественно, пришел к выводу, что останки принадлежат Семнех-ке-рэ.

Более полувека длится обсуждение странной загадки, заданной науке тайником в Долине царей. Так к чему же привели упорные усилия разгадать эту тройную загадку? Выяснилось ли, чьим был первоначально золотой гроб, чьими были великолепные погребальные сосуды, как попали юношеские останки в гроб Амен-хотпа IV? Предложены только гадатель-

ные решения, из которых ни одно не было доказано, и ни по одному из трех вопросов не создано единого мнения. Предположение, что гроб и сосуды с самого начала предназначались для Семнех-ке-рэ, в настоящее время находит мало сторонников. Мысль об истинной принадлежности гроба Амен-хотпу IV можно считать оставленной. Преобладает мнение, что гроб сменил хозяина, что первоначально он принадлежал женщине и что ею была дочь Амен-хотпа IV; возможность приписать гроб какой-нибудь неизвестной жене Амен-хотпа IV не встретила сочувствия даже у первоиздателя двух маленьких надписей одной такой особы. Дочке Амен-хотпа IV готовы присвоить и погребальные сосуды, найденные вместе с гробом; принадлежность их первоначально царице Нефр-эт вновь не отставалась, а принадлежность их искони Амен-хотпу IV окончательно отпала после находки остатков его собственных сосудов в царской гробнице в солнцепоклоннической столице. Заключение о переделке гроба для Амен-хотпа IV находит большую поддержку, чем догадка о переделке для Семнех-ке-рэ. В отношении трупа мнения разделились, хотя мнение о принадлежности трупа Семнех-ке-рэ, видимо, возобладало над мнением о принадлежности трупа Амен-хотпу IV.

Итак, вопреки всем усилиям ученых, три загадки, заданные столь странным и вместе с тем столь любопытным для науки тайником, остаются по сию пору неразгаданными. Дело, очевидно, не в недостатке стараний, а в недостатке данных, нужных для разгадки. Попытаемся поискать новые данные.

НАДПИСИ НА ГРОБЕ

Раньше чем пуститься на поиски новых данных для разгадки трех загадок тайника, познакомимся поближе с надписями на золотом гробе.

По заведенному обычаю он имеет обличье спеленатого трупа, вырезан из кедрового дерева и покрыт золотым листом, испещренным многоцветными вставками. Надписи на гробе расположены так: стоячая строка А — снаружи посередине крышки от живота до ступней, лежачая строка В — снаружи по левому краю ящика, лежачая строка С — снаружи по правому краю ящика, стоячая строка D — внутри посередине крышки, стоячая строка Е — внутри посередине дна ящика, двенадцать лежачих строк надписи F — снаружи на подошвах ног.

Знаки в надписях А, С, F смотрят вправо, в надписях В, D, Е — влево. Знаки надписи А выпуклые, с разноцветными вставками, на полосе листового золота. Знаки надписей D и Е вырезаны в дереве и затем выдавлены в положенном поверху золотом листе путем нажима на него. Надпись F прочерчена острием на листовом золоте.

Кое-где золотые листочки отклеились и отвалились, так что местоположение некоторых обрывков в строках не вполне бесспорно. Однако перепутаны при восстановлении гроба после находки могли быть лишь кусочки из надписей D и Е, одинаково расположенных, направленных и исполненных; для остальных надписей подобная путаница совершенно исключена, в том числе для надписей С и F, из которых для первой издателем лишь глухо указан способ выполнения.

Надписи на гробе были впервые изданы Ж. Даресси в 1910 году в выпущенной Т. М. Дэвисом книге «Гробница царицы Тэйе» и затем переизданы тем же ученым, но в более полном виде, в 1916 году в «Бюллетене» Французского института восточной археологии. В третий раз надписи издал Р. Энгельбах в 1931 году в «Анналах» Службы древностей Египта.

В первой главе было рассказано, как Ж. Даресси после первого издания надписей, работая в Каирском музее над восстановлением гроба, обнаружил в надписях позднейшие вставки, сделанные на золотых заплатах взамен вырезанных мест. В той же главе было отмечено, что открытие Ж. Даресси было подтверждено Р. Энгельбахом.

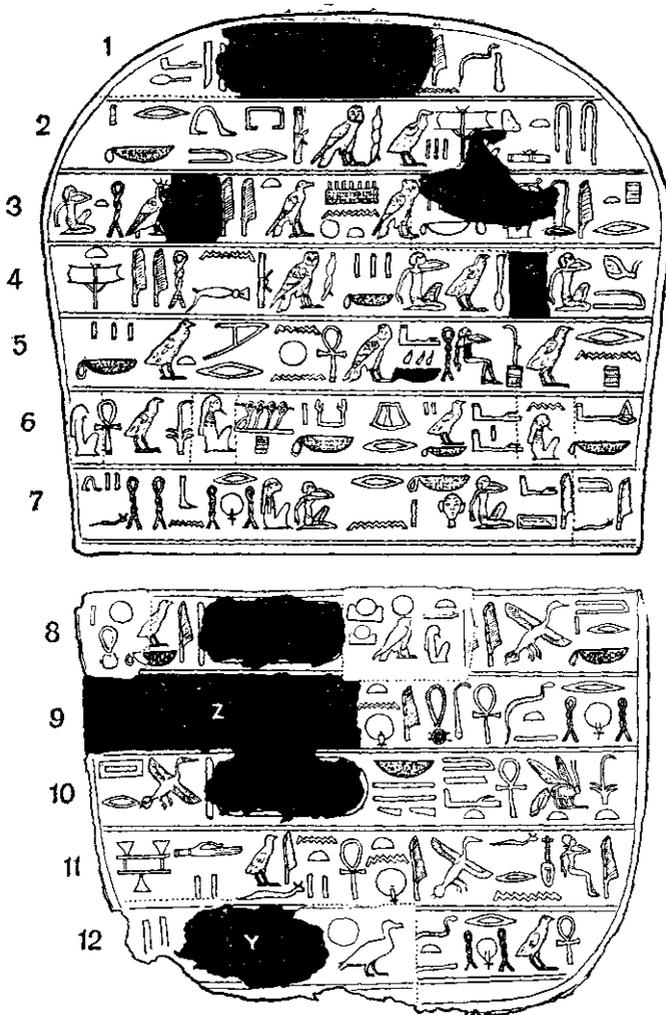
Сопоставив издания, мы убедимся, что большинство вставок отсутствует в издании 1910 года, тогда как в издании 1916 года все вставки уже содержатся. Следовательно, большинство золотых листочков, наклеенных при переделке надписей, отклеилось и отвалилось и было водворено на свои теперешние места в промежуток времени между первым обследованием гроба вскоре после его открытия в 1907 году и вторым изданием Ж. Даресси в 1916 году. Это лишний раз подтверждает позднейшее происхождение наклеек, но вместе с тем заставляет пожалеть, что издатели не обосновали в своих трудах произведенного или принятого ими размещения отвалившихся частей. Неизвестно также, насколько надежно расположение в первоиздании 1910 года некоторых отрывков, оказавшихся вставками, и не было ли кое-что из отвалившегося прикреплено ко гробу более или менее наугад по его вскрытию. Об исконных, не привнесенных знаках в конце надписи D, стоящих на теперешнем месте уже в издании 1910 года, Р. Энгельбах высказывал мнение, что они, возможно, принадлежат надписи E.

В сообщаемом ниже переводе надписей переделанные места отмечены двойной чертой, проведенной сбоку от них или под ними. Где двойная черта заменена единичною, имеется расхождение между издателями в определении исконности данного места; единичная черта снабжена буквою D или Э в зависимости от того, кто из двух ученых, Ж. Даресси или Р. Энгельбах, считал спорное место переделанным.

Перевод надписей на гробе

А	В	С	D	Е
Властитель добрый, образ Рэ,	Властитель добрый, _____	Властитель добрый, вос- сиявший в белом венце,	Властитель любимая (!), большой, _____	Властитель добрый, большой, любимец,
царь (и) государь живущий правдою, владыка обеих земель [(имя)],				
тут жив (D, E)				
отрок добрый солнца живого, который будет				
жив (A, B, C)				
вечно вечно,				
правый на небе(и) на земле	_____ _____ _____ _____ _____ _____	сын Рэ, живущий правдою, владыка венцов _____ _____ _____ _____ _____ _____	владыка неба, есмь я, жить, сердце его на месте своем, Э видишь ты _____ (?) Единственного для Рэ (?)	сын Рэ, живущий правдою, владыка _____ _____ _____ _____ _____ _____ повсе- дневно непре- станно
_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____
_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____
_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____	_____ _____ _____ _____ _____ _____

1. Сказывание слов [(таким-то царем)], правым голосом:
2. Буду обонять я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих.
D
3. Буду видеть я красоту твою постоянно, [м]ое желание.
4. Буду слышать [я] голос твой сладостный северного ветра.
5. Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей.
6. Будешь давать ты мне руки твои с питанием твоим, буду принимать я его, буду жить я
7. им. Будешь взывать ты во имя мое вековечно, не (надо) будет искать его
8. в устах твоих, (м)ой отец Ра-Хар-Ахт! [(Такой-то царь)], будешь ты, как Рэ,
9. вековечно вечно, живя, как солнце, _____
10. царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель [(имя)], отрок
11. добрый солнца живого, который будет тут
12. жив вековечно вечно, сын Рэ [(имя)], пра[в]ый голо[с]ом.

Надпись (F) на подошвах золотого гроба.
Точечками отчерчены позднейшие вставки

Вывод о том, что надписи на гробе подвергались переработке в древности, был получен путем сравнения начертаний знаков, а также золотого листа, на котором они выполнены. Но к тому же заключению приводит и состав надписей, их содержание.

Конец надписи D, начиная со слов «владыка неба», представляет набор выражений, лишенных внутренней связи. На это обратил внимание Э. Х. Гардинер, и плохо верится, что виною бессмыслицы не древняя перделка, а неудачное распределение отставших листочков после находки гроба. Кто из ученых стал бы так восстанавливать надпись? Да и содержится эта бессмыслица уже в первоиздании.

Обратило на себя внимание английского ученого и заключение надписи A. Действительно, оно выглядит беспомощным: короткое определение «правый на небе (и) на земле» после длинного относительного предложения. Краткое определение вряд ли может быть тут исконным.

В надписях С, Е, F фараон дважды подряд объявляется сыном солнца: «отроком добрым солнца живого» после первого имени и «сыном Рэ» перед вторым. Последнее имя со свойственным ему званием «сын Рэ» и другими обозначениями должно быть вставкой.

Особенно доказательна надпись F, позволяющая уже из нее одной сделать кое-какие заключения о первоначальном хозяине гроба.

В нынешнем ее составе надпись F звучит сперва как заупокойная молитва фараона его солнечному богу Ра-Хар-Ахту. Затем она внезапно превращается в пожелание во втором лице единственного числа самому царю солнцеподобной долговечности. В итоге обращение, замыкающее молитву, «мой отец Ра-Хар-Ахт» оказывается вплотную сомкнутым с обращением к царю, с его именем, в начале пожелания! Переход слишком неестественный, чтобы быть исконным.

Мы только что сказали, что надпись F выглядит сначала, до середины 8-й строки, как заупокойная молитва Ра-Хар-Ахту. Однако стоит лишь сравнить надпись F с заупокойными надписями гробниц и жилищ в солнцепоклоннической столице, как станет почти очевидным, что в ней кроется молитва к фараону.

Разве не теми же словами и оборотами речи пользуются, когда говорят фараону или о фараоне?

Строка 2: «Буду обонять я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих». В своей гробнице Туту говорит царю: «Да обоняю я дыхание твое сладостное северного ветра». О солнце же говорится самое большее: «Обонять дыхание сладостное северного ветра, выходящего из неба из руки солнца живого» или «Да даст он дыхание сладостное северного ветра».

Строка 3: «Буду видеть я красоту твою постоянно, [м]ое желание». Тот же Туту просит фараона: «Да дашь ты насытиться мне видом твоим, желанис(м?) сердца моего», а в другой раз заявляет: «Видеть [е]г[о] постоянно, Единственного для Рэ, мое [жела]ние повседневно». Один из верховных жрецов солнца молится ему в своем доме: «Да дашь ты видеть (мне) его (т. е. царя) в его празднестве тридцатилетия первым — мое желание, которое в сердце» и, обращаясь, видимо, к царю, добавляет: «Видеть тебя постоянно — желание сердца». Просьбами и пожеланиями видеть солнце и фараона нестрят солнцепоклоннические надписи, но обороты, кончающиеся словами «мое желанис» и т. п., применительно к солнцу не засвидетельствованы.

Строка 4: «Буду слышать [я] голос твой сладостный северного ветра». В гробнице своей Аяа молит фараона: «Да слышу (я) голос твой сладостный во Дворе солнечного камня (т. е. в глубине главного храма столицы), (когда) творишь ты жалуемое (т. е. службу) отца твоего солнца живого», а у солнца просит Маху: «Да слышу я голос царя, (когда) творит он жалуемое отцу своему солнцу». Об этом же просит солнце и Туту: «[Да слышу] я голос царя, (когда) творит он жалуемое отцу своему ———», «Да дашь ты мне... ухо мое слышащим голос его (т. е. царя)». Также Сута желает в своей гробнице от фараона: «——— слышать [го]лос тв[ой]». О том, как они слышат царский голос, сановники говорят и вне пожеланий. Аяа и Майа объявляют каждый: «Я слышал голос его непрестанно», а П-вох заверяет фараона: «Крепну я, слыша голос твой». «Голос» же солнца ни разу не упомянут в надписях солнцепоклонников.

Пожелания и заявления вельмож, напоминающие надпись F, иногда сочетаются между собою, от чего сходство с нею еще увеличивается. Мы находим у П-воха: «Ты (т. е. царь) — солнце, живу я видом твоим, крепну я, слыша голос твой», а у другого верховного жреца Ми-рэ: «Ликует сердце мое при виде красоты твоей, живу я, слушая сказанное то[бою]», далее у Майа: «Я слышал голос его (т. е. царя) непрестанно, очи мои видели красоту твою (опять-таки царя) постоянно», а у Ме-наштефа: «Да даст он (т. е. царь) (прожить) век добрый, видя красоту его непрестанно, слыша голос его». Но особенно любопытна в этом смысле одна надпись у Туту. Посередине она так и перекликается с надписью F, со строками 2—4, 7—8. Туту молится: «Да дашь ты насытиться мне видом твоим, желание(м?) сердца моего. Да прикажешь ты мне погребение [доброе] после старости в горе Ах-йот — Да обоняю я дыхание твое сладостное северного ветра, запах его — фимиам (храмовой) службы, Нефр-шепр-рэ — Единственный для Рэ (т. е. Амен-хотп IV), сей бог! Да [слышу] я голос царя, когда он творит жалуемое (т. е. службу) отцу своему [солнцу] — Да дашь ты мне имя мое остающимся на сотворенном (мною) всем — не (приходится) разыскивать имя жалуемого тобою. Сотворенное (мною) все (? — в надписи „твос“) остается, именуют...».

Сопоставляя надпись F с другими солнцепоклонническими надписями, приходишь к выводу, что первоначально она была обращена к фараону, а не к солнцу. Да и вообще, как представить себе, что кто-нибудь из солнцепоклонников мечтал бы, что будет вдыхать сладостное дыхание солнца, слушать его голос, приятный, как свежий (!) северный (!) ветер, что само солнце будет собственными устами взывать «во имя» умершего, т. е. править по нем заупокойную службу. Надпись на гробе допускает все это, очевидно, лишь потому, что переделана в молитву солнцу из молитвы фараону, который мог быть и действительно бывал для своих приближенных предметом подобных чаяний.

Таким образом, надпись F была первоначально обращением к фараону кого-то из его приближенных. Позволяет ли она ближе определить первоначального

владельца гроба? Кое-что она в этом отношении еще может дать.

Что гроб сначала предназначался для женщины, Ж. Даресси правильно вывел из передачи местоимения первого лица единственного числа в строке 7. В то время как в других строках это местоимение стоит на золотых заплатках и передано знаком, изображающим мужское египетское божество, соответственно полу обожествленного фараона, в строке 7 данное местоимение стоит на исконном золоте и передано знаком женщины. Но нелишне отметить и разницу между знаками младенца в строках 5 и 11. И тут и там это исконные письма. В строке 11 знак изображает мальчика, притом, насколько можно судить по изданному воспроизведению от руки, царевича: на младенце передник и ожерелье, а с темени, по-видимому, свешивается, как у царевичей, прикрывая ухо, заплетенная в косу прядь волос (две черточки, отходящие назад от шеи, представляют, наверно, обычный для таких кос завиток на конце). В строке 5 тот же знак изображает, судя по тому же воспроизведению, царевну с прямою, незаплетенною прядью волос, спускающейся сбоку с темени значительно ниже плеча, как то нередко можно видеть на изображениях дочерей Амен-хотпа IV. В строке 11 мальчик служит определителем, т. е. пояснительным изображением, к слову «отрок», написанному буквами и употребленному о фараоне («отрок добрый солнца живого»). И не потому ли в строке 5 у определителя к слову *рпнй* «молодеть» облик девочки, что «молодеет» женщина — первоначальная хозяйка гроба («Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей»)?

Обратим внимание на это пожелание: «Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей (т. е. от любви к тебе)». Ничего подобного не найти в надписях вельмож-солнцепоклонников, хотя пожелания тех или иных благ своему телу или утверждения о его сохранности там вполне обычны. Желают, чтобы плоть была крепка, радостна, чтобы солнечные лучи сообщали ей свежесть, чтобы солнце воссоединяло плоть, чтобы плоть была защищена, чтобы с ней не случилось чего дурного, чтобы она была одета; утверждают, что плоть цела, в частности, когда созерцают «красоту» фараона.

Глагол *рпий* «молодеть, молодить», употребленный применительно к плоти в надписи F, ни разу не засвидетельствован в приложении к вельможам Амен-хотпа IV. Тем не менее этот глагол довольно употребителен в солнцепоклоннической столице, но только применительно к царской чете. О фараоне говорится, что «лучи солнца на нем с жизнью (и) процветанием, молодя плоть его повседневно». К царю сановники обращаются со словами: «Ты молод, как солнце, жив вечно вековечно», «——— (причем) молод ты, как солнце в небе, вековечно вечно», «будешь ты жив (и) молод вековечно». К имени царицы Нефр-эт присоединяют порою пожелания: «жива она, молода она вечно вековечно!» или «жива она, здорова она, молода она вечно вековечно!» Разумеется, из того одного, что в надписи F плоть «молодеет» (*рпий*), еще не следует, что она должна быть обязательно плотью царицы. Однако раз плоть молодеет от любви к фараону (что, конечно, никогда не сообщается о плоти вельмож!), вероятность того, что молящаяся особа — жена царя, очень велика. Вряд ли даже царица могла бы сказать, что плоть ее будет молодеть от любви к ее царственному отцу!

Но что же тогда? Не принадлежал ли гроб первоначально царице Нефр-эт? Может быть, прав был Х. Шэфер, приписав ей четыре сосуда для внутренностей, найденные вместе с гробом, опознав в головах, венчающих сосуды, черты Нефр-эт? Но Р. Энгельбах убедительно показал, что на крышке гроба в титуле покойного не было места для имени царицы. Стой оно там, ободок с ним приходился бы на резкий перегиб поверхности, на пальцы человекообразного гроба, был бы переломлен пополам! Но если сам гроб никогда не предназначался для Нефр-эт, то не была ли все же надпись на его подошвах, надпись F, некогда обращена к царю от ее лица? Иными словами, не напрасно ли поддался Э. Х. Гардинер доводам С. Олдредра в пользу принадлежности гроба царице? Может быть, знаменитый английский ученый правильно полагал сначала, что на подошвах гроба должно было быть обращение именно Нефр-эт к Амен-хотпу IV вместо обычного обращения Эсе к покойному как брату или мужу, тождественному с Усире? Правда, Э. Х. Гардинер не

знал, как быть с прочими переделками на гробе, который оказывался с самого начала предназначенным для Амен-хотпа IV. Однако даже переубежденный С. Олдредом Э. Х. Гардинер не хотел отказаться полностью от своей догадки и продолжал отстаивать хотя бы косвенное воздействие обращения Эсе на надпись F.

Подтверждение своим первоначальным взглядам Э. Х. Гардинер усматривал в изображениях царицы по углам наружных царских гробов — громадных каменных ящиков, заключавших внутренние гробы. Царица здесь явно заступала прежних богинь-хранительниц умершего, в том числе Эсе. Но английский ученый мог бы найти подтверждение принадлежности надписи F царице и в остатках нескольких строк, различимых на изданном куске одного из таких гробовых углов. Подобно прочим обломкам этих гробов, он происходит из той самой царской гробницы в ущелье позади Ах-йот, в которой рассчитывал упокоиться и сам Амен-хотп IV. На обломке уцелел верх выпуклого изображения царицы, надо полагать, Нефр-эт, в головном уборе из двух высоких перьев, с остатками солнечных рук-лучей перед ней. Позади царицы читается обрывок речи, обращенной к похороненному во гробе лицу, мужчине, как видно по употребленному местоимению второго лица единственного числа мужского рода. Царица, несомненно, обращается к своему мужу: «Будешь ты вековечно (и) будешь жить ты, как солнце, [повсе]дневно — —». Но не то же ли мы читаем в строках 8—9 надписи F: «Будешь ты, как Рэ, вековечно вечно, живя, как солнце» (слова «как Рэ» — позднейшая вставка).

Неужели же, действительно, золотой гроб, открытый Т. М. Дэвисом, был с самого начала гробом Амен-хотпа IV, найденный в нем мертвец — самим царем-солнцепоклонником, а надпись на гробовых подошвах — задуманным обращением к нему супруги царицы Нефр-эт, зачем-то переделанным затем в его молитву солнцу?

ЦАРИЦА НЕФР-ЭТ

Мало кто из властительниц древности пользуется в наше время такую известностью, как царица Нефр-эт. Обаянием своих изображений она покоряет поныне.

Из них особенно знамениты две головы: известняковая, раскрашенная, в высоком синем венце и песчаниковая, едва тронутая кистью, без головного убора. Разноцветная голова, видимо, очень верна действительности: точно схвачены черты утонченного лица и, надо думать, его выражение: смесь приветливости и неприступности, под стать «госпоже земли до края ее», когда она представала перед подданными. Другая голова природного (песочного) цвета того камня, из которого она сделана, производит впечатление преображенной действительности: невозмутимо нежное лицо с необыкновенною улыбкою, бесконечно тихой и сдержанною.

Мы не знаем надежно, кто был создателем этих двух изваяний. Принято считать, что его звали Тхут-мосе, но основания для того несколько шаткие.

Обе головы были найдены зимою 1912 года во время раскопок Л. Борхардта на месте солнцепоклоннической столицы. Они были открыты вместе с другими изваяниями в помещении дома, при котором находилась ваятельская мастерская. Во дворе дома в куче мусора был обнаружен костяной обломок, надписанный на имя «жалуемого богом добрым (т. е. фараоном), начальника работ, ваятеля Тхут-мосе». Означает ли это, что любое изваяние, найденное в доме, следует считать произведением этого ваятеля?

Нам доподлинно известно, что у придворного «распорядителя ваятелей» вдовствующей царицы Тэе в

Царица Нефр-эт.
Раскрашенная голова из так называемой мастерской
Тхут-мосе в Ах-йот

его мастерской в солнцепоклоннической столице работал ряд подручных «ваятелей». Да и сами развалины, в которых были открыты изваяния, позволяют полагать, что в тамошней мастерской было занято и обитало несколько мастеров. Начальником был хозяин дома, в домике поменьше проживал, как думают, его помощник, в однообразных скромных жилищах ютились рядовые работники. Что, если Тхут-мосе был не руководителем мастерской, а одним из подчиненных ваятелей? Конечно, он — лицо заметное: его за что-то жаловал фараон, и он был начальником каких-то работ, тем не менее он не «распорядитель», не «начальник» ваятелей, а просто «ваятель». Как тут поручиться, что именно Тхут-мосе, а не его товарищам по ремеслу принадлежат прославленные изваяния?

Затем, полвека раскопок показали, что в солнцепоклоннической столице находилось в употреблении значительное число предметов, изготовленных в предшествующие царствования. Поэтому обломку с именем Тхут-мосе необязательно быть времени Амен-хотпа IV. Но если он подлинно этого времени, что, конечно, самое вероятное, то он был надписан никак не позже средних лет царствования. В более поздние годы ваятель, несомненно, звался б уже не Тхут-мосе («Тховт рожден»), а Ра-мосе («Рэ рожден»), т. е. заменил бы в составе своего имени ссылку на древнего бога луны и письменности ссылкой на царское солнце. С окончательным отвержением солнцепоклонническим двором старого многобожия переделка имен в честь солнца — Рэ — стала самым обычным явлением, и нельзя себе представить, чтобы в самой столице придворный ваятель продолжал именоваться в честь отверженного Тховта. Мастерская же, откопанная Л. Борхардтом, существовала до последних дней солнцепоклоннической столицы, и у нас нет оснований относить знаменитые изваяния на десять-пятнадцать лет назад, вместо того чтобы считать их вместе с М. Э. Матге произведениями более поздних лет Аменхотпа IV.

Но кто бы ни был создателем изумительных изображений Нефр-эт, житейски достоверного и преображенно-прекрасного, его творениями живой образ ее донесен до нас из бездны веков во всей полноте своей

обаятельности. Имеется еще множество менее известных изваяний царицы и ее изображений, вырезанных на сооружениях и на отдельных плитах. Быть может, надежнейшими после двух голов будут небольшое известняковое изваяние из той же мастерской, показывающее Нефр-эт во весь рост, но какой-то изможденною, видимо стареющею, и изображение на стене гробницы близкого к ней лица, мужа ее кормилицы и воспитательницы, в скалах позади солнцепоклоннической столицы. К этим памятникам хотелось бы добавить своеобразную песчаниковую голову, найденную все в тех же городских развалинах, но позже и в другой мастерской, и хранящуюся в Каире. Однако лицо этой головы, быть может самое жизненное и выразительное из всех при повороте в три четверти, спереди кажется излишне обобщенным и слишком правильным для Нефр-эт.

Многочисленные изображения позволяют более или менее ясно представить себе наружность царицы. Лицо было довольно широким, но худощавым и потому костистым. Пологий лоб и прямой нежно очерченный нос лежали почти в одной плоскости. Дуги бровей высоко изгибались над большими продолговатыми глазами, прикрытыми тяжелыми веками. Губы были полными, но не выступающими. Подбородок, хотя и волевой, не был тяжелым. Череп был сильно приплюснут, отчего его затылочная часть далеко выдавалась. Голова клонилась на стройной шее, плавно выгнутой слегка вперед. Кожа была умеренно смуглой. Глаза были темными, брови и ресницы — черными. Волосы на голове, если не были сбриты, как на висках и затылке, должны были быть очень короткими, потому что мы видим иногда царицу в плотно облегающем череп чепце. В противоположность супругу она была стройно сложена. Останки ее не найдены, но если судить по сохранившимся останкам других представителей царского дома, с которыми она, несомненно, состояла в кровном родстве, то она должна была быть невысокого роста. С годами ее лицо похудело, и кости на нем обозначились заметней, от носа к кончикам рта пролегли резкие складки, груди немного отвисли, осанка стала чуть-чуть сутулой. Однако во цвете лет царица Нефр-эт была прекрасна, и одна красота ее,

казалось бы, могла навсегда зачаровать сердце фараона.

Привлекательному облику соответствовал наряд, изящный и непритязательный. Она носила общепринятое платье, какое надевали тогда также женщины из народа, даже рабыни. Оно было из просвечивающего белого полотна, все в частых и длинных складках, с просторными очень короткими рукавами и широким подолом до самой земли. Поверх платья обыкновенно накидывался длинный плащ, такой же, как оно, просвечивающий и складчатый; один угол перекидывался через плечо, другой пропускался под другое, и концы завязывались под грудью. Нефр-эт охотно подпоясывалась еще широкою красною лентою, концы которой глубоко свешивались вниз. Босою царицу мы видим бесконечно редко; почти всегда на ногах у нее несложная обувь: подошвы с дужкою и перемычкою от носка к ней, пропущенною между пальцами.

Неизменным украшением служило Нефр-эт широкое многоцветное ожерелье, по-древнерусски оплечье. Запястья видны на ней далеко не всегда, а серьги — разве лишь в виде редчайшего (запомним!) исключения, хотя мочки ушей у нее были проколоты.

Если что было переменчивым в наряде царицы, так это головные уборы. Правда, длинные накладные волосы, высокие перья и сложные венцы она носила едва ли не только при служении солнцу и преимущественно в более ранние годы. Но и не столь торжественных уборов можно насчитать у нее несколько. Начиная со средних лет царствования мы очень часто видим ее в высоком синем венце, том самом, что венчает ее цветную голову. Бывает на Нефр-эт и шарообразный чепец, а в более поздние годы еще такой, что вплотную облегал череп. Но самым привычным ее головным убором были короткие накладные волосы, подрезанные более высоко сзади, но и спереди не свисавшие ниже плеч. С макушки волосы ниспадали ровными прядями, а на лбу и по сторонам лица были подстрижены ступеньками. Это был изящный и вместе с тем очень распространенный головной убор. Его носили одинаково мужчины и женщины. У Нефр-эт мы встречаемся с ним с первых появлений ее на памятниках. Необходимым придатком к любым ее головным убо-

рам было небольшое изображение вздыбленной, страшно опасной змеи-аспида, знак царского достоинства, который носили прикрепленным надо лбом. Как и другие царицы, Нефр-эт носила иногда две такие змеи одновременно.

Возможно, после такого подробного описания наружности Нефр-эт иной читатель подумает, что и в остальном мы прекрасно осведомлены об обаятельной супруге царя-солнцеклонника. Увы, это далеко не так. Уже самое происхождение царицы нам в точности неизвестно. Были ученые, которые считали ее иноземной царевной, присланную в жены фараону со среднего Евфрата, из могущественного тогда царства Митанни. Ссылались даже на ее имя, поскольку «Нефр-эт» по-египетски значит «прекрасная пришла». Но имя тут, конечно, ни при чем, потому что его носили в те времена многие египтянки, а то, что мы знаем о родстве Нефр-эт, никак не вяжется с иноземным происхождением. Жена Амен-хотпа IV была его близкой родственницей, хотя и не дочерью фараона.

Когда еще не были выяснены отличительные признаки голов Амен-хотпа IV и Нефр-эт, их нередко путали. Иногда их путают и сейчас — сорок пять лет спустя после того, как Х. Шэфер установил главные различия. Удивляться тому, впрочем, не приходится, так как сходство, действительно, велико. У обоих утонченные худощавые лица с тяжелыми веками и нежно очерченными носами, черепа с выступающими затылками, длинные тонкие шеи. То, что отличает голову царя от головы царицы, это — узость лица, пухлые губы, отвислый подбородок и выгнутая назад шея. Но эти отличия ни в коей мере не нарушают общего сходства. Вглядевшись в изображения Амен-хотпа IV и Нефр-эт, трудно не признать их родственниками и притом близкими.

С полным основанием указывают также на то, что нам известна кормилица царицы, жена одного из первых вельмож Амен-хотпа IV. Ее звали Тэе и величали «кормилицею большою жены царицы великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» и «кормилицею большою, взрастившею божественную». Эта особа состояла в величайшей чести у Амен-хотпа IV и его супруги. Тэе не только числилась «жа-

дуемой богом добрым (т. е. фараоном)» и «жалуемой женою царевою великою», но и удостаивалась невиданных почестей. Правильно подмечено, что ни одна больше женщина из царского окружения, ни одна другая вельможеская жена не была изображена в гробнице получающей царские пожалования. А Тэ́йе мы видим осыпаемой ими вместе с мужем самую царскою четою. На том же изображении воины и мальчики у дворцовых ворот переговариваются между собою: «Ликут о ком, мой сын?» — «Ликут о А́йа, отце божьем, и Тэ́йе: они сотворены людьми золота»; «Кто тот, о котором ликут?» — «Встань (и) увидишь ты дело доброе, то, что сотворил фараон А́йа, отцу божьему, с Тэ́йе: дал им фараон тысячу тысяч грузов золота, равным образом вещь всякую». А́йа, муж Тэ́йе, занимал разные высокие должности: был «носителем веера по правую (руку) царя», «распорядителем коней всех владыки обеих земель», «писцом царевым исправным, возлюбленным им». Однако выше всех званий он ценил наименование «отец божий», которое делало его свойственником царя — «отцом» божественного фараона, хотя бы только молочным — по супруге, вскормившей «божественную». Когда со смертью юного Тут-анх-амуна пресекся XVIII царский дом, А́йа даже занял престол фараонов, стал царем Египта в силу этого своего родства: наименование «отец божий» он ввел в состав своего фараоновского имени, очевидно, как обоснование своего права на венец. Все это опять доказывает, что по своему происхождению Нефр-эт была не иноземкою, а членом царского дома.

Затем правильно обращают внимание на то, что при дворе Амен-хотпа IV блистала сестра царицы, носившая тоже чисто египетское имя Бенре-мут. Из года в год видим мы ее выступающей во время торжественных выходов во главе царского сопровождения. Видимо, баловень царской четы и большая шутница, эта молодая особа чувствовала себя при дворе, как дома, и позволяла себе неслыханные вещи. Во время царских явлений двору и даже служений солнцу за нею нередко следовало двое колченогих карликов, изображавших — о дерзость! — верховных сановников страны, верхнеегипетского и нижнеегипетского. Кар-

лики были наряжены в служебное облачение двух высших чинов государства и величались соответственно «правителями»! Подобная сестра царицы — живое опровержение построений, превращающих Нефр-эт в иноземную царевну.

Но если царица была египтянкой и родиею своему супругу, то не была ли она его сестрою, дочерью покойного Амен-хотпа III? Ведь браки внутри царской семьи бывали. Правда, мы знаем по имени немало дочерей этого фараона, и среди них нет Нефр-эт, но, может быть, памятники его царствования случайно не сохранили ее имя? Правда также и то, что надписи времени самого Амен-хотпа IV, без счета величая Нефр-эт «женою царевою великой», ни разу не добавляют: «дочь царева». Однако добавлять это было необязательно, и при том необыкновенно высоком положении, которое Нефр-эт занимала рядом с Амен-хотпом IV как «жена царева великая», едва ли даже уместно. Значит ли это, что не исключена возможность общего происхождения царя и царицы от Амен-хотпа III? Нет, потому что помимо приведенных доводов, которые можно отвести, имеется довод, который отвести невозможно. Мы уже знакомы с юною сестрою царицы.

Будь эта причудница дочерью Амен-хотпа III, ее бы не преминули величать «дочерью царевою», как величали при солнцепоклонническом дворе дочь покойного фараона и царицы Тэе Бок-йот. Данная же особа именуется всего лишь «сестрою жены царевою великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — Бенре-мут». И так ее зовут памятники во всех случаях, когда она на них поименована.

Близкая родственница Амен-хотпа IV, но все же не сестра, царица Нефр-эт была обязана своим совершенно необыкновенным положением рядом с царем-солнцепоклонником не столько происхождению, сколько их личным взаимоотношениям.

Современники не устают восхвалять обаяние Нефр-эт и ее способность внушать любовь к себе. Они наперебой зовут царицу «прекрасною ликом, приглядною в (головном уборе из высоких) двух перьев». Говоря об ее участии в храмовой службе, ее называют «умиротворяющей солнце голосом сладостным, своими

руками приглядными со гремушками». Она — «сла-
достная голосом во дворце» и вообще «та, слыша го-
лос коей, ликуют». Она — «владычица приятности»,
«сладостная любовью», «большая любовью», «боль-
шая любовью в доме солнца (т. е. в главном храме
солнцопоклоннической столицы)», «восходит солнце,
чтобы давать ей пожалования, умиротворяется (т. е.
заходит), чтобы умножать любовь к ней». Как и дру-
гие царицы, Нефр-эт постоянно величается «женою
царевой великой, возлюбленной его», но она же и
«любимая владыки обеих земель», «та, чьим образом
доволен владыка обеих земель», «омывающая (т. е.
радующая) сердце царя в доме его, та, коей сказан-
ным всем довольны». «Она рядом с Единственным для
Рэ (т. е. Амен-хотпом IV) вековечно, вековечно (по-
добно тому), как небо остается с тем, что в нем (т. е.
с солнцем)». «Одарило оно (т. е. солнце) его (т. е.
фараона) тысячью тысяч празднеств тридцатилетия,
(тем временем как) жена царева великая, возлюблен-
ная его, владычица обеих земель Нефр-нефре-йот
Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — рядом с Един-
ственным для Рэ». «Поставило ты (т. е. солнце) сына
твоего возлюбленного твоего, живущего правдою, вла-
дыку обеих земель [Нефр-шепр-рэ] Единственного для
[Рэ] (так, что) он жив с тобою вековечно, (тем време-
нем как) жена царева великая, возлюбленная его, вла-
дычица обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива
она вечно вековечно! — (находится) рядом с ним». «Она
глядит на властителя постоянно, непрестанно». По-
добно другим царицам, Нефр-эт охотно величается
«великою пожалованиями», «приобщающею пожа-
лованиям», она также «владычица радости».

Однако все эти заявления и похвалы, в которых
вдобавок немало условности, теряются и бледнеют пе-
ред собственным свидетельством царя о его великой
любви к царице. В ту пору, когда основывалась новая
столица, царь принес солнцу клятву о его новом го-
роде, полную зарок и обетов, принес ее в самой
торжественной обстановке и затем увековечил в раз-
ных местах на скалах вдоль рубежей города. И, при-
нося такую клятву, фараон клялся своим отцом солн-
цем и своею любовью к жене и детям. «(Имело место)
воссияние величества его — жив он, цел (и) здоров! —

на упряжке (коней) на колеснице большой светлого золота, подобно солнцу, (когда) восходит оно (и) наполнило обе земли (т. е. Верхний и Нижний Египет) любовью (к) себе. (Имело место) восприятие пути доброго к Небосклону Солнца (т. е. к месту будущей столицы) в раз первый нахождения его, сотворенного величеством его — жив он, цел (и) здоров! — чтобы основать его (т. е. Небосклон Солнца) как памятник солнцу, согласно приказанному отцом его (т. е. фараона) Ра-Хар-Ахтом, ликующим в небосклоне под именем своим как Шов, который (есть) солнце, (кому) дано жить вечно вековечно, чтобы сотворить ему памятник внутри его. Дано было правиться жертвоприношению большому хлебом, пивом, (откормленными) быками, (безрогими) бычками, (обыкновенными) быками, птицами, вином, плодами, фимиамом, растениями всякими добрыми в день основания Небосклона Солнца для солнца живого. (Все) было принято, жаловано, облюбвано за жизнь, целость, здравие царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ — Единственного для Рэ, сына Рэ, живущего правдою, владыки венцов Эх-не-йота, большого по веку своему (т. е. долговечного), (кому) дано жить вечно вековечно. (Имели место вос)хождение вверх по течению (и) остановка величества его — жив он, цел, здоров! — на колеснице его пред отцом своим Ра-Хар-Ахтом, ликующим в небосклоне под именем своим как Шов, который (есть) солнце, (кому) дано жить вечно вековечно, на горе юго-восточной Небосклона Солнца — лучи солнца (были) на нем с жизнью (и) процветанием, молодя плоть его повседневно. Клятва, сказанная царем (и) государем, живущим правдою, владыкою обеих земель Нефр-шепр-рэ — Единственным для Рэ, сыном Рэ, живущим правдою, владыкою венцов Эх-не-йотом, большим по веку своему: „(Как) живет отец мой Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне под именем своим как Шов, который (есть) солнце, (кому) дано жить вечно вековечно, (как) услаждается сердце мое женою царевой да детьми ее, (из) которых (да) дастся составить жене царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — после (?) этой тысячи тысяч лет, (в течение коих) была (бы) она под

рукою фараона — жив он, цел (и) здоров! — (и да) дастся состариться дочери царевой Ми-йот (и) дочери царевой Мек-йот, ее детям, (тем временем, как) были (бы) они под рукою жены царевой, их матери, вековечно вечно! (Вот) моя клятва по правде, которую сердце мое (желает) сказать, которую не скажу я ложно вековечно вечно». Следует подробное изложение предмета клятвы.

Не менее живым свидетельством необыкновенного внимания и любви, которыми пользовалась Нефр-эт у супруга, неразлучности их обоих и задушевности их отношений могут служить всевозможные изображения царского семейства, в бесчисленном количестве дошедшие до нас на памятниках того времени: внутри гробниц, в храмах и дворцах, на божницах и плитах. Взятые в своей совокупности, эти изображения представляют нечто совсем свежее, необычное в многовековом развитии египетского искусства.

Вот царская семья в сопровождении двора отбывает в храм приветствовать солнце. Царь и царица в развевающихся одеждах мчатся каждый на своей колеснице, запряженной двумя конями. Если верить изображениям, царица, как и царь, едет одна без возницы и сама погоняет коней; на деле, надо думать, при ней находился возница. Иногда царь с царицей и дочерью показаны на пути в храм на одной колеснице, и супруги даже тут не могут не полюбезничать. Жречество встречает царскую чету. Спешившись, царь и царица останавливаются перед жертвенником во дворе храма, они поднимаются на огромный алтарь. Изображение царского служения солнцу самое обычное из изображений в столице. Царица, стоя рядом с царем, подносит солнцу нередко то же, что и он: кадильницу, те или иные дары. Даже тогда, когда царь посвящает жертву, ударяя ее особым жезлом, подобный же жезл может оказаться в руке у царицы. Любопытно то, что гремушка (систр греков) редко влагается в руку Нефр-эт, хотя надпись, приводившаяся выше, как раз прославляет ее как «умиротворяющую солнце голосом сладостным, своими руками приглядными со гремушками». На изображениях гремушками бряцают солнцу обыкновенно царевны.

Другой раз царская семья отбывает из дворца для

приемки иноземной дани. Царскую чету несут в золотых носилках пятнадцать воинов. Впереди жгут благоволия, рядом идут сановники с веерами — большими перьями на длинных рукоятках. Над головами царя и царицы колышется полдюжины опахал, которыми раз ограждают от солнца и навевают прохладу. Вот фараон и его супруга воссели под навесом на возвышении. По ступеням поднимаются сановники, представляющие царю данников. Чего только не ведут и не несут представители подвластных и зависимых народов! А вот невольники с веревками на шеях, которых египтяне влекут пред фараона, в одиночку и вереницами, мужчины в оковах, женщины, дети. Царская чета взирает на это с возвышения. Рука царицы с нежностью вложена в руку супруга. За креслами родителей забавляются маленькие царевны.

Бывают выходы не столь торжественного порядка. Фараон с женой в сопровождении царевен идут, осененные опахалами, посетить гробницу придворного. Рука царицы и тут лежит в руке мужа. Даже едучи обозреть заставы вокруг столицы, фараон берет с собою на колесницу жену и дочку, и по пути супруги опять любезничают друг с другом.

В великолепном дворцовом окне царь неизменно показывается с семьею. Награждают ли сановника — царица и царевны помогают сбрасывать награды, возводится ли в новый сан вельможа — царица внемлет речам, которые произносят царь и его приближенный. То же происходит, видимо, в самом дворце, когда царь жалует придворному богатые доходы и тот разражается благодарственным славословием. И тут и там царица и царевны ведут себя вполне непринужденно: девочки сидят на коленях у матери или обмениваются с нею ласками.

Вот обед в столовой дворца, куда сквозь открытое окно врывается дневной свет. Амен-хотп IV и Нефр-эт со своими дочерьми сидят против царицы-вдовы Тэе и ее дочки Бок-йот или же обедают вдвоем с детьми. Царская чета обглядывает жаркое, которое каждый держит в руке. Ужин протекает при свете светильников; взрослые пьют вино и едят плоды, царевны ограничиваются одними плодами. И днем и вечером царская трапеза сопровождается сладкозвучною игрою.

Во дворцовом покое сидит на скамейке царь, а у его ног на большой подушке царица. Рядом одна маленькая царевна ласкает другую. Три царевны постарше стоят между родителями, и одна из них заигрывает с сестренкою, которую держит мать. Царская семья снова собралась во дворцовом чертоге. Теперь оба супруга сидят на скамьях. Царь поднял и целует в губы старшую царевну. На это обращает внимание царицы вторая дочь, сидящая у нее на коленях. Третья царевна, совсем младенец, став на руку матери, тянется за подвескою ее венца. Бывает, что поцелуи получает и одна из младших царевен. Бывает, что царица сама кормит младенца грудью. Сегодня царь дарит серьги старшей дочери. Вторая опять сидит у матери на коленях, третья же, стоя на них, ласкает мать. Иной раз царица сама забирается на колени сидящему в кресле супругу, прихватив маленьких дочерей. А вот четыре царевны стали перед креслами царской четы и навевают ей веерами прохладу. Царь обнимает царицу за плечи, она облокотилась о его колени и, обернувшись к нему, говорит что-то, указывая на детей.

Случается царице оказывать и услуги мужу. Вечером при мерцающем свете светильника в увитой цветами садовой беседке она наполняет чашу царю, тем временем как дочери идут к нему с подношениями, а слух его улаживают игрой. На прогулке Нефр-эт подносит плоды и цветы фараону, а при случае повязывает ему ожерелье, вплотную приблизившись лицом к лицу, как если б для поцелуя.

Но вот настал горестный день для царской четы: скончалась вторая царевна. Она лежит еще дома. Родители стоят у ее изголовья. Их правые руки скорбно заломлены вверх, а левой рукой царь сжимает левую руку жены между локтем и кистью. Затем всем семейством плачут перед изваянием почившей, установленным на возвышении посреди зелени — царь, царица, царевны в одеждах, приспущенных с левого плеча, бурно выражают свою скорбь по умершей.

Круглое ваяние, хотя и много реже и бледнее, чем плоское, тоже отражало задушевные отношения, царившие внутри царской семьи. Вот царь и царица стоят одни без детей, и ее левая рука поконтся в его правой. Вот оба они, стоя бок о бок друг с другом, держат

перед собою то в согнутых, то в вытянутых руках каменные доски с солнечными и царскими именами, а рядом две маленькие царевны стоят, то обнявшись, то держась за руки, и старшая свободной рукой держится за мать. И подобные семейные изваяния были вырублены в скале подле царских клятв о новой столице, по многу раз начертанных вдоль ее рубежей, следовательно, подле памятников государственного значения. Впрочем, как мы уже видели, и в самих этих клятвах царь клялся одним духом своим отцом-солнцем и своею любовью к царице и детям.

Ни об одной другой царице за все предшествующие две тысячи лет существования фараоновского государства не известно ничего подобного. Сама царица Тэе в свои лучшие дни никогда не пользовалась таким вниманием со стороны супруга, как ее невестка. Часто, пусть даже очень часто, изображалась и упоминалась Тэе, но по сравнению с Нефр-эт кажется, что это бывало совсем редко. Неразлучность Амен-хотпа IV с Нефр-эт издавна поражала ученых. Переберем ли мы в памяти бесчисленные царские изображения на памятниках солнцепоклоннической столицы, мы отыщем очень мало таких, где царь был бы без своей супруги. Пробежим ли мы мысленно одни за другими все эти царские имена, какие повсеместно значились в столице, мы опять наберем лишь самое малое количество случаев, когда именам фараона не будут сопутствовать имена царицы.

Но замечательно еще другое. То отношение, в которое ставится к солнцу царица, в какой-то степени приближается к тому, в котором состоит сам его «сын, единственный (в своем роде), вышедший из утробы» его, — Амен-хотп IV.

Когда за именами царя следует имя Нефр-эт, им большей частью предпосланы имена солнца. Тем самым царица ставится как бы на одну доску с царственным светилом и его сыном. На изображениях солнечный круг не простирает своих рук-лучей ни к кому из подданных, даже к царевнам, дочерям фараона. Солнце простирает руки-лучи только к венценосным особам. Амен-хотпа IV и Нефр-эт оно нежно обнимает руками-лучами, касается ими их венцов, поддерживает венцы на головах, подносит к носам царственной

четы знаки жизни. Правда, в солнцепоклоннической столице выдвижения в один ряд с солнечными именами удастаиваются также имена покойного фараона Амен-хотпа III и его здравствующей вдовы Тэе, и им же на изображениях протягивает руки-лучи солнце и подносит к носам знаки жизни. Однако почивший фараон и его вдова далеко не часто появляются на памятниках новой столицы. Да и вообще все то, чего удастаиваются Амен-хотп III и Тэе у лучезарного «отца» их сына, не более как бледный сколок со взаимоотношений солнца и молодой четы: ведь до Амен-хотпа IV и Нефр-эт всего этого не было вовсе.

В наше время широкой известностью за свои художественные достоинства пользуется большое славословие солнцу времени Амен-хотпа IV. Однако это произведение именовалось не солнечным славословием, а «утренним прославлением» солнца, царя и царицы. Под тем же названием начало произведения было включено в другое сочинение. «Утренним прославлением» солнца, царя и царицы названо еще одно славословие и даже одно жизнеописание облагодетельствованного царем сановника. Вместе с солнцем и его «сыном»-фараоном молятся и царице! И что то были не пустые слова, доказывают каменные плиты с изображением лучезарного солнца и царской семьи, водружавшиеся верноподданными у себя дома для поклонения.

Что молитвы царице могли быть не только прославлениями, но и прошениями, видно по коротеньким обращениям к ней, то тут, то там начертанным по сторонам дверей в вельможеских гробницах после подобных же обращений к солнцу и царю. Вместе с ними и подобно им царицу призывают как подательницу житейских и загробных благ. В одних случаях, раньше чем высказать просьбу, воздают хвалу, в других начинают с древнего заклинания, которое египтяне с незапамятных времен обращали к своим богам, поминая умерших: «Да умиротворится (т. е. благорасположится) царь, да умиротворится и даст (такое-то египетское божество)». Таким образом, в этих заклинаниях царица занимает место прежних божеств наряду с солнцем и своим супругом. Соответственно и просьбы, обращенные к ней, многообразны. «Да даст она при-

нимать хлеба, (приношение), выходящее (на жертвенник) пред (солнце), студеную воду, жертву во дворе солнечного камня (т. е. в глубине главного храма столицы)», «да даст она память добрую пред царем, жалование (т. е. милость) его постоянно повседневно», «да даст она входить (во дворец) жалуемым, выходить любимым, сладость сердца в Небосклоне Солнца (т. е. в новой столице)», «да даст она жалование свое (т. е. милость свою) остающееся, твердое, плоть, приобщенную радости, что дает она». Очевидно, в глазах солнцепоклоннического двора кормилица царицы не зря носила звание «воспитавшая божественную»!

Правда, молиться можно было и Тэ́е. Домоправитель вдовствующей царицы поместил одно такое небольшое обращение к ней в своей гробнице в городе ее сына. Там была найдена также плита молебного вида с изображением Амен-хотпа III и Тэ́е. Однако эти редкие примеры почитания Тэ́е всего лишь подражание тому поклонению, которым окружили себя Амен-хотп IV и Нефр-эт.

Основывая новую столицу, Амен-хотп IV обещался воздвигнуть там царице собственное место почитания солнца — «сень Рэ». Впоследствии такие «сени Рэ» получили в солнцепоклоннической столице также вдовствующая царица Тэ́е и некоторые из дочерей Нефр-эт. У супруги Амен-хотпа IV было свое личное большое и великолепное судно, качавшееся у дворцового причала рядом с кораблем фараона. Подобно своим старшим дочерям, т. е. матери царя, царица Нефр-эт имела собственное хозяйство, или, как тогда говорили, «дома». Мы знаем, что в составе его имелись виноградники, расположенные в Низовье по западному рукаву реки, но количество и размеры их нам неизвестны. Однако хозяйство царицы должно было быть значительным, так как возглавлявший его «распорядитель дома» Ми-рэ был видным вельможей, оставившим после себя в недрах скал за солнцепоклоннической столицей внушительную гробницу. У царицы был также свой «дом белый», т. е. хранилище разного рода ценностей. «Распорядителем дома белого» у нее состоял все тот же Ми-рэ.

Он же был «распорядителем женского дома жены Царевой большой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива

она вечно вековечно!», так что у царицы должен был быть свой особый дворец. Об этом говорит и обет царя, данный при основании новой столицы «сотворю я жилище (дословно: „домовье“) жене царевой в Ах-йот на этом месте». До нас дошли развалины величественного дворца, воздвигнутого посередине столицы. Бок о бок с основной частью лежала кирпичная его часть, отделенная от нее улицей с висячим переходом. Это было тоже обширное сооружение, хотя далеко не такое огромное, как главная часть дворца. С лицевой стороны был разбит большой сад, полный деревьев и цветов, пересеченный оросительными желобками. Спереди в сад вели ворота с башнями по сторонам, а сбоку от него поверхность понижалась уступами к упомянутой улице. Внутри сооружение представляло сплетение дворов, переходов, больших и малых помещений со столбами и без них. Ближе к задней стене здания было откопано шесть спален, расположенных одни за другими по три в ряд, каждая с углублением в стене для кровати. В одном из помещений за спальнями пол и стены были испещрены разноцветными мазками, как если бы там вытирали кисти. И действительно, тут нашлись как кисти-тростинки, так и сами краски. На некотором расстоянии отсюда, ближе к надворной стене сооружения, было раскопано просторное помещение с переднею и умывальной по соседству. Лицом к лицу к этим помещениям уже у самой лицевой стены здания была расположена обширная молельня с возвышенным алтарем в глубине.

В передней перед упомянутым просторным помещением имелась превосходная стенопись, изображавшая царское семейство в непринужденной обстановке дома — царя, царицу и их шесть дочерей (две маленькие царевны одни лишь из всех уцелели полностью и часто воспроизводятся в книгах). Нам известны имена шести девочек; все шесть вместе поименованы в гробнице домоправителя царицы Ми-рэ. Их звали Ми-йот («возлюбленная солнцем»), Мек-йот («защищенная солнцем»), Анхс-эм-п-йот («жива она для солнца»), Нефр-нефре-йот Малая («красно красотою солнцем»; «Малая» — в отличие от царицы Нефр-нефре-йот Нефр-эт), Нефр-нефре-рэ («красен красотою Рэ»), Сетп-эн-рэ («избранная Рэ»). Английский ученый

Дж. Д. С. Пендльбюри, довершивший в 1931—1932 годах раскопки постройки, начатые в конце прошлого века его соотечественником В. М. Флиндерсом Питри, не без основания полагал, что в шести спальнях спали шесть дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт. В помещении, испачканном красками, Дж. Д. С. Пендльбюри готов был видеть игральную царевен. И действительно, они баловались живописью. В гробнице фараона Тут-анх-амуна была найдена небольшая дощечка (палитра) из слоновой кости с шестью гнездами для красок, принадлежавшая сестре его супруги — царевне Ми-йот. Имеется такая же совсем игрушечная дощечка второй царевны Мек-йот с несколькими красками на ней и отточенными кистями-тростинками.

По поводу помещения с передней и умывальной Дж. Д. С. Пендльбюри полагал, что оно могло служить опочивальней царской чете. Однако нет никаких признаков обитания здесь двух лиц. Напротив, то обстоятельство, что умывальная одна и в ней всего одна каменная плита-лежанка со стоком для воды с нее в полу, позволяет предполагать, что тут обитало одно лицо. На царя или царицу намекает изображение царской семьи на стене передней, а также соседство моленной с алтарем. Предпочтенье должно быть, конечно, отдано царице ввиду расположенных неподалеку спален шести царевен, которые непосредственно состояли «под рукою» матери, а не отца. Следовательно, показания надписей об отдельном местопребывании царицы находят как будто поддержку в данных раскопок. Царь в таком случае должен был обитать в главном дворце, возможно, в великолепно отделанном его боковом крыле, которое, как показала советская исследовательница М. Э. Матье, без достаточных оснований принимали за женский дом фараона. Действительно, вереницы связанных пленников, написанные на тамошних полах, более подходили к покоям попиравшего их властителя, нежели к жилью его жен, среди которых имелись иноземные царевны.

Таково было положение и значение Нефр-эт, необыкновенной царицы необыкновенного фараона. Напрашивается вопрос: не оказывала ли она значительного воздействия на ход тогдашних событий, на внутренние и внешние дела государства?

В первые годы царствования Амен-хотпа IV о ней ничего или почти ничего не слышно. Возможно, самое раннее упоминание о царице относится к 4-му году царствования ее супруга. Вполне возможно также, что молодой фараон только тогда женился на ней, еще совсем юной девушке. Их старшая дочь впервые надежно засвидетельствована в 6-м году царствования. Вторая царевна была на свете уже в 8-м году, следующие же четыре царевны рождались через короткие промежутки времени. Поэтому очень похоже на то, что старшая царевна родилась не раньше 5-го года царствования.

Первые солнцепоклоннические нововведения царя и даже воцарение солнца в ущерб всем прочим египетским божествам были осуществлены в старой столице, когда Нефр-эт было еще далеко до того положения, которое она потом заняла. На первых порах после воцарения солнца она все еще мало появлялась на памятниках. Мы только и видим, что одного Амен-хотпа IV под его новоявленным лучезарным и многоруким солнцем. Однако вскоре, раньше переименования царя в «Эх-не-йота» и закладки новой столицы, царица заняла уже то место рядом с ним, которое она сохраняла затем до конца царствования. Даже в те изображения, где ее первоначально не было, начали теперь вставлять ее! С основанием же солнцепоклоннической столицы к царю и царице на памятниках одна за другой присоединяются их дочери.

Однако послушаем, как оценивал сам царь возможность участия царицы в выборе места для солнечного города. Основывая его, фараон на виду у всего двора воздел руку к «родившему его» и клятвенно заверил солнце в следующем: «Сотворю я Небосклон Солнца солнцу, моему отцу, [в] этом месте. Не сотворю я ему Небосклона Солнца на юг от него, на сев[ер] от него, на запад от него, на восток от него. Не выйду я (т. е. не перенесу город) за (пограничную) плиту южную Небосклона Солнца на юг, и не выйду я за (пограничную) плиту северную [Небосклона Солнца на север], чтобы сотворить [ем]у Небосклон Солнца там, и не сотворю ему на стороне западной Небосклона Солнца (т. е. на противоположном берегу реки). но сотворю я Небосклон Солнца солнцу, моему отцу, на

стороне восточной Небосклона Солнца, том месте, кое окружило оно для себя [го]рою (?) само, в сердце (т. е. посреди) коего оно (осталось) довольно (?), (с тем чтобы) приносил жертву я ему на нем. Он (т. е. Небосклон Солнца) это. И не скажет мне жена царица: „Вот, есть место доброе для Небосклона Солнца в другом месте“ с тем, что я послушаюсь ее, и не скажет мне сановник всякий — — — из людей всякий, которые в земле (египетской) до края ее: „Вот, есть место доброе для Небосклона Солнца в другом месте“ с тем, что я послушаюсь их, — будь оно вниз [по] течени[ю] (Нила), будь оно на юг, будь оно на запад, будь оно на восток. Не скажу я: „Брошу я Небосклон Солнца, пойду я, сотворю я Небосклон Солнца в этом другом месте добром ————— вечно, но (?) [сотворю я (?)] этот Небосклон Солнца солнцу, что возжелало оно для себя само, коим удовлетворилось оно, на вековечность и вечность“». Свою клятву фараон велел начертать в трех местах на городских рубежах для всеобщего сведения. В деле первостепенной государственной важности — выборе места для новой столицы — царица значила не больше, чем последний подданный. Все совершилось без нее между солнцем и его сыном, в чье сердце, как уверял двор, оно само влагает мысль о любимом месте, любезном ему.

В дальнейшем тоже не слышно, чтобы царица влияла на государственные дела. Сколько раз она ни изображена и ни поименована, нигде не ссыскается и намека на ее государственную деятельность. Не названа Нефр-эт ни разу и в сохранившейся части переписки, ведшейся клинописью на глиняных пластинках между египетским царем и иноземными властителями, зависимыми от него и не зависимыми. В письмах Тушаратты, царя Междуречья (Митанни), не раз упоминается вдовствующая царица Тэйе, которую он то просит выслать обещанные дары, то молит повлиять на сына, то предлагает ему в советницы как лучшего знатока международных дел его отца. Тэйе даже переписывается с царицей Междуречья. А вот к Нефр-эт не отнеси ни одного места в переписке, разве только привет, который главы великих держав шлют обыкновенно женской родне фараона. При этом Тушаратта приветствует поименно Тэйе и Тадухепу, свою дочь, отдан-

ную в жены фараону, тогда как Нефр-эт в лучшем случае подразумевается под «прочими женами», которым шлетя общий привет. Если отправители посланий слышали что-нибудь о Нефр-эт, то выделять ее из жен фараона они, видимо, не чувствовали надобности.

Конечно, подобно другим египетским царицам, Нефр-эт величалась «госпожою Верхнего (и) Нижнего Египтов», «владычицей обеих земель». Ее почитали за «госпожу земли до края ее», за «госпожу женщин всех», звали «большою во дворце». О ней говорили: «скажет она вещь всякую, (и) сотворятся они». Однако все это лишь общие слова, из которых опасно вычитывать что-нибудь о влиянии царицы на ход государственных дел.

Но нам ли жалеть, что такого влияния ее незаметно? Если б она делила ответственность за государственные дела со своим мужем, сохранил ли бы ее образ хотя бы тень своей обаятельной женственности?

Амен-хотп IV был менее всего благодушным мечтателем, каким его слишком поспешно хотели представить некоторые исследователи. Это был грозный властитель, и страшны были расправы, которые он чинил над ослушниками своей воли. Его ревностный слуга, могущественный временщик Туту с ужасной ясностью очертил эту сторону деятельности своего владыки: «творит он силу против не знающего поучения его, жалование (т. е. милость) его знающему его; противник всякий царя (обречен) мраку»; «жалуемый тобою всякий видит его (т. е. солнце) там при восходе, а ненавистный всякий (осужден) на плаху ———», «(под)падет он (очевидно, ослушник царских указаний) мечу, огонь съест плоть [его]». Вещественным следом царской ярости остались то тут, то там на памятниках изглаженное имя, разбитое изображение, замazanное жизнеописание... Гнев фараона постигал не только деятелей предшествующего царствования, но также, и притом едва ли не в большей мере, собственных сподвижников царя, еще недавно облеченных им властью и доверием.

Согбенные спины, раболепно прикованные к нему взоры, хвалебно воздетые руки — вот что видел вокруг себя этот самовластнейший из фараонов. Своим народом он помыкал без малейшего стеснения. Еще

в начале царствования «предложено было [(такому-то сановнику)] согнать рабочую силу всякую начиная от Йэба (на самом юге Египта) вплоть до Перемунa (на самом севере страны) (и) предводителей войска (несомненно с их подчиненными), чтобы творить повинность большую резьбы камня песчаника, чтобы сотворить солнечный столп большой (богу царя) Ра-Хар-Ахту под именем его как Шов, который (есть) солнце, в Эп-эсове (т. е. в храмовом средоточии старой столицы Нэ подле нынешней деревни Карнак), причем сановники, друзья (царевы), начальники держателей [р]езца (т. е. придворные и начальники резчиков) (были) большими (т. е. руководителями) добычи(?) его (и) перевозки на веслах камней». Если так было поступлено при воздвижении одного только столпа солнцу, то можно себе представить, что происходило, когда в несколько лет на пустом месте вырастала новая столица, большой город с исполнинскими каменными храмовыми и дворцовыми зданиями!..

Внутренние дела отвлекали внимание Амен-хотпа IV от его иноземных владений. После того как его предки потопили в крови сопротивление в Сирии, Палестине и вверх по Нилу — в Эфиопии, открытые восстания были редки. Все это умеряло воинственность фараона, однако при случае он умел показать иноземцам свои львиные нравы, и «губил рык» его «плоть их, как огонь, (когда) поедает он дерево». Так, подавляя восстание одной из подвластных областей, наместник Эфиопии часть восставших перебил, других — мужчин и женщин — забрал в плен, прихватив, разумеется, их скот. В египетскую неволю шли толпами мужчины, женщины, дети из порабожденных южных и северных стран.

Считать Нефр-эт причастной правительственной деятельности Амен-хотпа IV у нас, как мы видим, оснований нет. Однако при задушевности отношений царя и царицы трудно себе представить, чтобы она не одобряла его государственные мероприятия. Напомним, как она была изображена за приемкой иноземной дани. Внизу за веревки, накинутае на шею, влекут эфиопов и эфиопок, сирийцев и сириянок, а на возвышении сидит Нефр-эт в окружении забавляющихся детей бок о бок с фараоном, вложив свою руку в его

руку... А на царских судах помешались символические изображения, на которых царица не только присутствует при поражении ее мужем неприятеля, но и сама (!) заносит оружие над головой иноплеменника.

Сочувствие государственной деятельности мужа не обусловило, конечно, значения Нефр-эт. Своим необыкновенным положением рядом с повелителем мировой державы она была обязана не рождению, не государственным способностям, а обаянию, от нее исходившему, власти над сердцем самодержавного супруга. Никогда ни одна чета на престоле фараонов не прославляла так, как эти двое, делом, словом, письмом, изображением перед лицом всех счастливую свою семейную жизнь, вечную любовь, их переполнявшую...

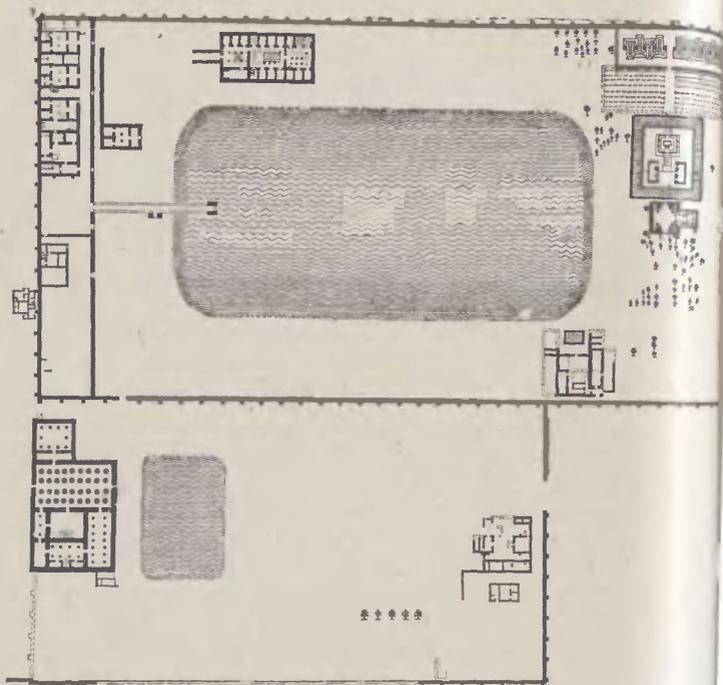
И вдруг несколько ударов заступом, и из-под земли вышли немые свидетели, со всею силою вещественных улик опровергавшие крепость любви Амен-хотпа IV и Нефр-эт. Оказалось, царица разделила участь многих близких царю людей, стала жертвою его погубительного гнева...

Можно представить себе изумление ученого мира, когда были сделаны такие потрясающие находки!

В ЦАРСКОЙ УСАДЬБЕ

Шел 1922 год. Раскопками на месте солнцеклоннической столицы руководил английский ученый С. Л. Вулли. Предполагалось раскопать южную окраину города, еще почти не тронутую лопатой исследователя. В 1896 году тут немного копал итальянец М. Барсанти и вывез отсюда куски расписных полов. В 1907 году на этом месте в течение одного, вдобавок дождливого, дня производил на скорую руку разведку Л. Борхардт. Сложилось мнение, что на юге солнцеклоннической столицы находятся внушительные развалины богатого царского дворца. Когда С. Л. Вулли приступил к последовательным раскопкам, они не замедлили принести горькое разочарование. Большого дворца не оказалось. Это были сады с разбросанными то тут, то там сравнительно небольшими сооружениями. Кирпичные (сырцовые) стены сохранились плохо, каменные исчезли вовсе — преемники Амен-хотпа IV повывозили почти весь камень из покинутого города. Однако первое разочарование быстро прошло. Уцелевшие части сырцовой кладки, следы камней на поверхности оснований, наметки на ней будущих зданий, обломки каменных стен и столбов, куски росписей, впадины в почве, остатки оросительной сети и иных садовых устройств, отпечатки растений на дне бывшего водоема, кости животных — все это, вместе взятое, позволило со значительной полнотой и точностью восстановить облик великолепной усадьбы. Замечательный плод совместных усилий представителей разных наук!

Посетим теперь в своем воображении воссозданную царскую усадьбу. Хотя она была названа в честь

Царская усадьба на юге Ах-йот. Чертеж

солнца, однако храмовых сооружений в ней было немного. Она состояла из двух больших смежных садов с разбросанными по ним зданиями. Каждый сад был вытянут с запада на восток, каждый заключен в прямоугольную ограду с одной общей стеной между ними. Северный сад был много больше южного (200 × 100 м и 160 × 80 м).

Из средней части города, от главного дворца, сюда вела удобная для колесниц дорога, которая даже сейчас зовется у местного населения «царскою». Взорам того, кто приближался с севера к усадьбе, представляла глухая кирпичная стена, расчлененная, да и то через значительные промежутки, однообразными отвесными выступами. Но из-за стены выглядывала пышная зелень деревьев. Миновав с запада северный сад с примкнутой к нему снаружи маленькой псарней, оказывались перед стеною южного сада, за которою высилось каменное преддверье. Сквозь дверь в стене вступали в просторную проходную палату, где потолок поддерживало 36 каменных столбов, а в двери по сторонам видны были боковые покои со столбами и без них. С яркого солнца попадали в прохладный полусвет, достаточный, чтобы рассмотреть окружающую резную отделку: изображения царского служения солнцу на столбах, шествий и приемки дани на стенах. Проходная палата выводила в самый сад, снова на жаркое солнце. Прямо впереди блестел средней величины пруд, а в глубине сада, за деревьями, таились два домика: один побольше, другой поменьше.

Чтобы попасть в северный сад, надо было, не доходя до пруда, свернуть на север. Впрочем, к калитке в стене, разделявшей оба сада, можно было пройти и с улицы, через ворота между преддверьем и этой стеною. Очутившись в северном саду, видели по левую руку убегавшую вдаль прямую стену, за которой вдоль западной стены ограды тянулись службы, в том числе псарни и коровники (египтяне были любителями молока). По правую руку взорам открывался самый сад с огромным прудом посередине и разбросанными вокруг него сооружениями. Как первый сад, так и этот не совсем отвечали бы нашим представлениям о саде. Усадьба находилась на краю пустыни (египтяне строились, по возможности, не на плодородной наносной почве), и

потому деревья были посажены каждое в особую яму, наполненную землею и огражденную стенкою. Низенькие глиняные пересекающиеся перегородки делили почву на маленькие оросительные участки, на которых росли цветы и другие растения. Несмотря на свои большие размеры (120 × 60 м), пруд был неглубок (всего лишь в один метр глубиною). По нему можно было плавать в плоскодонных лодках, но утонуть в нем было трудно. Его широкая голубая поверхность убежала далеко на восток, а с запада в воды пруда вдавался каменный мол. На конце его, посреди воды, возвышалась каменная постройка, покрытая резными изображениями, — великолепная пристань для лодок.

С северного берега в воды пруда гляделось кирпичное здание, похожее на небольшой дворец. В него входили с запада и, двигаясь по главной оси на восток, попадали сперва в покой с возвышением для царского кресла или царского изображения, с перекрытиями, покоившимися на столбах, затем в помещение, где столбы обступали внутренний садик, образуя вокруг него крытый ход, наконец, в чертог, в котором потолок подпирали 12 столбов. Вдоль этих трех помещений с юга и севера были расположены другие помещения без столбов внутри: спальня, лестница в верхнее жилье, кладовые, в том числе винные, сулившие в добавление к прогулкам по пруду и по саду еще веселое угощение.

Небольшие постройки имелись также на западном и южном берегах — на южном берегу с водоемом спереди, густо засаженным папирусом и лотосами. Но самые любопытные и роскошные сооружения заполняли северо-восточный угол сада. Здесь, вдалеке, за синиею гладью пруда, за зелеными кущами деревьев горели на солнце многоцветные каменные сооружения, невеликие по размерам, но богато убранные изразцами и вставками из дорогих горных пород. За восточным краем пруда, посреди цветников, бежала на север дорожка, подводившая прямо к воротам храма. Между двух башен вступали во двор, к которому справа примыкал собственно храм, и, пересекши двор в северном направлении, выходили через такие же ворота меж двух башен на мостик. Он был перекинут через широкий, полный водою ров, опоясывавший со всех сторон островок

с тремя изящными зданиями. Вступив на остров, посетитель оказывался между двумя каменными «беседками», обращенными к нему своими богато отделанными полукруглыми лицевыми сторонами. Прямо впереди возвышался храмик, куда вела лестница в несколько ступеней. Стенки храма между разукрашенными столбами, поддерживавшими кровлю, тоже не были доведены доверху. Снаружи храмик был покрыт, как сеть, резными изображениями из жизни на лоне природы: людей в ладье, зверей в тени деревьев и в зарослях, птиц в древесной листве. Внутри были вырезаны изображения царского служения солнцу, как, вероятно, и на «беседках».

Обогнув храмик, выходили ко второму мостику, ведущему через ров дальше на север. Теперь дорога шла среди моря цветов в самый северо-восточный конец сада, к длинной постройке, тянувшейся вдоль северной стены. Внутри этого здания столбы, поддерживающие потолок, стояли в один ряд, каждый на крохотном островке между перемежающимися водоемами. Эти водоемы в виде огромных Т, повернутых в верхнем ряду отвесным концом вниз, а в нижнем — вверх, вклинивались отвесными концами ряд в ряд, образуя вместе строгий узор. Перила и пол вокруг водоемов и даже откосы стенки перил над водою были сплошь расписаны изображениями цветов и иных растений.

Такова была эта великолепная усадьба солнца, полная водных затей, вся утопавшая в зелени и цветах, украшенная храмиками, похожими на драгоценные безделушки, место беспечного времяпрепровождения, катаний на воде, веселых пирушек под звуки игры и пенья. Нет сомнений, что это была царская усадьба. Но кому из членов царской семьи могла она принадлежать? Надписи, найденные на месте сооружений в ее северо-восточном углу, присваивают эти роскошные постройки старшей дочери Амен-хотпа IV и Нефр-эт, царице Ми-йот. Здесь, по этим надписям, находилась «сень Рэ дочери царицы от утробы его, возлюбленной его, Ми-йот». Все снова и снова находим мы ее на обломках здешних изображений служащей с отцом его Лучезарному солнцу.

Однако такую мы видим ее впервые. Ни на каких

больше изображениях — а их несчетное множество — царевна не стоит непосредственно за отцом, когда тот служит солнцу. За царем следует царица, а за царицей царевна, всегда на третьем, а не на втором месте. Да и вообще с царем без царицы царевна не изображена ни на одном другом памятнике. При этом на всех бесчисленных изображениях семьи Амен-хотпа IV царевна Ми-йот, хотя и старшая, всегда представлена в виде небольшой девочки, а тут она взрослая женщина! И что еще того удивительнее — за нею следовала маленькая царевна! Да и какое титуло у Ми-йот на этих изображениях! Где еще она носит подобное титуло? Нигде больше, только в этой усадьбе. Бросается в глаза отсутствие в нем ссылки на мать, как бы в соответствии с отсутствием Нефр-эт на самих изображениях. Обычное титуло царевны было таким: «дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Ми-йот, рожденная женою царевою великою, возлюбленную его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» Поистине диво дивное в дивной усадьбе!

Не верить своим глазам мы не можем, но напрячь их, приглядеться пристальнее в наших силах. Вот титуло Ми-йот повторено дважды, хотя изображена она под ним всего один раз. И как коряво начертаны и расставлены знаки, да и не только в этом, но и в остальных этих странных титулах. Впрочем, не во всех их частях, а лишь в начале и конце. И что же? В этих местах то там, то тут проглядывают стертые отвесные черты, когда-то иначе делившие камень на строки, и остатки письмен, изглаженных небрежно. Английский исследователь Б. Ганн был совершенно прав: титуло царевны стоит на месте другого титула, которого середину сохранили, а начало и конец изгладили. Середина — это звание и имя Амен-хотпа IV, дочью которого объявляется Ми-йот. Ее собственные звания — «дочь царева от утробы его, возлюбленная его» — и само ее имя, приходящиеся на начало и конец, — позднейшие вставки взамен изглаженного. Б. Ганн заметил также, что на некоторых изображениях голова особы была удлинена, с тем чтобы больше походить на голову царевны. Первоначально храмы в усадьбе были не царевны Ми-йот. Да и не одни храмы. Сходные пе-

ределки наблюдаются на молу, вдававшемся в большой пруд, и на обломках в преддверье.

Но чьей же была тогда усадьба до присвоения ее царевне?

Ответ напрашивается сам собой: конечно, царицы Нефр-эт! Стоит нам только это допустить, как все станет на свои места. Взрослая женщина, служащая солнцу вместе с царем, как и в других бесчисленных случаях, его супруга — царица Нефр-эт, переименованная потом нескладно в собственную дочь. А эта последняя — та маленькая царевна, что стоит за царем и царицей. Надписанное над царицею титуло величало ее женою Амси-хотпа IV Нефр-нефре-йот Нефр-эт. Собственное звание ее и имя приходились на изглаженные начало и конец; середина — звание и имя царя, чьей женою она объявлялась, могли быть безболезненно переняты в титуло его дочери.

Б. Ганн тщательно собрал и сопоставил остатки первоначальных писем в переделанных частях титула и обнародовал свое восстановление в том самом первом отчете о раскопках «города Эх-не-йота», в котором были изданы развалины усадьбы. Сомневаться в том, что титуло принадлежало сначала Нефр-эт, не приходилось. Поэтому едва ли не лишним подтверждением казались прочитанные Б. Ганном под позднейшими написаниями слова «вечно(?) вековечно» и два знака *нфр* один под другим. Слова должны были быть от заключительного пожелания титула царицы («жива она вечно вековечно!»), знаки — из самого ее имени «Нефр-нефре-йот Нефр-эт». В нем при отвесном написании два знака *нфр* действительно находятся друг над другом. Вот как восстанавливал Б. Ганн первоначальное титуло (подчеркнутые места впоследствии изглаживались):

«Жена ——— большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ — Единственного для Рэ [(такого-то — уцелел один определенный артикль)] ——— Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!»

Итак, глубоко и нежно любимая супруга и друг царя — провозвестника солнечного единобожия, возне-

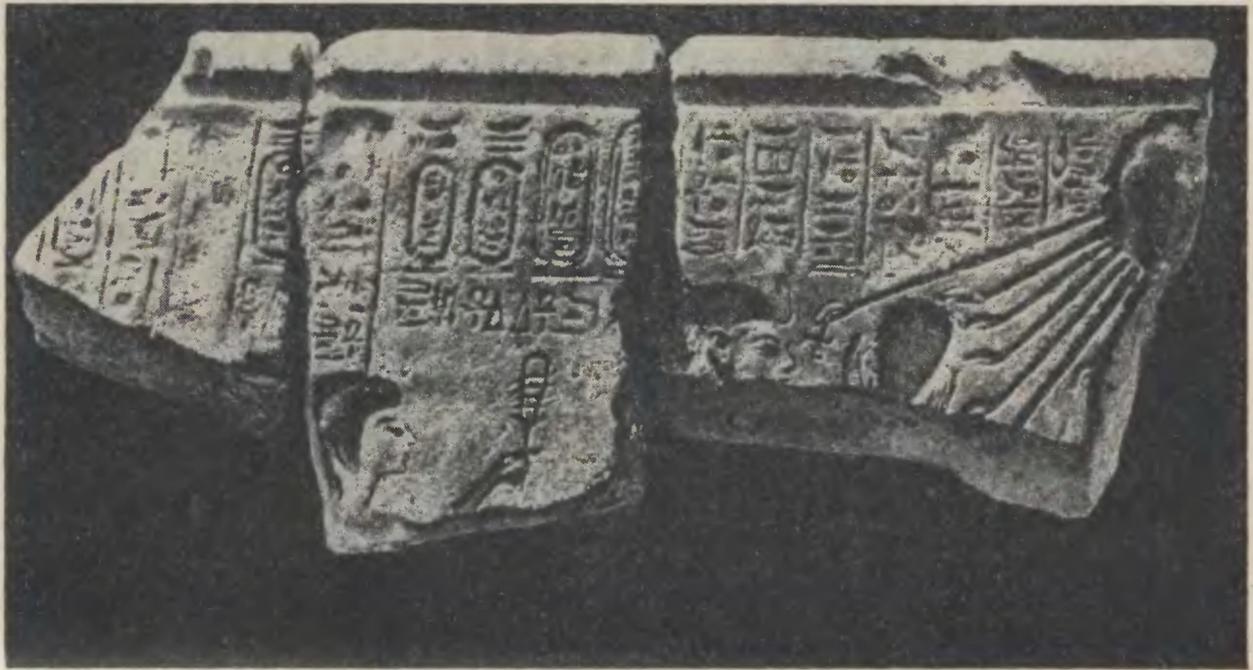
сенная на такую высоту, на какую ни один фараон никогда не возносил свою царицу, под конец впала в полную немилость! У Нефр-эт были отобраны ее место почитания солнца, ее усадьба и переданы старшей дочери; изображения матери были переделаны там в изображения дочери, звания и имя царицы изглажены и заменены званиями и именем Ми-йот, причем даже ссылка на родительницу не была присовокуплена к присвоенному царевною титулу... Все это было так поразительно, так неожиданно, потому что до тех пор никто из ученых не наблюдал и следа гонения на царицу со стороны солнцепоклонников. Если ее имена или изображения бывали разбиты на каких-нибудь памятниках, то это было делом рук приверженцев старины, которые, возобладав, преследовали память ненавистной царской четы. Однако после открытий в усадьбе Б. Ганн нашел еще один памятник со следами преследования царицы самими солнцепоклонниками — подожжие изваяния Ми-йот, давно хранившееся в Британском музее в Лондоне. В то время как имена царя, по крайней мере второе, не были намеренно повреждены, имя царицы в обоих местах, где оно имелось на подножии, было изглажено, один раз более, другой раз менее основательно. В 1931 году Ф. Лл. Гриффит добавил к этому свидетельству еще одно: кусок подножия, только что найденный в солнцепоклоннической столице и принадлежавший изваянию третьей дочери царицы — царевне Анхс-эм-п-йот. Здесь тоже оба раза имя Нефр-эт было сознательно разрушено, изглажено было даже выражение «рожденная (такою-то)» после имени царевны. Однако на сохранившемся обломке не было имен царя, и потому оставалось неизвестным, как было с ними поступлено. Если они были тоже разрушены, имя царицы было уничтожено не солнцепоклонниками, а их врагами.

Когда же могла постигнуть Нефр-эт страшная немилость? Разве лишь под самый конец царствования ее супруга. Даже на очень поздних изображениях мы все еще видим ее вместе с ним в окружении то пяти, то шести дочерей. Передача усадьбы новой хозяйке и переделка на ее имя надписей и изображений произошли явно в поздние годы Амен-хотпа IV, потому что на переделанных памятниках с островка солнечные имена,

которые стояли там с самого начала, были принятого в те годы вида. Но, может быть, гроза разразилась над царицей после смерти мужа, и не он, а дочери и их мужья повинны в постигшей Нефр-эт беде? Увы, спасти таким способом «образцовое» супружество от печальной развязки у нас нет возможности. Когда умер Амен-хотп IV и воцарился муж Ми-йот Семнех-ке-рэ, она стала царицей — «женою царицы великой», ее имя стали обводить ободком как царское, ее лоб украсило изображение змеи-аспида, знак царского достоинства. На переделанных же памятниках Ми-йот еще царица — «дочь царицы», ее имя, как имя частного лица, не заключено в ободок, на ее лбу нет царской змеи...

Нет царской змеи? Да, но как же это так? Ведь изображения-то были прежде изображениями царицы... Что ж, и Нефр-эт была изображена без наложного царского знака? Притом подряд на нескольких изображениях из одного и того же места! Но ведь это совершенно невозможно! Сколько у нас изображений царицы помимо этих? Не многое ли множество? А разве среди них найдется хоть одно, у которого головной убор не украшал бы аспид? Догадку, не стерла ли царица змею с изображенной матери, чтобы они не так походили на царские, тут не помочь. На снимках переименованных изображений поверхность камня перед лицом царицы вполне различима, но ни малейших признаков чего-то стертого впереди ее лба не заметно. Итак, новое диво! Только на этот раз такое, что способно заронить в наш ум сомнение, действительно ли Нефр-эт изображали памятники сначала, и она ли была до переделок хозяйкой усадьбы?

Усомниться, конечно, просто, но не просто ли и рассеять сомнения? Кто, как не царица, изображен столько раз служащим рядом с царем лучезарному солнцу, т. е. именно так, как на этих изображениях? Всего только раз ее в подобном случае замещает мать царя, вдовствующая царица Тэйе, да и то лишь на собственной надгробной сени. И вообще, о чем толковать? Разве Б. Ганн не распознал в изглаженных написаниях звание «жена» такого-то царя, заключительные слова многолетия царицы, даже знаки из ее имени? Мало того, не тот же ли ученый заметил на одном из столбов преддверья изображение царя, царицы и царицы?

Кусок изображения службы солнцу, которую вместе с Амен-хотпом IV правит особа, переименованная при переделке надписи в его дочь Му-нефер.

IV. *Му-нефер* *и* *Амен-хотп* *и* *Ахенатон* *и* *Нефтиси*

исчерпывается. Сходны сами приемы переделки, при этом не только в целом, но и в частности. Ни в усадьбе, ни на гробе не переделывают стоящие посередине звания и имя Амен-хотпа IV, но тут и там переделывают начало и конец. И не просто переделывают, но вставляют в начало сходные между собою выражения: обозначение «властитель добрый» (на гробе один раз просто «властитель») и еще одно или два определения. В усадьбе мы читаем: «властитель добрый, единственный для Рэ» и «властитель добрый, возлюбленный солнца», а на гробе: «властитель добрый, образ Рэ», «властитель добрый, воссиявший в белом венце», «властитель добрый» с пропавшим добавочным определением, «властитель добрый, большой, любимец», «властитель любимая (!) большой».

Сходство между теми и другими переделками слишком велико, чтобы они могли быть направлены не против одного и того же лица. И на гробе и в усадьбе преследовали память одной и той же особы. Но кого? Царицы Нефр-эт?

Мы знаем, что Р. Энгельбах еще в 1931 году убедительно показал, что в надписи на крышке гроба для имени царицы нет места. Отвесная строка спускается от груди к ступням человекобразного гроба, у кончиков пальцев резко перегибается и продолжается затем под тупым углом к прежней плоскости по переду ступней на глубину одного высокого знака. После перегиба для ободка с именем царицы места нет. Но нет его для него и до перегиба, потому что там переделано не больше двух отрезков строки вышиною в высокий знак каждый. Для ободка с именем «Нефр-нефре-йот Нефр-эт» или даже с одним «Нефр-эт» двух таких отрезков строки мало. Достаточно сравнить вышину вырванного ободка с именем Амен-хотпа IV «Нефр-шепр-рэ — Единственный для Рэ» в середине строки с вышиною переделанной ее части над перегибом. На ребре же, частью до, частью после перегиба, с переломом посередине, ободок с именем царицы помещен быть не мог.

Но если гроб не был гробом Нефр-эт, то и в усадьбе преследовали не ее память! Ведь переделки тут и там настолько сходны, что разобщить их невозможно. Да как будто так, тем не менее вычитал же Б. Гани в уса-

дье из остатков первоначальных написаний и конец многолетия царицы, и даже два знака из ее имени, не говоря уж о звании «жена — — — большая» такого царя.

Правильно, слова «жена — — — большая» читаются достаточно отчетливо. В сочетании с последующими непеределанными, значит тоже первоначальными, званиями и именем Амен-хотпа IV они позволяют считать хозяйкою усадьбы до передачи ее царевне Ми-йот жену фараона. Заметим, однако, что сам Б. Гани указывал, что подобного титула у Нефр-эт ему нигде больше отыскать не удалось. Действительно, она всегда «жена царева» обычно с добавлением «великая», редко «большая», а не «жена — — — большая царя (и) государя, живущего правдою владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ — Единственного для Рэ — — —», и вообще титул Амен-хотпа IV нигде больше не включено в титул Нефр-эт. Единственное сколько-нибудь сходное словосочетание, которое мог привести Б. Гани, это — «жена царева великая Единственного для Рэ». Но это словосочетание не титул царицы, а всего лишь ее случайное обозначение, один только раз встреченное на одной вельможеской гробнице. Равным образом не титул фараона наименование «Единственный для Рэ», употребленное вдобавок с определенным членом как обиходное обозначение царя-солнцепоклонника. Еще существеннее то, что в приведенном Б. Гани словосочетании царица, как обычно, «жена царева», а не просто «жена». Правда, что следовало за словом «жена» в усадьбе — неясно, однако стой тут «жена царева», слово «царь» из почтения было бы выписано первым, чего на деле как раз и нет.

Ну а остатки многолетия Нефр-эт «жива она вечно вековечно»? Увы, они сводятся к одному слову «вековечно», никаких следов имени царицы впереди не заметно, и слово может быть из совсем иного словосочетания, имевшегося некогда в пробеле между именем фараона и именем хозяйки усадьбы.

Остаются два знака *нфр*, стоящих друг над другом, как в имени «Нефр-нефре-йот Нефр-эт». Воспроизведения их не было издано, и потому трудно судить о степени их сохранности. Несомненно только, что она далеко не безупречна, потому что оба эти знака сна-

чала были прочтены и переданы совсем иначе — как две буквы для сильного *х* (два жгута из льняных волокон). Но как смутно бы ни были видны эти знаки, их все-таки могли прочесть как два *нфр*!

Итак, обследование надписей тоже не раскрыло тайну, тяготеющую над царской усадьбой. За царицу Нефр-эт говорят два знака *нфр*, расположенные друг над другом, как в имени царицы, и прочтенные таким тонким знатоком египетской письменности, как Б. Ганн. За Нефр-эт говорит звание «жена» такого-то царя, потому что наука не знает никакой другой «жены» Амен-хотпа IV, которая где-либо или когда-либо была бы изображена рядом с ним служащей солнцу, тогда как Нефр-эт изображена так множество раз. Наконец, за нее говорит отмеченное тем же Б. Ганном изображение ее на столбе в преддверье с залепленным венцом и частично изглаженным титулом, в котором имя Нефр-эт читается совершенно отчетливо. Правда, переправлен был и венец на голове ее мужа, а ее титул тут вполне обычного состава и только потерто, а не переделано. Тем не менее и здесь, в преддверье, нетрудно усмотреть попытку переделать изображение царицы в изображение царевны. Естественно также припомнить случаи истребления имени Нефр-эт на подножиях изваяний ее дочерей, в том числе старшей, Мн-йот. Против царицы Нефр-эт говорит невозможность оторвать переделки в усадьбе от переделок на золотом гробе, который именем царицы, по справедливому заключению Р. Энгельбаха, написан быть не мог. Против царицы говорит также исконное отсутствие налобной царской змеи на переименованных усадебных изображениях.

Что же остается делать? Кажется, только одно — мечтать о том, не найдутся ли прописи, по которым когда-то были выполнены в усадьбе ее первоначальные надписи?

Однако не смешно ли надеяться, что рабочие прописи могут найтись через три с лишним тысячи лет? Конечно, надежда невелика, но все-таки не так и смешотворна.

Новая столица Амен-хотпа IV строилась на пустом месте. Чтобы в несколько лет построить заново большой великолепный город, мало было согнать туда мно-

го народу. Простую рабочую силу можно было использовать для возведения зданий, но для отделки их нужны были мастера. Некоторое понятие о том, сколько их было нужно, можно составить себе по развалинам города.

Вот главный храм солнца. Просторная ограда (800 × 300 м!) и внутри ее громадное здание из белого камня, бесконечно длинный прямоугольник, вереница дворов, предваряемых воротами, башнями, навесами на столбах, с бесчисленным множеством боковых помещений. И этот огромный храм был покрыт резными изображениями и надписями. Подле храма под прямым углом к нему был расположен главный дворец. Его считают самым большим созданием гражданского зодчества древности (примерно 700 × 300 м, и это не считая смежных личных дворца и храма царской семьи!). Основная часть дворца была тоже из белого камня. Он был украшен золотом и изразцами, живописью, резными изображениями и надписями. Сколько умелых рук было необходимо, чтобы отделать во храме и дворце стены, столбы, перила, косяки, притолоки... А в столице были еще другие храмы и дворцы, и в них, как и в особняках знати, имелись каменные части, тоже нуждавшиеся в отделке. На скалах вокруг города высекались пограничные плиты, а на них изображения и надписи; ими же покрывали входы и стены гробниц, вырубленных для высокопоставленных лиц внутри скал.

Откуда было взять столько умелых мастеров, чтобы покрыть все это изображениями и надписями? По неволе приходилось привлекать также людей неопытных, неумелых, а то и просто неграмотных. В помощь таким работникам и давали прописи. Это были известковые слепки с частями особенно частых написаний, сделанные с образцов, выполненных опытными мастерами. Такие известковые прописи с именами и званиями солнца, царя, царицы были откопаны в разных местах главного дворца. Больше всего их нашлось на южном дворе, под которым были обнаружены остатки снесенных впоследствии жилищ, видимо строительных рабочих.

Вот если бы нам найти подобные прописи в царской усадьбе для ее первоначальных надписей! Тогда

бы мы знали, кто была владелица усадьбы до передачи ее Ми-йот. На этих кусках мы прочли бы звание и имя загадочной особы, узнали бы, наконец, доподлинно, была ли то царица Нефр-эт.

Так обыщем же всю усадьбу, пройдем ее вдоль и поперек, не оставим необследованным ни одного уголка! Но какое разочарование! Сколько б мы ни искали повсюду: в преддверье и службах, в домах и дворцах, в «беседках» и храме, вдоль прудов и водоемов, на дорожках и площадках, в цветниках и под деревьями, — мы нигде не найдем даже следа прописей...

РАЗГАДКА ТРЕХ ЗАГАДОК

Итак, поиски в самой усадьбе ни к чему не привели: желанных прописей там нет. Однако разумно ли вообще искать их там? Разве оставили бы лежать в таком нарядном и благоустроенном месте безобразные прописи, способные только портить вид? Разумеется, их выкинули бы вон, прочь за ограду усадьбы, как только надобность в них миновала. Но тогда есть надежда найти их вне усадьбы; давайте поищем вокруг нее. Южнее ограды имеются кучи мусора. Однако что это валяется между нею и нами? Какие-то куски со вдавленными надписями! Да ведь это они, искомые прописи! Одна, другая, третья... Но, увы, перед нами прописи для иных надписей, не те, какие мы ищем: всего только имена царя и его солнца... Однако что же это? Известковые слепки с точно такими же словосочетаниями, как на золотом гробе и в переделанных надписях усадьбы. Правда, тут только часть прописей для нескольких надписей одинакового содержания, но, к счастью, обрывки титла взаимно дополняются, частично даже перекрываются: слово, которое стоит в конце одного куска, оказывается в начале другого. Так постепенно восстанавливается целое титло, и восстанавливается почти без изъяна и вполне надежно:

«Жена-любим[ец — — —]»

«[царя (и) государя], живущ[его] правдою, Нефр-шепр-рэ — Единственн[ого] для Рэ»

«[отрока доб]р[ого] солнца»

«со[лнца] живо[го], который буд[ет]»

«будет жив [вековечн]о»

«[буд]ет[ет] жиз вековечно вечно, Кийа»

«вековечно вечно, Кийа».

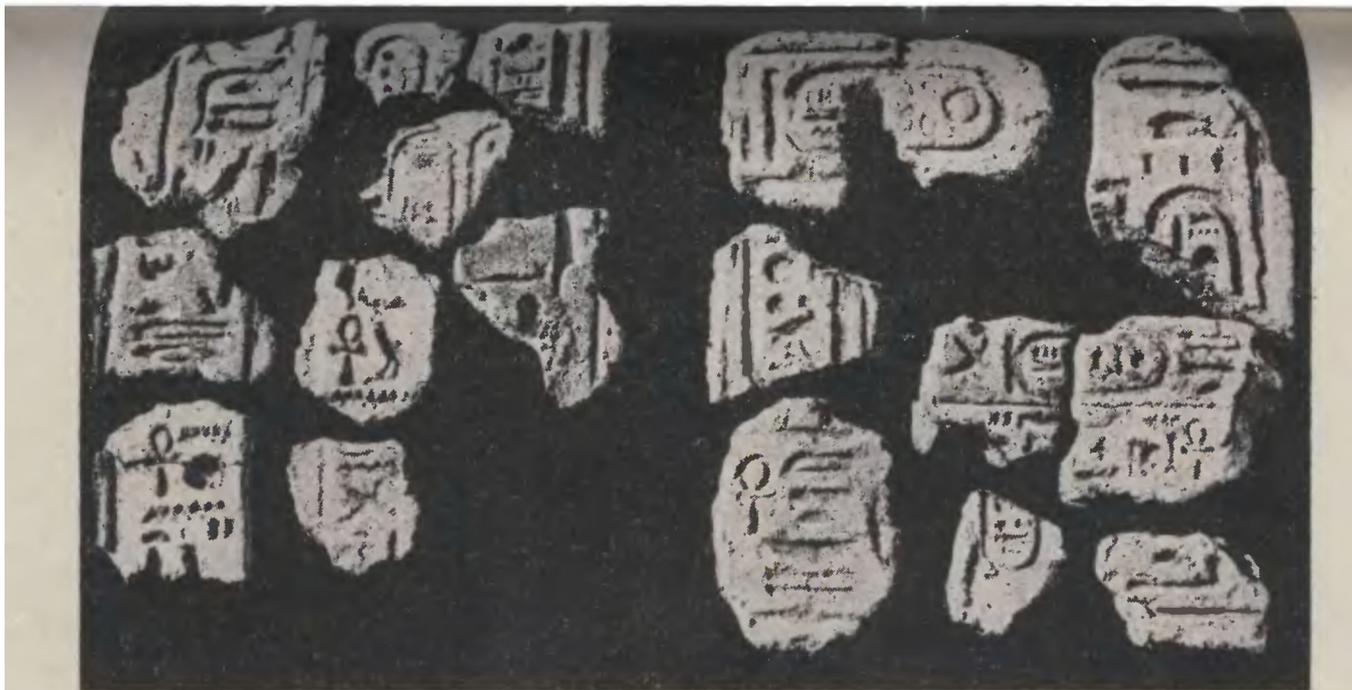
Пробел в начале третьего куска, несомненно, заключал в себе слово «отрок» (*шэре*), так как второй кусок оканчивается на определенный член *n*, предшествующий слову «отрок»: *n-шэре*; низы знаков сверху третьего куска вполне подходят к слову *нуфе* «добрый».

Восстанавливается титло, совсем такое, как те, что были первоначально на гробе и в усадьбе. И при этом названо имя загадочной женщины: «Жена-любим[ец — — — царя (и) государя], живущ[его] правдою, Нефр-шепр-рэ — Единственн[сго] для Рэ, [отрока добр[ого] солнца живо[го], который будет жив вековечно вечно, Кийа».

Издатели обошлись с находкою не слишком уважительно. Конечно, они не выкинули прописи, как сделали некогда древние строители, а издали, однако далеко не так, как прописи заслуживали. В этом с сожалением убедится всякий, кто откроет первый отчет о раскопках «города Эх-не-йота» на листе 32-м. Здесь на маленьком снимке, третьем из шести, заполняющих лист, воспроизведено шестнадцать прописей, в том числе и те, что занимают нас. Воспроизведены они очень мелко, и потому не все знаки имени на двух обломках, его содержащих, читаются одинаково отчетливо. Тем не менее оно может быть прочтено как «Кийа».

Теперь, когда мы знаем, что именно изглаживали в усадьбе, достаточно всмотреться в изглаженные начертания, то тут, то там проступающие в переделанных надписях, чтобы распознать стертые части первоначального титла, не опознанные издателями. В частности, можно вполне распознать слова: «который будет вековечно»; последнее слово — «вековечно» — было принято в свое время за окончание многолетия Нефр-эт. На обломке красной каменной плиты, найденном в преддверье, читается даже конец полустертого имени Кийа, не заключенного в ободок, какой подобал бы имени царицы.

Пришло время вспомнить о двух небольших сосудах, изданных в 1961 году Х. В. Фэермэном. В первой главе было рассказано, как издатель, пораженный сходством средних частей женских титл на сосудах с непеределанными частями титл на золотом гробе,

Прописи-слепки, выкинутые за ограду усадьбы.
Части тигла Кийа содержат определенно все три слепка у левого края снимка, затем два других подле нижних двух из числа тех трех и слепков из двух кусков у середины правого края снимка

Сосуд Кийа, хранящийся в Нью-Йорке и написанный именами солнца и Амен-хотпа IV и ее собственными званием и именем

признал за новоявленной побочной женой Амен-хотпа IV право считаться одной из возможных хозяек гроба до его переделки и как вслед за тем сам же отказался от Кийа в пользу старшей дочери Амен-хотпа IV и Нефр-эт — Ми-йот. На сосудах звание и имя Кийа значатся в полной сохранности:

«Жена - любимец (так на обоих сосудах!) большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель (на одном сосуде звание „владыка обеих земель“ опущено) Нефр-шепр-рэ — Единствен-

ного для Рэ, отрока доброго солнца живого (на одном сосуде ошибочно „солнца живого живого“), который будет жив вековечно вечно, Кийа».

После того как мы сами прозрели, нам может показаться удивительным, как можно было отдать предпочтение Ми-йот перед Кийа? Однако удивляться тому не следует. Вель, кроме титла на двух сосудах, об этой Кийа ничего не было известно. Не знали ничего и о преследовании ее памяти — надписи-то на сосудах были целы и невредимы. Титла в усадьбе по строению своему напоминали титла на гробе. Все твердо верили, что усадебное титло было сначала титлом Нефр-эт. После переделки это титло, сголь похожее на титло на гробе, стало титлом царевны Ми-йот. Имя Нефр-эт никак не могло бы вместиться в титло, стоявшее на крышке гроба; это хорошо показал Р. Энгельбах. Но ничто не препятствовало находиться там некогда имени царевны Ми-йот, не имевшему вокруг себя ободка. Сам гроб был настолько роскошен, что в нем, слегка его переиначив, не стыдно было похоронить фараона. ^{Что}

было при таких условиях проще, как отдать предпочтение старшей дочери царя перед безвестной его наложницей?

Благодаря усадебным прописям мы теперь знаем многое, чего не мог знать английский ученый. То самое титуло, что переделывали в усадьбе, принадлежало первоначально не Нефр-эт, а Кийа. У одной только Кийа было такое необыкновенное титуло. У другой особы, у царевны Ми-йот, подобное титуло получалось только тогда, когда на ее имя переделывали титуло Кийа. Первоначально в усадьбе и на гробе стояло одинаковое титуло, и переделывали его на гробе тем же способом, что в усадьбе, и делали это тут и там, истребляя память первоначальной владелицы. У нас не может быть сомнений в том, что золотой гроб первоначально предназначался для Кийа, тем более что на нем самом, как мы сейчас увидим, сквозь переделки проступают звания и даже имя Кийа.

Следы ее имени, а также начальные слова ее титула можно распознать внутри гроба, снизу на крышке и на дне ящика, в надписях D и E. Эти надписи, скрытые внутри гроба, переделывали менее тщательно, чем наружные, приспособляясь к прежним начертаниям, используя прежние слова. В переделанном начале надписи D за словом «властитель» следует неуместное в приложении к мужчине — новому обладателю гроба, фараону — причастие «любимая» (*мррт*). Написано оно самым необыкновенным способом — с буквою для начального *м*, точь-в-точь как в начале титула Кийа на одной из прописей из усадьбы. Любопытно, что даже мужское существительное *мрртй* «любимец», которым обозначена Кийа на сосудах, находит себе соответствие на гробе в переделанном начале надписи E, где тоже читается *мртй* «любимец». Словосочетания «любимая, большой» и «большой, любимец» в видоизмененных началах надписей D и E, без сомнения, отголосок прежнего их начала «жена любимая большая» или «жена любимец большая», т. е. обозначений, которыми начиналось титуло Кийа. Позволительно также предположить, что определитель или пояснительное изображение мужского египетского божества к слову «властитель» в начале надписи D — не что иное, как определитель к слову «жена», т. е. знак женщины,

который должен был находиться на этом месте и мог быть легко изменен придачею ему бороды.

На гробе в надписи D за тиглом царя после слов «вековечно вечно» следует нечто совершенно невразумительное.

Надписи на гробе	Усадебная пропись	Надписи на сосудах
D		
 } властитель	 } жена	 } жена
 } любимая	 } любим-	 } мрртий любимец
 } любимая	 } любим-	 } мрртий любимец
 } большой	 } любим-	 } мрртий любимец
 } большой	 } любим-	 } мрртий любимец
E		
 } властитель добрый		 } жена
 } большой		 } мрртий любимец
 } мрртий любимец		 } мрртий любимец
 } мрртий любимец		 } мрртий любимец

мнительное: «владыка неба, есмь я, жить». Это несуразное нагромождение слов представляет позднейшую вставку, но оно было воспроизведено на данном месте и в данном виде уже в первоиздании 1910 года. Поэтому вполне возможно, что золотой лист, на котором значится эта бессмыслица, никогда не отваливался и находится на своем месте со времен древности — со дней переделки гроба. Последующие слова надписи D, о которых будет сказано ниже, ни в какой связи со странным словосочетанием не состоят. Само оно приходится в точности на то самое место, где в первоначальном титле, титле Кийа, должно было стоять ее имя. Сопоставим знаки этого имени со знаками, занимающими их место в настоящее время. Первый знак нынешнего словосочетания, знак корзины без ручки, ко-

торым написано слово «владыка», отличается от первого знака имени Кийа, корзины с ручкой, только отсутствием этой последней. Слово «небо» стоит на месте двух черточек, второго знака имени Кийа. Глагол «быть» («есмы») написан двумя знаками: метелкой тростника (й) и птенцом перепелки (в). Первый из них содержится в имени Кийа на том же самом месте; вместо второго в имени Кийа стоит тоже «птичий» знак — белоголовый коршун (алеф — особый горловой звук). Нынешний знак египетского бога — сидящего на земле мужчины с длинными волосами и бородой — передает местоимение первого лица единственного числа, но достаточно отнять бороду и, может быть, добавить прядь волос на груди, чтобы получился знак женщины, при этом на том самом месте, где должен был находиться этот знак как определитель имени Кийа (изображеньице женщины, намекавшее на пол носительницы имени). Бесмысленное «жить», следующее за данным знаком, объясняется очень просто, стоит только допустить, что за именем следовало многолетие «жива она!». Это многолетие читается оба раза на медных скрепах деревянной сени, сооруженной Амен-хотпом IV в конце своего царствования для прикрытия гроба своей матерн. На самой сени за именем Тэе также нет слов «правая голосом», т. е. «оправданная (на том свете)», «покойная», а стоит то же «живое» многолетие только с более или менее посторонним продолжением: «жива она вечно!», «жива она вечно вековечно!»; один раз, впрочем, могла быть и краткая разновидность: «жив[а она]!».

Таким образом, можно, пожалуй, безошибочно за нынешним нелепым словосочетанием распознать окончание титула Кийа, именно ее имя и многолетие. Не исключена даже возможность, что знак птенца в странном словосочетании представляет не замену знака коршуна, а заимствование из первоначальной надписи, как и предшествующий знак тростника. Не исключено, что на гробе имя Кийа было написано не со знаком для звука алеф, а со знаком для в на конце, что для тогдашнего египетского правописания было бы вещью вполне возможною.

Вопреки впечатлению, сложившемуся у издателя сосудов с титулом Кийа, начальные его слова уклады-

Странное словосочетание
на гробе

Предполагаемый
первоначальный вид

ваются в переделанное начало надписи на крышке гроба (А) и, надо полагать, любого другого титла на нем, а само имя «Кийа» с придачею, скажем, многолетия: «жива она!» — в переделанный конец той же надписи, видимо также надписи F.

В прочих надписях на гробе за титлом Кийа следовало (в одних по-видимому, в других определенно) что-то более длинное, чем простое многолетие «жива она!». В наружных надписях В и С это могло быть какое-нибудь расширенное многолетие; во внутренних надписях D и E в конце читаются остатки заупокойных пожеланий. Можно, однако, усомниться, на своем ли месте помещаются слова, заключающие ныне надпись E: «повседневно непрестанно»? Надписи D и E одинакового расположения, направления и выполнения, и отвалившиеся золотые листочки с письменами могли быть при восстановлении надписей в наше время перепутаны, помещены вместо одной надписи в другую. В частности, Р. Энгельбах полагал, что конец надписи D мог принадлежать на самом деле надписи E. Первоиздание 1910 года молчит о каких-либо окончаниях надписи E после титла, так что очень похоже на то, что слова «повседневно непрестанно» ко времени находки гроба отвалились и на свое теперешнее место были водворены руками наших современников. Но в таком случае подлинное место этих слов могло быть не в конце надписи E, а в конце надписи D. Разумеется, такое допущение нуждается в проверке по подлиннику, но если оно приемлемо, то надпись D могла бы

быть восстановлена едва ли не полностью в своем первоначальном виде: «[Жена] любимая боль[шая] цар[я] (и) государ[я], живуш[его] правдою, владык[и] обеих земель [Нефр-шепр-рэ — Единственного для Рэ], отрока добр[ого] солнца живого, который будет тут жив вековечно вечно, [Ки]йа — жив[а она!]. Сердце [ее] (или: [твое]) на месте своем, види[г она] (или: види[шь ты]) Единственного (?) для (?) Рэ повседневно непрестанно». К сожалению, увериться хотя бы в том, что существующее окончание надписи D понято правильно, по имеющимся изданиям невозможно: они расходятся между собой, никак не поясняя расхождений. В частности, ни в издании 1910 года, ни в переиздании 1916 года между словами «видишь ты» и «Единственный (?) для (?) Рэ» не показано ни малейшего пробела; по изданию же 1931 года между теми и другими может быть «пробел неизвестной длины». В первоиздании показано разрушение после слов «Единственный (?) для (?) Рэ». Если чтение «Единственный для Рэ» правильно (все три издания воспроизводят два знака из шести по-разному), то хотелось бы видеть пробел там, где он показан в первоиздании, так как тогда получится все-таки что-то связное. Восстанавливаемому предположительно словосочетанию: «види[т она] (или: види[шь ты]) Единственного для Рэ повседневно непрестанно» можно найти немало соответствий в других солнцепоклоннических надписях. О царице говорится: «Она видит властителя постоянно, непрестанно». Сановники желают от фараона: «Да дашь ты насыщаться мне видом твоим непрестанно», «Да даст он... век добрый в созерцании красоты [его] повседневно непрестанно», «Да даст он век высокий (т. е. долгий) в созерцании красоты тв[оей](!), (так чтобы) не переставать видеть те(бя) (!) повседневно». Об этом просят и солдцы: «Да дашь ты мне... век добрый в созерцании владыки обеих земель, (так чтобы) не переставать (видеть) красоту его». Про исполнительного сановника сказано: «Насыщается он видом твоим (т. е. фараона) непрестанно». Видеть «непрестанно» хотят и солдцы. Вельможа говорит ему: «Глаза мои видят тебя непрестанно». Сановники просят у солнца: «Да дашь ты насыщаться мне видом тв(оим) непрестанно», «Да дашь ты выходить утром из преисподней

созерцать солнце, (когда) воссиявает оно, непрестанно», «Да дашь ты мне век добрый в созерцании красоты твоей непрестанно» и, видимо, также: «Да даст он тебе век высокий в созерцании красоты твоей (!), (так, чтобы) не переставать видеть те(бя) (!) повседневно». Вельможе желают: «Не перестанешь ты созерцать Рэ».

С разгадкой загадки золотого гроба сама собою разгадывается и загадка четырех великолепных алавастровых сосудов, предназначенных для внутренностей умершего и обнаруженных вместе с гробом в так называемой гробнице Тэйе. Крышку каждого из них венчала тонко изваянная человеческая голова со тщательно переданными накладными волосами, причесанными и подстриженными во вкусе того времени. Надписи, имевшиеся некогда на сосудах, были старательно стерты. Лицо не походило ни на кого из известных по виду деятелей солнцепоклоннической поры. Оставалось только гадать, кого же изображают замечательные головы? Их приписывали поочередно чуть ли не всем царственным особам тех дней: Тэйе, Тут-анх-амуну, Амен-хотпу IV, Нефр-эт, Семнех-ке-рэ, Ми-йот. Накладные волосы, вроде изображенных на головах, носили тогда, как не раз отмечали исследователи, одинаково мужчины и женщины, и потому можно было опознавать в головах сосудов равно царей и цариц.

Теперь, когда переделанный на имя Амен-хотпа IV золотой гроб оказался гробом побочной жены царя Кийа, естественно считать погребальные сосуды, найденные вместе с гробом и начисто лишившиеся надписей, погребальными сосудами той же Кийа. Сравнение голов на сосудах с человекоподобным гробом и изображениями Кийа в усадьбе подтверждает этот сам собой напрашивающийся вывод.

Как показали в свое время английские исследователи, золотой гроб был надписан для своей хозяйки задолго до кончины Амен-хотпа IV: в первоначальной надписи встречается знак, изображавший египетскую богиню правды Мэ и ставший как многобожеский неупотребительным в более поздние годы царствования. Э. Х. Гардинер обратил также внимание на то, что на лобная царская змея на гробе надписана именем солнца, бывшим в ходу в поздние годы Амен-хотпа IV.

и потому, можно думать, добавлена впоследствии, так что гроб первоначально не был увенчан ею. Как отметил в 1931 году Р. Энгельбах со ссылкой на Г. Брантона, на одной из голов на погребальных сосудах хвост царской змеи был врезан позже в пряди волос. И С. Олдред в 1957 и 1961 годах подтвердил это обстоятельство. Значит, первоначально на головах сосудов тоже не было царских змей, их добавили потом, но затем отбили, возможно, тогда же, когда изгладили надписи. На усадебных изображениях Кийа налобной змеи тоже не видно. Вдобавок как там у Кийа, так и на голове ее гроба и на головах сосудов одна и та же прическа. Совпадение прически на гробе и на сосудах отметил еще С. Олдред в 1957 году, заключив отсюда о принадлежности гроба и сосудов одной и той же женщине.

Теперь, когда владелицей погребальных сосудов оказывается Кийа, мы получаем несколько превосходных изображений этой женщины. Как у царицы, у нее было довольно широкое и вместе с тем худощавое лицо, но этим едва ли не ограничивается сходство. Той торжественной невозмутимости, той нежной утонченности, которыми отмечены лучшие изваяния Нефрет, в этом страстном, целеустремленном лице нет и следа. Темные, большие и длинные, немного раскосые глаза широко открыты и напряженно смотрят из-под густых черных бровей. Нос тонкий и прямой с раздутыми ноздрями. Полные губы заметно выдаются и плотно сжаты. Есть что-то жгучее и суровое и в то же время вдохновенное в этой красоте, такой отличной от спокойной красоты царицы.

Чувства Кийа к ее возлюбленному отражены в самой значительной надписи на ее гробе — в надписи F. Теперь, когда мы все знаем, мы можем восстановить и прочесть эту надпись в первоначальном виде. В полную противоположность древней богине Эсе, чья речь помещалась на гробах царей, Кийа не сулит возлюбленному посмертные блага, а ждет их от него, и то, что она от него ждет по смерти, большей частью лишь продолжение того, что она уже имела при жизни.

1. Сказывавше слов [(такою-то) Кийа] [- жива она! (?)];

2. Буду обонять я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих.
3. Буду видеть [я красоту твою постоянно, [м]ое желание.
4. Буду слышать [я] голос твой сладостный северного ветра.
5. Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей.
6. Будешь давать ты [мне] руки твои с питанием твоим, буду принимать [я] его, жи-
7. [вущий правдою (?)]. Будешь взывать ты во имя мое вековечно, не (надо) будет искать его
8. в устах твоих, [м]ой [владыка (?)] (имя рек)]. Будешь ты [со мною (?)] *
9. вековечно вечно, живя, как солнце! [Для двойника жены-любимца большой]
10. цар[я] (и) государ[я], живущ[его] правдою, владык[и] обеих земель [Нефр-шепр-рэ — Единственного для Рэ], отрок[а]
11. добр[ого] солнца живого, который будет тут
12. жив вековечно вечно, [Кийа] [—жива она! (?)].

* Восстановление Э. Х. Гардинера, которое можно подкрепить примерами из надписей.

ВТОРОЙ ФАРАОН

Накануне первой мировой войны на месте солнцепоклоннической столицы велись раскопки под руководством немецкого ученого Л. Борхардта. Во время их были найдены две небольшие каменные плиты, на первый взгляд ничего особенного не представлявшие. Обе они остались недоделанными; имена изображенных лиц нигде не были проставлены. Но и без имен изображения казались настолько ясными, что никому и в голову не приходило усомниться в том, что изображены Амен-хотп IV и его супруга царица Нефр-эт.

На одной из плит две венценосные особы представлены сидящими в лучах своего солнца за столиком с яствами. Особа побольше, обернувшись к особе поменьше, ласково дотрагивается до ее подбородка, а та обнимает ее одною рукою за плечо. Двойной венец, отвислый подбородок, выгнутая назад шея, впалая грудь и вздутый живот выдают сразу, что особа побольше — Амен-хотп IV. У особы поменьше, держащейся прямо, но тоже с царскою змеею в головном уборе, подбородок не отвисает, лебединая шея выгнута вперед и грудь выступает особенно сильно. По телосложению вторая особа вполне могла бы быть царицей Нефр-эт, а ласки, которыми обмениваются изображенные лица, позволяют думать, что они — муж и жена.

На другой плите изображены тоже две царственные особы, поскольку у каждой на головном уборе по царской змее и вверху изображения сияет то же лучезарное солнце Амен-хотпа IV. Однако сидит здесь только бóльшая особа, меньшая же, стоя, наполняет ей чашу. На изображении в одной из гробниц солнцепо-

клоннической столицы — в гробнице Мн-рэ, домоправителя царицы, ту же услугу Амен-хотпу IV оказывает Исфр-эт. Потому так легко и было опознать в изображенных на плите лицах солнцепоклонническую царскую чету.

Получить два лишних, притом выразительных изображения Амен-хотпа IV и Исфр-эт было, конечно, неплохо. Тем не менее ни тот, ни другой памятник не представляли ничего из ряда вон выходящего в художественном смысле; при всех своих достоинствах они тонули в море подобных им произведений солнцепоклоннического искусства. Но вдруг в 1928 году эти две маленькие плиты сосредоточили на себе внимание ученого мира.

Виною тому была статья, помещенная П. Э. Ньюберри в одном из лондонских египтологических журналов. Английский ученый подметил, что на той и на другой плите на голове у предполагаемой Исфр-эт красуется такой венец, какой свойствен только царям, а не царицам. У синего венца цариц была округлая тулья и плоское дно; синий же венец царей был вдоль боков как бы прищемлен и оттянут, а поверху выгнут. П. Э. Ньюберри не преминул сделать вывод, что особа поменьше на обеих плитах, раз на ней мужской венец, никак не царица, а царь. При этом П. Э. Ньюберри привел еще один памятник с остатками изображения двух солнцепоклоннических фараонов: камень из стены какого-то храма, найденный на месте древнего Мэпфе и изданный в середине прошлого века англичанином Чарлзом Никольсоном. На уцелевшей части изображения от главного лица осталось очень немного, больше сохранилось от его небольшого провожатого, который с веером в руке следовал за своим большим сотоварищем. Мужское облачение провожатого заставляло видеть в нем мужчину, и потому недостающий верх его венца надо было восстановить по образцу фараоновских. Никаких надписей на камне, увы, не сохранилось.

На всех трех памятниках один из царей выглядит старшим, другой — младшим. Младшего старший треплет по подбородку, и младший сидит позади старшего, младший, стоя, наполняет чашу сидящему старшему, младший идет следом за старшим и несет за ним веер,

Два фараона за столом.
Незаконченная плита из Ах-йот. Внизу надпись о сооружении
его воином

как какой-нибудь придворный. При этом если сидящие цари почти одинаковых размеров, то в двух других случаях младший царь много меньше старшего. Что старший царь повсюду Амен-хотп IV, понятно само собою. Но кто же тогда младший царь?

Еще в 1894 году В. М. Флиндерс Питри высказал предположение, что зять и преемник Амен-хотпа IV Семнех-ке-рэ был под конец царствования своего тестя его соправителем. Впоследствии эту догадку неоднократно повторяли многие ученые. П. Э. Ньюберри воспользовался ею и отождествил младшего из двух царей на плитах и на камне с Семнех-ке-рэ.

Мнение П. Э. Ньюберри, что безымянные цари — Амен-хотп IV и его соправитель Семнех-ке-рэ, получило общее признание. Впоследствии Г. Рёдеру удалось открыть еще несколько безымянных изображений двух солнцепоклоннических фараонов. На камне из стены какого-то разрушенного храма, найденном в развалинах верхнеегипетского города Шмуна, сохранилась нижняя часть любопытного изображения. Два царя, из которых первый разве лишь немного крупнее второго, правят жертвоприношение в сопровождении маленькой особы женского пола. Что первые двое — цари, доказывают их передники с подвесками по шизу в виде царских змей-аспидов. Фараонов Г. Рёдер отождествил с Амен-хотпом IV и Семнех-ке-рэ, особу женского пола — с Ми-йот, дочерью первого и женою второго.

Другое изображение, тоже с тремя особами, сохранила печать на закупорке сосуда, обнаруженная в одном из домов солнцепоклоннической столицы. Под лучезарным солнцем восседают две особы, из которых та, что повыше, обращивается к той, что пониже. Последняя увенчана мужским «синим» венцом и обнимает первую. Все это очень напоминает изображение двух царей за столом на той самой плите, что послужила отправной точкой для построений П. Э. Ньюберри. Однако на печати, в отличие от плиты, у старшей особы на голове не венец, а накладные волосы, как на плите с младшим царем, наполняющим чашу старшему, — и нет стола. Зато позади второго царя, как на камне из Шмуна, стоит (не сидит!), по-видимому, небольшая женщина с удлиненной спиной и безволосой головой. В том же доме и еще в одном поблизости были найдены другие две печати на закупорках сосудов возможно того же рода, что и только что описанная. На оттиске из близлежащего дома читается будто бы имя «Анхс-эм-п-[йот]». В сидящих особах Г. Рёдер

Младший фараон наполняет чашу старшему.
Незаконченная плита из Ах-йот

был склонен видеть все тех же Амен-хотпа IV и Сем-нех-ке-рэ, а в стоящей, как и на камне из Шмуна, — очь первого и супругу второго Ми-йот. Однако имя «Анх-эм-п-[йот]» наводило Г. Рёдера также на мысль о втором зяте и преемнике Амен-хотпа IV — Тут-анх-оте/Тут-анх-амуне и его царице Анхс-эм-п-йот. Указывалось еще несколько солнцепоклоннических

изображений будто бы двух царей, но такое их истолкование вызывает законные сомнения, а то даже просто должно быть отклонено. Например, два наброска царской головы на осколке камня никакого отношения к вопросу о двух царях не имеют, так как воспроизводят черты одного и того же Амен-хотпа IV сперва менее, затем более удачно.

Нельзя не пожалеть, что ни одно изображение двух царей, указанное П. Э. Ньюберри и Г. Рёдером, не надписано именами обоих фараонов. Из-за этого тождество младшего из них с Семнех-ке-рэ, каким бы правдоподобным оно ни представлялось, оставалось все-таки не до конца доказанным. Как горячо поэтому надлежало приветствовать появление памятника, на котором изображения двух царей оказались, наконец, надписанными. Памятник был издан в 1951 году в третьем отчете об английских раскопках «города Эхне-йота». Из нескольких кусков, найденных в разное время в солнцепоклоннической столице, двум ученым, англичанке Дж. Сэмсон и англичанину Х. В. Фэрману, удалось восстановить значительную часть каменной плиты, покрытой с обеих сторон изображениями и надписями. Если на одной стороне был изображен молящийся сановник, то на другой были представлены служащими лучезарному солнцу двое царей. Об этом вещали значившиеся над ними титулы. И чьи же имена содержали эти титулы? Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ! Какое блестящее подтверждение догадки, высказанной за двадцать три года до издания памятника!

От изображения старшего царя уцелели, да и то лишь отчасти, ноги, от изображения младшего царя — ноги и туловище ниже пояса. Однако уцелевшего довольно, чтобы установить существенные особенности, роднящие изображения двух царей с имеющимися на других памятниках. Если на большинстве их один царь больше другого, то и на восстановленной плите старший царь немного больше, а младший царь немного меньше. И — что тоже любопытно — младший царь стоит позади старшего, заметно нагнувшись вперед, выдавая тем самым свое подчиненное положение, бросающееся в глаза на некоторых других изображениях двух царей (исполнение обязанности виночерпия, носителя веера).

Часть изображения младшего фараона,
следовавшего с всеером в руке за старшим.
Камень из Мэнфе

Но вот удивительная вещь, поразившая и издательницу плиты Дж. Сэмсон и впоследствии Г. Рёдера: у младшего царя телосложение совсем женское, а не только женоподобное, как у Амен-хотпа IV. Другое обстоятельство, изумившее издательницу, — это разительное несоответствие небрежного выполнения надписей высокому качеству изображений. У Дж. Сэмсон зародилось даже подозрение, не стоят ли надписи на месте других, изглаженных? Но из существующих начертаний не удавалось вычитать ничего, что могло бы сойти за остатки первоначальных надписей, и поставленный издательницей вопрос остался открытым. Более смело за возможность позднейшей переделки надписей высказался Х. В. Фэрмэн, сопроводивший свои заметки изданием плиты Дж. Сэмсон.

В самом деле, приглядевшись к надписям, нельзя не заметить, что титул Семнех-ке-рэ полно несуразными написаниями, а также лишними черточками, выемками, которые не объяснить иначе, как приспособлением новых написаний к уже имевшимся и неполным истребленным прежних начертаний, не вошедших в состав новых. Например, знак бычьей ноги для слова

«мышца» в звании Семнех-ке-рэ «владыка мышцы» написан так причудливо, что ученые приняли и принимают этот знак за знак витого бича, в данном сочетании не дающий никакого смысла. Или другой пример, написание имени «Эх-не-йот» в наименовании Семнех-ке-рэ (совершенно необычном!) «возлюбленный Эх-не-йотом». Мало того, что знак хохлатой голенастой птицы для эх выглядит как знак хищной птицы, само слово йот «солнце», бесчисленное количество раз написанное в имени «Эх-не-йот» тремя буквами и кружком солнца, здесь вдруг передано одним этим последним знаком! Не приходится сомневаться, что звания и имена Семнех-ке-рэ привнесены впоследствии взамен изглаженной надписи. И если кому нужно еще подтверждение, то пусть сравнит толщину ободков вокруг имен Аменхотпа IV с толщиной ободков вокруг имен Семнех-ке-рэ: оба ободка у Аменхотпа IV много толще, чем у Семнех-ке-рэ, хотя имена стоят рядом, бок о бок одни с другими.

Но если имена Семнех-ке-рэ — позднейшая вставка, что же было на их месте первоначально? Очевидно, обозначения той самой особы, которая изображена позади Аменхотпа IV. Телосложение у нее определено женское. Так не была ли она и на деле женщиной?

Загадочная особа облачена в широкое длинное складчатое одеяние, настолько прозрачное, что сквозь него просвечивают туловище и ноги. Такие прозрачные одеяния — обычная вещь на солнцепоклоннических изображениях. Но без какого-либо более плотного, непрозрачного прикрытия нижней части туловища в подобных одеяниях бывают изображены только женщины. У мужчин, когда они облачены в длинные прозрачные одежды и стоят, нижняя часть туловища всегда чем-нибудь прикрыта: передником, поясанцем или любым предметом, изображенным спереди. На данном изображении такого прикрытия не имеется, и загадочная особа явно женщина. Следовательно, и сверху плиты над изображением этой особы стояло некогда женское титуло. Позднее его заменили титулом Семнех-ке-рэ, но нижнюю часть изображения оставили почти без изменений, хотя она не отвечала полу того, в кого изображенное лицо было переименовано.

Нижняя часть изображения службы солнцу, которую правят два царя и царица. На царях передники с подвесками в виде вздыбленных змей-аспидов.

Камень из Шмуна

Итак, примечательный памятник, который впервые во всеуслышание назвал имена двух фараонов, оказался сам загадкой, изображением не двух мужчин, а Амен-хотпа IV и какой-то женщины, которую чья-то небрежная рука переименовала впоследствии в Семнех-ке-рэ. Памятник перекликается с безымянными изображениями в двух отношениях: младший царь меньше ростом, и его согбенная осанка выдает подчиненное положение.

А что, если и на прочих памятниках второй фараон в действительности женщина? Какая вздорная мысль! Ведь на втором фараоне мужской венец и мужская одежда. А может быть, все-таки вопрос не так уж вздорен?

Начнем с того памятника, который послужил отправной точкой для истолкования двух фараонов как Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ. Имею в виду плиту с изображением царей за столом. Да, правильно, на младшем царе мужской «синий» венец и мужская одежда — судя по подолу, не доходящему даже до щиколоток. И все же на старшем царе она более мужская, чем на младшем, так как доходит только до верха голени. При этом то, что у младшего царя она ближе к женской, отнюдь не случайность, а закономерное явление, наблюдающееся, как увидим, не на одной только этой плите. И вот что прелюбопытно. Пе-

ред царями начерчены отвесно три продолговатых округлых ободка, в которые должны были быть вписаны имена, но которые так и остались пустыми. Три ободка, тогда как должно было быть четыре: два для Аменхотпа IV и два для Семнех-ке-рэ. Это удивило и Г. Рёдера, но он не сделал из того никакого вывода. А вывод напрашивается сам собой. Когда бы и где бы на солнцепоклоннических памятниках ни встретились нам бок о бок одни с другим отвесно начертанные три ободка, всегда и повсюду два из них — ободки с именем царя и один ободок — с именем царицы. Таково правило, подтвержденное великим множеством примеров. Когда же должны быть написаны отвесно рядом имена двух царей, два фараоновских имени и два личных, ободков, естественно, оказывается четыре. Так, в частности, на плите, восстановленной Дж. Сэмсон и Х. В. Фэермэнном, в переделанной надписи два ободка с именами Аменхотпа IV и два ободка с именами Семнех-ке-рэ. Значит, на плите с двумя пирующими царями три ободка для их имен недвусмысленно свидетельствуют, что сотоварищ Аменхотпа IV, обладавший всего лишь одним ободком, третьим по счету, не настоящий фараон, так как у того было бы два ободка, а всего-навсего царица. Выходит, что и тут, как на восстановленной плите, младший фараон — женщина. Теперь объясняются сами собой и женская грудь мнимого Семнех-ке-рэ, удивлявшая ученых, и ласковое прикосновение старшего царя к подбородку младшего, и рука младшего на плече старшего. Недаром первоначально никто не сомневался, что на плите изображены царь и царица.

Обратимся затем к недоделанной плите, на которой младший царь изображен наполняющим чашу старшему. Сильно выступающая грудь, тоже удивлявшая тех, кто принимал младшего царя за Семнех-ке-рэ, вполне понятна, если этот царь — женщина. Равным образом на единственном солнцепоклонническом изображении (в гробнице Ми-рэ, домоправителя), одинаковом с тем, что на плите, наполняет чашу царю царица, притом точь-в-точь из такого же сосуда. Не удивительно потому, что на первых порах никому и в голову не приходило, что на плите мог быть изображен кто-нибудь иной, чем царь и царица.

Всего более на мужчину похож младший фараон на камне из Мэнфе. Это происходит в значительной мере оттого, что пояс повязан по-мужски, над бедрами, а не под грудью, как охотно делали женщины, надевая складчатые платья. Однако по старинному воспроизведению камня младший фараон следует за старшим, слегка нагнувшись вперед. Наклонившись, стоит позади Амен-хотпа IV и женщина, переименованная в Семнех-ке-рэ, на восстановленной Дж. Сэмсон и Х. В. Фэрмэном плите. Впрочем, возможно, что наклон на камне только кажущийся и все дело в выступающей вперед груди.

Неоспоримым доказательством мужского пола обоих царей камень из Шмуна представляется только на первый взгляд. Действительно, на царях, как справедливо отметил издатель, фараоновские передники с отделкою по низу в виде царских змеяспидов. И одежда на обоих царях не доходит до земли, тогда как женские складчатые платья обыкновенно до земли доходили. Тем не менее одежда на младшем царе значительно длиннее, чем

Остатки изображения Амен-хотпа IV вместе с особой, переименованной при переделке надписи в Семнех-ке-рэ. Обломки плиты из Ах-йот

на старшем, и в противоположность его одежде далеко отстает сзади. Поверх ее у младшего царя накинут длинный складчатый плащ, которого на старшем царе нет. Такие плащи носили поверх складчатых платьев обычно женщины, хотя иногда их надевали и фараоны. Как бы в подражание младшему царю, одежда на маленькой особе, которая следует за ним, тоже укорочена и ровно на столько же не доходит до земли. Что эта маленькая особа с гремушкой в руках — женщина, не подлежит никакому сомнению. Точное совпадение по длине и покрою между ее одеждой и одеждой второго царя — опять-таки свидетельство в пользу женского пола последнего.

Мало того, само присутствие маленькой особы свидетельствует, что младший царь не мужчина, а женщина. Крошечный рост, вытянутый назад череп без признака волос и гремушка в руке — все это вместе доказывает, что маленькая женщина — царевна. Бесчисленные изображения дочерей Амен-хотпа IV в обществе его и царицы служат тому наглядным подтверждением. Но маленькие царевны всегда бывают с матерью; изображений, где они были бы только с отцом, не существует. Сам Амен-хотп IV, клянясь при основании новой столицы своей любовью к супруге и дочерям, торжественно объявлял царевен состоящими в непосредственном ведении не его, а царицы: «(как) услаждается сердце мое женою царевой да детьми ее, (из) которых (да) дастся состариться жене царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — после (?) этой тысячи тысяч лет, (в течение коих) была (бы) она под рукою фараона — жив он, цел, здоров! — (и да) дастся состариться дочери царевой Ми-йот (и) дочери царевой Мек-йот, ее детям, (тем временем, как) были (бы) они под рукою жены царевой, их матери, вековечно вечно...». Как тут не умозаключить, что и на изображении из Шмуна маленькая царевна следует за матерью и что, следовательно, младший фараон — женщина.

Сказанное о камне из Шмуна приложимо к изображению на печати. Там позади сидящих больших фараонов, непосредственно за спиною младшего из них, стоит тоже маленькая особа. Ее скромное положение и размеры исключают мысль о царице. Голова малень-

Кусок изображения взрослой женщины и Анхс-эм-п-йот Малой. Над девочкой — конец ее имени, а ниже, направо, должно быть, следы первоначального надписания — последние буквы имени ее матери — Кийа.

Камень из Шмуна

кой особы, насколько можно распознать, вытянута назад и лишена волос, что еще больше укрепляет во мнении, что эта особа — царица. Если же за спиной младшего царя стоит царица, то этот младший царь должен быть ее матерью, так как не может быть, чтобы маленькая царица была изображена одна без матери в обществе двух царей-мужчин. Далее, то обстоятельство, что на печати младший фараон (фараон в синем венце) сидит позади старшего и обнимает его, тогда как тот его не обнимает, а только оборачивается к нему, роднит это маленькое изображение с изображением двух пирующих фараонов на плите из Ах-йот. На ней младший царь (в синем венце) также сидит позади старшего и обнимает его, в то время как тот тоже оборачивается к нему. Да и вообще, если исходить из приемов тогдашнего искусства, трудно не принять второе лицо, обнимающее, но не обнятое, за женщину.

Но вот имеются еще два сидящих изображения двух фараонов, на которые не обратили внимания исследователи, два нецельных оттиска на глине одного и того же великолепного перстня-печатки. Они были найдены в солнцепоклоннической столице в житнице дома, принадлежавшего главному конюшему фараона Ра-нофру. По остаткам царских имен в надписях дверных косяков дом отделялся в царствование Семнех-ке-рэ. В тех же житницах было найдено несколько других печатей, из которых одна определению времени Семнех-ке-рэ. Заключить на основании ее, а также места находки, что это сидят друг против друга, один повыше, другой пониже, Амен-хотп IV и Семнех-ке-рэ, было бы, однако, слишком поспешным. Во-первых, эти две печати могли быть от чего-то такого, что было запечатано не при Семнех-ке-рэ, а в недавнем прошлом — на исходе царствования Амен-хотпа IV. Во-вторых, перстнем, изготовленным незадолго до воцарения Семнех-ке-рэ, могли пользоваться и в его царствование. Отсутствие имен на перстне позволяло видеть в изображенных двух царях любых двух фараонов. Вспомним плиту, восстановленную Дж. Сэмсон и Х. В. Фэрмэнном, с изображением Амен-хотпа IV и некой женщины, оказавшимся по переименованию изображением Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ. Необыкновенно высокое качество работы располагало хранить перстень, какие бы превратности судьбы ни претерпели представленные на нем лица. То, что на голове у младшего царя мужской «синий» венец, а на голове старшего — нижеегипетский красный, роднит перстень с плитой, на которой младший из сидящих за столом царей увенчан мужским «синим» венцом, а старший — двойным, красным и белым. На плите же, как мы видели, изображены не Амен-хотп IV и Семнех-ке-рэ, а Амен-хотп IV и некая женщина.

Подведем теперь итог нашему обзору изображений двух царей. Младший царь почти всегда меньше ростом, большей частью немного, но иногда значительно (плита, на которой он наполняет чашу, и особенно камень из Мэнфе). Это не очень понятно, если он настоящий фараон, но в порядке вещей, если он — женщина. У младшего царя на обеих плитах грудь выдается заметнее, чем у старшего, что необъяснимо, если

он мужчина. Младший царь делает часто именно то, что пристало бы делать женщине: обнимает старшего царя (плита с царями за столом, печать с тремя особами), принимает от него ласки (плита с царями за столом), наполняет ему чашу (плита с таким изображением), сидит ниже его (печати из дома Ра-нофра). За младшим царем в двух случаях стоит маленькая царевна (камень из Шмуна, печать с тремя особами); маленькие же царевны стоят обычно за матерью, а не за отцом и вообще не появляются одни с отцом без матери. Младший царь на камне из Мэнфе несет за царем веер, который уместен в руке лица из царского сопровождения, но совершенно неуместен в руке настоящего царя, тем более что даже царица его никогда не носит. Младший царь неизменно в мужском синем венце, наиболее близком к женскому, синему же венцу, и никогда не в государственных венцах, как старший царь, двойном (плита с царями за столом) или нижнеегипетском (печати из дома Ра-нофра); это, несомненно, странно, если он настоящий царь, имеющий право на любые венцы. Младший царь, когда можно распознать одежду, одет по-мужски, однако в обоих случаях, на плите с царями за столом и на камне из Шмуна, одежда на младшем царе длиннее и по покрою ближе к женской, чем на старшем. Младший царь располагает, как царица, всего одним именованным ободком, а не двумя, как старший — настоящий царь (плита с царями за столом). Вывод из всего этого может быть как будто только один: младший царь — не настоящий фараон, младший царь — женщина.

Но кто же тогда эта цареподобная женщина? Царица Нефр-эт, как думали первоначально? Но со времени статьи П. Э. Ньюберри общезвестно, что младший царь носил мужской синий венец, а не женский, как царица Нефр-эт. Да и помимо венца у младшего царя наблюдается много такого, что совершенно не подходит к Нефр-эт. Та никогда не держит в руках царских скипетров — крючковатого короткого жезла и так называемого бича, как младший царь на печатях из дома Ра-нофра, никогда не носит, как он на камне из Шмуна, царского передника с подвесками в виде аспидов. Как будто ни на одном из ее бесчисленных изображений она не одета в иное платье, как толь-

ко ниспадающее до самых ступней или даже — и это чаще всего — до самой земли; на младшем же фараоне на плите с царями за столом и на камне из Шмуна одежда не доходит до щиколоток. На Нефр-эт обычно не бывает столь низко повязанного пояса, как на младшем царе на камне из Мэнфе. Наконец, и это особенно важно, ни на одном из всего множества изображений царица Нефр-эт не несет веера — большого пера на длинной рукоятке, составлявшего принадлежность высоких придворных чинов — «носителей веера одесную царя» — и придворных жен из царского окружения. Подобного веера не видать и в руках других цариц солнцепоклоннического времени: ни у царицы-вдовы Тэйе, ни у супруг первого и второго пресмнников Амен-хотпа IV цариц Ми-йот и Анхс-эм-п-йот. Такой веер носит обыкновенно сестра царицы Нефр-эт, и на одном изображении — в гробнице Хайа в Ах-йот — мы видим его в руках у каждой из четырех царевен, однако их мать, царица Нефр-эт, и тут не держит его. И вот этот самый веер несет младший царь, сопровождая старшего, на камне из Мэнфе, как если б был всего-навсего членом царского сопровождения! Допустим на мгновенье, что под конец своего царствования Амен-хотп IV по неведомой причине уступил царице Нефр-эт свой синий венец, вручил ей также царские скипетры и облек ее в мужской фараоновский наряд. Как могла бы Нефр-эт после такого возвышения снизойти до ношения за супругом веера, который она не послала, будучи просто царницей, и который носили подданные, а из царской семьи самое большее царевны? Нет, младший царь — не царица Нефр-эт.

Одно из самых любопытных изображений двух царей представляет, бесспорно, камень из Шмуна: здесь за двумя фараонами в явно фараоновских передниках следует маленькая царевна, следует непосредственно за вторым фараоном, так что тот должен быть ее матерью. И вот в том же Шмуне тем же Г. Рёдером был откопан ряд других камней из стен какого-то храмового здания с остатками изображений тоже трех особ — двух взрослых и одной маленькой, из каковых особ вторая явно женщина. Г. Рёдер, издавший эти камни в 1938 году в «Анналах» Службы древностей

Остатки изображений склоненной особы и царевны с веером, пре-
вращенной при переделке надписи в дочь своей сестры Анхс-
м-п-йот старшей.
Камень из Шмуна

Египта и в 1940 году в органе Германского института египетских древностей в Каире, не сомневался в том, что вторая особа — женщина. И действительно, в ней нет ничего фараоновского: женщина как женщина, в обыкновенной складчатой женской одежде. Но любопытно, что на этих изображениях, созданных во вторую половину царствования Амен-хотпа IV, за его женою следует всего лишь одна царевна. На сходных изображениях царского служения солнцу того же времени, т. е. второй половины царствования, царицу Нефр-эт сопровождают обычно две, три, четыре царевны. Одна царевна бывает представлена позади Нефр-эт в это время редко — обыкновенно лишь там, где недоставало места для большего числа дочерей. А вот на камнях из Шмуна одна царевна — обычное явление. Впрочем, одна царевна обычна еще на одном виде памятников той же второй половины царствования — на изображениях царского служения солнцу в усадьбе на юге Ах-йот. Там тоже одна царевна, но за кем следовала она первоначально? За Амен-хотпом IV и его побочною женою Кийа. За Кийа? Так не Кийа ли изображена с мужем и дочерью на камнях из Шмуна?

Нам скажут: причем тут Кийа? Разве на изображениях из Шмуна взрослая спутница царя не была

названа своим именем? Это — Анхс-эм-йот, третья дочь царской четы. Правильно. Но на усадебных изображениях взрослая особа позади фараона тоже царевна — старшая дочь Амен-хотпа IV и Нефр-эт, Ми-йот, однако в Ми-йот она переименована из Кийа. Вследствие этого и получилось необыкновенное зрелище: Амен-хотп IV в сопровождении взрослой дочери — царевны Ми-йот и еще маленькой царевны, т. е. дочери Кийа! И вот такое же диковинное зрелище являют изображения из Шмуна. И не в том ли только разница, что здесь спутница фараона переименована не в старшую, а в третью дочь Амен-хотпа IV и Нефр-эт — Анхс-эм-п-йот? Впрочем, на камнях из Шмуна читается и имя маленькой царевны — тоже Анхс-эм-п-йот с прибавкою «Малая», чтобы отличить девочку от ее взрослой тезки — Анхс-эм-п-йот старшей. Изображения из Шмуна еще причудливее усадебных. В Шмуне солнечная рука-луч протягивает к носу взрослой женщины знак жизни, а это солнце позволяло себе только по отношению к царям и царицам, но никак не по отношению к царевнам. Взрослая же спутница Амен-хотпа IV на изображениях не только в усадьбе, но и в Шмуне переименована всего лишь в «дочь цареву», не в «жену цареву», и как там имя Ми-йот, так и тут имя Анхс-эм-п-йот не обведено ободком, как имена цариц. Странно также, что на камнях из Шмуна за именем как старшей, так и младшей Анхс-эм-п-йот следует многолетие — «жива она!», которое именам царевен не свойственно. Знак жизни, протягиваемый солнцем к носу старшей Анхс-эм-п-йот, многолетие после ее имени и даже после имени младшей царевны — все это выглядит как остатки первоначальных изображений и надписей. Солнце, видимо, протягивало знак жизни жене фараона, а после ее имени в составе ее собственного титула и в составе титула ее дочери (царевна, рожденная такою-то царской женою) многолетие вполне могло иметься.

Всмотримся теперь внимательно в самые начертания надписей из Шмуна, и мы получим прямое подтверждение наших рассуждений: надписи действительно переделаны и переделаны из титула Кийа и из титула ее дочери. Нет даже надобности останавливаться на грубости и неуклюжести отдельных начертаний в ны-

нешних надписях. На одном из камней можно распознать остатки первоначальной надписи над маленькой царевной. Надпись была прежде куда более длинной. В ней было больше отвесных строк и черты, их разделявшие, были небрежно изглажены и видны даже на снимке. В конце первоначальной надписи значилось имя матери царевны, и оно было «Кийа», как показывают плохо стертые и как будто вполне различные на снимке заключительные буквы — знаки метелки тростника и белоголового коршуна. Первоначально титул маленькой царевны содержало ссылку на родительницу — царская дочь такая-то, рожденная царскою женою такою-то. Когда ссылка на родительницу, на отверженную Кийа, стала невозможной, длинное титуло было стерто и на его месте начертали более короткое, содержавшее только звание и имя маленькой царевны без какой-либо ссылки на мать.

В Шмуне был найден еще один камень с очень примечательной надписью и остатками изображения. Х. Бруннер, издавший этот камень в 1938 году в лейпцигском египетском временнике, расценивал надпись как доказательство женитьбы Амен-хотпа IV на своей третьей дочери Анхс-эм-п-йот и рождения от этого брака царевны Анхс-эм-п-йот Малой. Заключение Х. Бруннера получило полное признание со стороны ученого мира и является сейчас общепринятым. Однако даже такое единодушное признание не способно рассеять законное недоумение, каким образом у Амен-хотпа IV могла быть дочь от Анхс-эм-п-йот, если этой последней ко времени смерти отца не могло быть больше восьми-девяти лет? Третья дочь Амен-хотпа IV и Нефр-эт родилась не раньше, как в конце 8-го или начале 9-го года царствования ее родителя, последним же годом его царствования был 17-й. Видимо, что-то неладно в надписи.

Надпись помещалась над изображением маленькой царевны, от которого уцелел, да и то лишь частично, один веер — большое перо на длинной ручке. Перед царевной была изображена склоненная взрослая особа, державшая, может статься, такой же веер. От самой особы уцелел небольшой кусок, от веера (?) — лишь палка-рукоятка. Естественно предположить, что взрослая особа — мать маленькой царевны. Такое

предположение полностью подтверждается самим изображением. Взрослая особа — не просто придворное лицо, даже не царская дочь, а жена фараона, потому что уцелевшие вверху солнечные руки-лучи протягивают ей знак жизни, чего, как уже говорилось, удостоивались одни цари да царицы. Но склоненная особа — не царица Нефр-эт, так как та никогда так низко не нагибается, не носит палки или веера. Да и по надписи матерью царицы должна быть не Нефр-эт, а ее третья дочь — Анхс-эм-п-йот. Однако мать царицы названа в надписи всего лишь «дочерью царицы», а не «женою царицы», и имя ее не обведено ободком, как имя царицы. Так как же тогда мать царицы получает от солнца знак жизни, не будучи царицей? Да и вообще, если она на деле жена фараона и имеет от него даже ребенка, то почему ее не величают «женою царицы» и не обводят ее имени ободком? И это тем непонятнее, что дочь-то ее носит полное и закономерное титуло царицы — «дочь царицы от утробы его, возлюбленная его»! Не правда ли, сколько тут несуразного? Однако читатель давно уже понял, в чем дело...

Мы хорошо знаем, кто на изображениях из Шмуна крестится за царицу Анхс-эм-п-йот, матерью Анхс-эм-п-йот младшей. Очевидно, и на этом камне из того же Шмуна все дело в Кийа, превращенной в третью дочь Амен-хотпа IV и Нефр-эт — царицу Анхс-эм-п-йот.

Вчитаемся внимательно в титуло маленькой девочки: «Дочь царицы от утробы его, возлюбленная его, Анхс-эм-п-йот, рожденная дочерью царицы от утробы его Анхс-эм-п-йот царя (и) государя] Нефр-шепрэ — Единственного для Рэ, (кому) дано жить ве[чно] — —». Уже пропуск в титуле матери слов «возлюбленная его» настораживает: не вписаны ли звания взамен изглаженных, занимавших меньше места? Неуклюжее завершение титула ссылкой на царственного родителя царицы-матери отдает уже определенно переделкой. Ни одно настоящее, непеределанное титуло дочерей Амен-хотпа IV от Нефр-эт не включает в себя имени фараона. Однако переделанные титула царской дочери, титула царицы Ми-йот с именем ее отца-фараона, нам встречались, и притом не раз. И упоминался он там точь-в-точь так же, как в титуле царицы

ны-матери на камне из Шмуна — под фараоновским, а не личным именем с добавленным того же самого многолетия «(кому) дано жить вечно», иногда даже на том же месте — в конце титла:

Дочь царева Ми-йот—царя (и) государя Нефр-шепр-рэ—Единственного для Рэ (кому) дано жить вечно» (подчеркнуты позднейшие вставки).

Мы встречали эти титла в царской усадьбе на юге солнцопклоннической столицы. Ими заменяли там титло Кийа. От него оставляли среднюю часть — звание и имя царственного мужа, начало же и конец титла изглаживали и заменяли званием и именем царевны Ми-йот и царским многолетием «(кому) дано жить вечно (вековечно)».

Круг нашего доказательства смыкается. Не приходится сомневаться, что на камне из Шмуна склоненная особа и маленькая царевна изображали первоначально побочную жену Амен-хотпа IV Кийа и его дочку от нее. Титло Анхс-эм-п-йот старшей было включено в титло маленькой царевны только впоследствии, когда изображенную впереди особу переименовали из Кийа в Анхс-эм-п-йот, а самую девочку выдали за дочь этой последней. Только по подлиннику можно будет окончательно установить, звалась ли дочь Кийа «Анхс-эм-п-йот» или это имя было вписано взамен другого, изглаженного.

Вопрос о том, как звали дочку Кийа, решался бы просто, если б на глиняной печати, найденной в одном из домов солнцопклоннической столицы, были действительно изображены не только два царя, но еще и третье лицо и к нему относилось бы неотчетливо видное имя «Анхс-эм-п-йот». Однако имеющегося беглого словесного описания, воспроизведенного Г. Рёдером в 1958 году, никак не достаточно для каких бы то ни было заключений.

Недавно вышли два новых издания солнцопклоннических камней из Шмуна: бруклинское — Дж. Д. Куни и гамбургское — Л. Л. Мёллер. На ряде камней видны куски странных изображений, по мнению издателей, царевен.

Действительно, головы похожи на их головы: череп

сзади выпячен, а сбоку свисает прядь волос. Однако эти головы переделаны из головы взрослой женщины со ступенчатой прической. И вообще то — взрослые особы, а вовсе не девочки, как на исконных изображениях царской семьи. Раз, правда, за такой особой выписаны звание и имя царевны Ми-йот, но только представлены они поверх чего-то изглаженного. Нам все это хорошо знакомо — взрослые царевны, переделанные головы, титула, замененные титулами царских дочерей... И встречали мы все это на памятниках Кийа, присвоенных дочерьми Нефр-эт.

Сопоставляя отдельные камни, можно прийти к мысли, что под изображениями царя, предстоящего солнцу, одного или с дочкою, бывала представлена внизу коленопреклоненная Кийа — как какая-нибудь молящаяся подданная, а не как полноправная царица.

На тех камнях, где Кийа превращена в царевну, на лбу у нее не было царской змеи. Но вот на одном камне первоначальное изображение царской спутницы было увеличено, словно затем, чтобы одна солнечная рука-луч коснулась приставленного ко лбу царского аспида, а другая — поднесла к носу знак жизни. Сделано это было очень небрежно, так что прическа и аспид врезались в солнечную руку. Особа подносила солнцу первоначально что-то вроде длинного и узкого куска ткани. При переделке кисть руки нарастили и вложили в нее гремушку, какую бряцали солнцу царица и царевны. При этом получилось, что рука на деле перестала держать первоначальное приношение.

На всех этих изображениях занимающая нас особа носит большие круглые серьги. Царицу Нефр-эт изображали с серьгами исключительно редко. Но на одном давно изданном камне из Шмуна, на лицевой стороне, находятся остатки изображения царственной особы с одною дочкою, как обычно изображали Кийа, а на обратной стороне представлена молящаяся на коленях женщина с большими круглыми серьгами в ушах.

Некоторые изображения являются новыми для солнцепоклоннического искусства. Такова особа с переделанною головою и серьгами, вся окаченная струями очистительной влаги. Такова и маленькая прислужница с боковую прядью волос, как царевна. Она стоит

между царем и его спутницей, лицом к последней, и подносит ей дары для солнца. У царицы Нефр-эт, когда она служит солнцу, даже дочери стоят позади нее. А тут за маленькой прислужницей неперделанная надпись: «Кормилица дочери царицы Анхс-эм-п-йот Тайа!» Впрочем, приписку могли добавить впоследствии: саму Кийа переименовали в Анхс-эм-п-йот, а дочку Кийа — царевну — в кормилицу своей сводной сестры...

Итак, одно ли и то же лицо изображено было с Амен-хотпом IV и маленькой девочкой на камнях из Шмуна то в женском наряде, то в царском мужском облачении? Думается, что одно и то же. Если второй фараон был женщиной, но не царицей Нефр-эт, то кем бы он мог быть еще, как не Кийа? Никаких иных подходящих особ назвать невозможно. Как второй фараон, так и Кийа на камнях из Шмуна появляются в сопровождении одной дочери.

Если загадка второго фараона разгадана правильно, если таинственный младший царь действительно Кийа, то мы обогатились немаловажными сведениями о ее судьбе. Остается свести воедино все, что поведали о Кийа ее гроб, ее погребальные сосуды, ее изображения и надписи из Ах-йот, Мэнфс, Шмуна, затем добавить еще кое-какие неиспользованные источники и так восстановить необыкновенную судьбу этой женщины в самую необыкновенную пору фараоновского Египта.

СОПЕРНИЦА ЦАРИЦЫ

На положении жены венценосного возлюбленного мы застаем Кийа сравнительно рано — через несколько лет после появления рядом с ним его царицы, «жены царицы великой» Нефр-эт. Самые ранние известия о Кийа восходят к средним годам царствования Аменхотпа IV, главные источники их — два невзрачных сосуда, надписанных на имя солнца, царя и Кийа. Однако к тому же примерно времени должна быть приурочена первоначальная отделка золотого гроба. Он был заготовлен впрок, задолго до кончины хозяйки, подобно тому как алавастровый ящик с сосудами для внутренностей самого фараона был приготовлен много раньше его смерти. До находки гробов Тут-анх-амуна, обшитых золотом или целиком из золота, гроб Кийа был самым роскошным из всех известных древнеегипетских гробов. Его великолепие красноречиво свидетельствует о значении Кийа уже в средние годы царствования. Ее молитва царственному возлюбленному, начертанная на гробе, отражала большую близость к фараону, задушевность их отношений. Да и само необыкновенное титуло ее на сосудах и гробе говорило о том же: «Жена-любимец большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ — Единственного для Рэ, отрока доброго солнца живого, который будет жив вековечно вечно, Кийа».

Впрочем, это же титуло доказывало, что обладательнице его при всем ее значении было далеко до царицы. Дело не только в том, что титуло было составлено по-новоегипетски, на обыденном, разговорном языке того времени, тогда как титуло Нефр-эт было сложено по-среднеегипетски, на языке древнем, торжественном,

Кийа.

Крышка самого сохранившегося погребального сосуда; вид спереди

Самый состав титула у побочной жены был совсем иной, чем у царицы, произвольный, необычный, отнюдь не государственного порядка. Нефр-эт величалась, как издавна подобало царицам: «Жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель, Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!», и имя ее окружал ободок, присвоенный царям и царицам. У Кийа ни одно звание не намекало на причастность к государственной власти: «владычицею обеих земель», «госпожою Верхнего и Нижнего Египта» побочная жена не была. Она оставалась частным лицом, и в ней не видели ничего такого, что позволяло бы желать ей, как Нефр-эт, «жить вечно вековечно». Ободком вокруг имени Кийа также не располагала. Не носила она и

налобного знака царского достоинства — изображения змеи-аспида. Нынешний аспид был приставлен ко лбу ее человекообразного гроба впоследствии, при его переделке.

От средних лет царствования не дошло даже намека на какие-либо сооружения в честь Кийа. Сама усадьба на юге солнцеклоннической столицы в первые годы после ее основания устраивалась совсем не для Кийа. В величественном преддверье, ведущем в южный сад (северного сада еще, возможно, не было), были в те годы изображены и поименованы Нефр-эт и ее дочь Ми-йот, но не Кийа с дочерью. От тех же средних лет не сохранилось и изображений Кийа вместе с царственным возлюбленным. И это в то время, когда новооснованная столица, окрестные скалы и усыпальницы в них пестрели изображениями царя в обществе царицы. Царская чета на подобных изображениях представляла не только в торжественной обстановке, во время служения солнцу, приемов, выходов, выездов, но также в обстановке самой непринуженной, в тесном семейном кругу, в саду, дома...

Но время шло, и к поздним годам царствования значение Кийа заметно возросло. Правда, взаимные любовь и дружба царя и царицы изображались по-прежнему бесконечно часто, но рядом с царем теперь на изображениях не раз появляется и его побочная жена со своею дочерью. Кийа появляется, разумеется, не на одних памятниках с царицей, и вообще памятников с ее изображениями сохранилось не слишком много. Нельзя также сказать, что сохранившиеся изображения ее были разнообразны. Чаще всего Кийа и ее дочь представлены позади фараона служащими вместе с ним его многорукому солнцу. Однако не это ли именно участие Кийа в царском богослужении на правах царицы как раз и показывало, насколько она приблизилась к ней по значению? Ведь и царицу чаще всего изображали служащею солнцу совместно с супругом и дочерью. Тысячи раз была изображена она таким образом, и вот так стали изображать побочную жену царя... Впрочем, не всегда и не во всем так, особенно, по-видимому, на первых порах.

Самыми древними можно считать те изображения служения солнцу Амен-хотпа IV и Кийа, которые до-

шли до нас, к сожалению, только в обломках из царской усадьбы на юге Ах-йот. На этих изображениях солнечные руки-лучи не подносят знака жизни к лицу Кийа, более того, — даже не простерты к ней. А ведь царицу солнцем наделяло жизнью, ласкало и обнимало ее лучами. На самих усадебных изображениях они подносят знак жизни к носу царя и широким потоком ниспадают на него. Не изображена на лбу Кийа и царская змея, тогда как меж бесчисленных изображений царицы не отыскать ни единого, где бы она не была увенчана царским аспидом. Не удивительно, что и полное титуло Кийа в усадьбе все то же, что и в прежние годы.

И все-таки, как ни умалена на этих изображениях по сравнению с супругой царя его побочная жена, она все же служит, как та, вместе с фараоном его солнцу. Да и не только служит, а имеет собственную великолепно отделанную божницу ее имени. Ведь часть изображений совместного служения солнцу царя и его побочной семьи происходит как раз из такого места почитания солнца в усадьбе — из «сени Рэ» побочной жены царя Кийа. «Сени Рэ» своего имени смели иметь в солнцепоклоннической столице мать царя Тэйе, его супруга Нефр-эт, старшая дочь Ми-йот. И вот теперь «сень Рэ» получила также Кийа... Правда, у тех это были или обширные самостоятельные сооружения, или маленькие храмики внутри больших зданий посреди столицы. У Кийа ее «сень Рэ» была пока что божницей в пригородной усадьбе, и тем не менее это была все-таки «сень Рэ», солнечный храм ее имени, как у настоящих цариц...

Но и «сень Рэ» в самой столице, видимо, недолго заставила себя ждать. Именно оттуда должны быть камни с изображением Кийа, откопанные в Шмуне. Их, очевидно, перевезли в Шмун для строительных надобностей, когда соседняя с ним солнцепоклонническая столица была покинута и разорена. На одном из камней солнце обозначено как чтимое «в сени Рэ дочери царевой от утробы его, возлюбленной им, Анхс-эм-п-йот, в доме ликования солнца в доме солнца в Ах-йот». Эта «сень Рэ» была воздвигнута в самом сердце солнцепоклоннической державы, в средоточии ее веры и государственности. В том, что за Анхс-эм-п-йот

на камнях из Шмуна кроется Кийа, мы уже имели случай убедиться. Поэтому вполне вероятно, что «сень Рэ» Анхс-эм-п-йот была первоначально «сенью Рэ» Кийа. Буквочка *t* между словами «возлюбленная им» и «Анхс-эм-п-йот» в титуле царицы вовсе неуместна, но была бы точно на месте, стой тут некогда титул Кийа. Не-нужная буква похожа на остаток, по недосмотру уцелевший, первоначальной надписи (окончание слова «большая»). Проверка по подлиннику решила бы вопрос окончательно.

Изображения Кийа на камнях из Шмуна отражают дальнейшее ее возвышение. Теперь лучи многорукого солнца уже тянутся к ней и подносят ей знак жизни, как если б она была самой царицей. Мало того, на одном изображении солнечный луч-рука как будто поддерживает царского аспида на лбу возлюбленной фараона. Однако по другому изображению, на котором различимы остатки ее имени, можно заключить, что ее имя все еще не вписывали в ободок, как подобало бы имени царскому.

У Кийа были не только свои солнечные храмики. Все указывает на то, что великолепная усадьба на юге столицы стала в эту пору вся целиком достоянием Кийа. Если в южном саду, в его каменном преддверье, в первые годы существования новой столицы изображали именовали Нефр-эт и царицу Ми-йот, то в устроенном, видимо, позже большом северном саду нельзя отыскать ни одного надежного упоминания царицы. Не только храмики, но и сооружение на молу, вдававшемся в пруд, пестрели упоминаниями Кийа. Похоже даже на то, что в это время ей был передан также южный сад. В его преддверье были обнаружены каменные обломки, в том числе краснокаменной плиты, с остатками надписей, переделанных из титула Кийа и титула ее дочери.

Но Кийа имела еще какое-то отношение ко дворцу, откопанному в 1920-х годах под руководством английских ученых на самом севере солнцеклоннической столицы. Сам по себе довольно внушительный (142×112 м), этот дворец должен был казаться совсем небольшим по сравнению с главным царским дворцом в средней части города (тот дворец имел в длину около 700 м). Да и сооружен был северный дворец из кир-

Кийа.

Крышка самого сохранившегося погребального сосуда; вид сбоку

пича-сырца, если не считать известняковых столбов, косяков и т. п., в то время как главный дворец в основной своей части был из белого камня.

Северный дворец был обнесен толстой прямоугольной стеной. Посередине западной стороны, обращенной к реке, находились величественные ворота. За ними с запада на восток по главной оси здания следовали друг за другом два больших двора и дом фараона. Середину дома занимали три последовательно убывавшие по величине приемные; в задней, самой меньшей, стоял престол. По бокам приемных, с севера и юга, лежало по несколько помещений, в том числе опочивальня, умывальная, винные кладовые, пиршественные (?) чертоги.

По сторонам каждой из трех частей дворца, распо-

ложенных по главной оси здания, т. е. двух дворов и царского дома, лежало по особому сооружению.

С северной стороны на первый двор выходила своими внушительными воротами любопытная постройка. Посреди ее под открытым небом стоял на возвышении храмик, к которому с запада и востока было обращено своими входами по девяти одинаковых смежных помещений, каждый раз с общей лестницей, ведущей на кровлю. Внутри эти смежные помещения были украшены живописью, а на каменных наличниках их дверей были вырезаны надписи. С южной стороны на первый двор выходило сложное и вместе с тем очень соразмерное сооружение, назначение которого совершенно неясно.

Ко второму двору с водоемом, обсаженным деревьями (?), примыкал с севера обширный зверинец, в котором содержались различные животные (быки, козероги, сернобыки), а с юга — замкнутый участок с жилыми постройками.

К северной стене царского дома было пристроено примечательное здание: садик, окруженный водою и обнесенный с трех сторон крытым ходом на каменных столбах со множеством расположенных позади помещений, выходявших в большинстве случаев своими дверями в крытый ход. По остаткам стенописи, изображавшей всевозможных птиц, не без основания полагают, что здание служило птичником. С юга царский дом переходил незаметно в постройку неясного назначения, завершавшуюся большим покоем с сорока пятью расписными кирпичными столбами.

Северный дворец с его водными затеями, зверинцем и птичником производил на исследователей впечатление увеселительного царского дворца. В этом смысле у него есть что-то общее с царской усадьбой на юге города. Оба сооружения явно отличны от строгих дворцовых зданий в средней части столицы.

Но северный дворец роднит с южной усадьбой еще одна важная особенность. В сооружении, расположенном с северной стороны первого двора, в одном из девяти помещений западнее храма был обнаружен на своем исконном месте низ каменного дверного косяка с вырезанной на нем надписью: «— — — дочь царева Ми-йот — жива она!». Довольно беглого

взгляда на снимок, чтоб заметить, несоответствие между крупно написанным званием и именем царевны и более мелким многолетнем «жива она!». Но странно и самое титло царевны. Вместо привычного: «дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Ми-йот, рожденная женою царевой великою, возлюбленною его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» — читается всего лишь: «дочь царева Ми-йот», но зато с многолетием, которое отнюдь не свойственно царевнам! Тут явно что-то не в порядке. И действительно, мы узнаём, что обломок дверного косяка надписан именем Ми-йот поверх чего-то изглаженного и что подобное было сделано по всему зданию. К сожалению, прочие случаи не были изданы.

Но кто же та женщина, чье имя изглажено и заменено именем Ми-йот? Она — жена царя, а не царевна, поскольку царевнам не подобало многолетие. Однако она и не царица Нефр-эт, так как той задолго до отделки северного дворца было присвоено пространное многолетие: «жива она вечно вековечно!» Тогда кто же эта особа?

Не правда ли, как в северном дворце, так и в южной усадьбе звание и имя царевны Ми-йот вставлены в чужое титло, в титло некой женщины, чье имя было изглажено. Но этим сходство не ограничивается. В конце переделанных титл в усадьбе бывает такое же краткое и необычное сочетание: «дочь царева Ми-йот». Краткость титла Ми-йот в усадьбе и в северном дворце объясняется одной и той же причиной: в предшествующей части надписи сохраняли при переделке что-то от прежнего состава титла. Во дворце пустое место, образовавшееся после уничтожения имени, было ограничено также снизу оставленным там исконным многолетием.

Мы хорошо знаем, чье имя значилось первоначально в усадьбе и что там не смели трогать в предшествующей части надписи. Невозможно сомневаться в том, что и в северном дворце изглаженное имя звучало «Кийа», а не подлежавшей переделке частью надписи было имя царя. Иными словами, можно спокойно восстановить на дворцовом косяке знакомое титло: «Жена... царя и государя... Нефр-шепр-рэ — Единственно-

го для Рэ... Кийа» с добавлением многолетия «жива она!». Это многолетие, отсутствовавшее в усадьбе, имелось после имени Кийа на камнях из Шмуна. Но если сооружение, расположенное сразу налево от главного входа, так сказать, на самом видном месте, было домашним святилищем Кийа, то не была ли она хозяйскою северного дворца в целом? Или точнее: не был ли северный дворец местом совместного пребывания Амен-хотпа IV и Кийа, поскольку крошечный дворец у большого пруда в усадьбе на юге вряд ли годился для чего иного, как для кратковременных посещений?

Веселый дворец на севере, веселая усадьба на юге — и то, и другое связано с Кийа, подобно тому как главный дворец царя возле главного храма солнца связан с царицей Нефр-эт. Не вносит ли это новую и живую черточку в образ любимицы Амен-хотпа IV?

По времени святилище Кийа в северном дворце должно быть близко к ее «сени Рэ» в главном солнечном храме. Как северный дворец, так и эту «сень Рэ» отделявали одинаково при позднем солнечном имени, и как тут, так и там за именем Кийа следовало многолетие «жива она!».

У Кийа было и свое большое собственное хозяйство, или, как тогда говорили, «дом», с богатыми угодьями, рабочей силой и служащими. Среди производственных пометок на сосудах с припасами имеются две касающиеся, по-видимому, прямым образом хозяйства Кийа. Одна из них, найденная еще В. М. Флиндерсом Питри в конце прошлого века на месте солнцепоклоннической столицы, помечена 11-м годом царствования Амен-хотпа IV и была сделана управляющим виноградником, поставлявшим вино царской возлюбленной: «Год царствования 11, вино дома честной (особы) Ки[йа] — — — начальник сада Хайа». Другая пометка, сделанная на пять лет позже, в 16-м году царствования, и в винограднике, управлявшемся другим лицом, была найдена там же во время английских раскопок «города Эх-не-йота» в конце 20-х — начале 30-х годов нашего столетия: «Год царствования [1]6, вино дома честной (особы) — — — [начальник] поливного хозяйства Рамосе». Как большинство виноградников того времени, эти угодья «честной» были, наверное, расположе-

ны на севере Египта. Кем-нибудь иным, чем наша Кийа, «честная» пометок вряд ли могла быть.

Звание «честной», по-египетски *шансе*, носили в те поры как раз побочные жены фараонов. Очень живо, хотя и в очень невыгодном свете, такая «честная», влиятельная и властная, выведена в так называемой сказке о двух братьях. Сказка дошла до нас в списке, века на полтора более позднем, чем царствование Амен-хотпа IV, однако ничто не мешает ей быть сложенной несколько раньше.

Явление царя во дворцовом окне, совместный выезд на колесницах царя и его «честной», их совместное веселое времяпрепровождение, «честная», наливающая царю вино, — все это приводит на ум сходные изображения из быта солнцепоклоннического двора, в том числе с участием самой Кийа.

Вот что рассказывает сказка о «честной». После того как ее будущий законный супруг Бит, бежав из Египта, поселился в Долине кедра, «он повстречал девять (богов), а они шли, творя промышление о своей земле до края ее... И сердце их болело о нем весьма, весьма. И Ра-Хар-Ахт (египетский бог солнца) сказал Хнуму (богу — образователю людей по египетским представлениям): „Да образуеть ты женщину — жену Биту, (чтобы он) не сидел один“.

Тогда Хнум сотворил ему сожительницу. И была она совершен(на) плотью своей более женщины-жены всякой, которая в этой земле до края (ее). И бог всякий (был) в ней.

Тогда семь Хат-хор (т. е. фей) пришли поглядеть на нее. И они сказали уста(ми) одни(ми): „Она умрет (от) ножа...“

Ну а по прошествии дней многих после этого Бит пошел охотиться по своему обыкновению повседневному. Вышла тут юница покружить под кедром, который подле ее дома. А увидела она море, бившееся за нею. И она принялась бежать от него. И она вошла в свой дом.

Тогда море воззвало к кедрю, сказав: „Заполни мне ее!“ И кедр достал косичку от волос ее.

Тогда море доставило ее (т. е. косичку) в Кэме (т. е. в Египет). И оно положило ее в месте прачечников фараона.

Тогда запах косички волос явился в одеждах фараона. И брани(лись) (фараон) с прачечницами фараона, сказав: „Запах умашения в одеждах фараона“. И стали браниться с ними постоянно. И не знали они (т. е. прачечники), что (и) сотворят. И начальник прачечников фараона пошел на берег. И было сердце его дрябло весьма, весьма из-за (того, что) брани(лись) с ним постоянно.

Тогда (он) остановился. И он стал на нагорье прямо против косички волос, которая в воде. И он дал спуститься (людям). И доставили ее ему. Найден был запах сладостным весьма, весьма. И он взял ее к фараону.

Тогда доставили писцов, знатоков вещей, фараону.

Тогда они сказали фараону: „(Что) до этой косички волос, (то) принадлежит она одной отроковице (т. е. дочери) Ра-Хар (-Ахта)...“

Тогда величество его дал пойти людям пехотным многим, равным образом коннице (т. е. колесничному войску), чтобы доставить ее обратно (!). И была (некая) женщина-жена среди них. И дал (и) ей украшения всякие добрые женские в руку ее.

Тогда та женщина прошла в Кэме вместе с нею. И веселились о ней в земле до края ее.

Тогда величество его полюбил ее весьма, весьма. И произвели (фараон) ее в честную большую.

Тогда говорили (фараон) с нею, дабы сказала она, (что) мысл(ить) (об) ее муже. И она сказала величеству его: „Дай срубить кедр и рассечь его“. И дали (фараон) пойти людям пехотным с их мед(ными) орудиями срубить кедр. И они достигли кедра. И они срубили цвет (т. е. шишку), на которой сердце Бита. И он опустил(ся) (на землю) мертвым в тот час малый (т. е. тотчас)».

После того как брат Бита оживил его и Бит обернулся быком, «он достиг того (места), в котором были (фараон).

Ну а по прошествии дней многих после этого он вошел в чистое (помещение). И он встал в том (месте), в котором (была) честная. И он стал говорить с нею, сказав: „Гляди, я жив таки“. И она сказала ему: „Ты кто же?“ И он сказал ей: „Я — Бит. (Я) веда(ю все (?)): когда дала ты рассечь кедр для фараона,

(это было) из-за меня, (чтобы) не дать жить (мне).
Гляди, я жив таки, и я — бык“.

Тогда честная уstraшилась весьма, весьма по поводу сообщения, сказанного е(й) ее мужем.

Тогда он вышел из чистого (помещения). И величество его сел, творя день добрый вместе с нею. И она наливала величеству его. И были добры с нею весьма, весьма.

Тогда она сказала величеству его: „Дай клятву мне богом, сказал: '(Что) до того, что скаже (т честная (?)), (то) я услышу в угоду ей'“. И он услышал сказанное ею все: „Да поем я печени этого быка, потому что он не сотворит нечто (особенное)“, — (так) рекла она, сказав ему. И были раздосадованы по поводу реченного ею весьма, весьма. И сердце фараона болело о нем весьма, весьма.

Ну а после, (когда) земля (стала) светла (и) второй день объявился, возвестили жертвоприношение большое, именно принесение в жертву быка. И дали пойти одному резнику (?) главному величества его, чтобы дать правиться (принесению в жертву) быка. Ну а затем дали правиться (принесению в жертву) его. Ну а он (был) на плечах людей. И он двинул шею своею. И он дал сброситься каплям двум кро(ви) подле (дверных) косяков (?) двух величества его. И одна объявилась (по одну) сторону двери большой фараона, а другая — по другую сторону. И они проросли в виде персей двух больших. И каждая из них (была) первенственной...

Ну а по прошествии дней многих после этого величество его воссиял в окне лазоревго камня (с) венком (из) цветов всяких на шее, и (воссиял) он (затем) на колеснице светлого золота. И он вышел (т. е. выехал) из дома царева поглядеть (на) персеи.

Тогда честная вышла (т. е. вышла) на упряжке следом за фараоном.

Тогда величество его сел под одной персеей, (а честная под другой персеей (?)).

(Тогда Бит стал (?)) говорить со своею женою: „О, лунья! Я — Бит. Я жив наперекор (?) тебе. (Я) веда(ю все (?)): то, что дал(а ты) срубить (кедр) для фараона, это (было) из-за меня, и я явился быком, и ты дала убить меня“.

Ну а по прошествии дней многих после этого честная стала, наливая величеству его, (и) были добры с нею, (и) она сказала величеству его: „Дай клятву мне богом, сказав: ‘(Что) до того, что честная скажет мне, (то) я услышу то в угоду ей’,— (так) до скажешь ты“. И он услышал сказанное ею все, (а) она сказала: „Дай срубить эти персеи две и претворить их в предметы обстановки добрые“.

Тогда услышали сказанное ею все.

...Тогда величество его дал пойти мастерам знающим. И срубили персеи в угоду фараону. А глядела (на) то жена царева — честная.

Тогда одна шепка (от)летела. И она вошла в уста честной...

Ну а по прошествии дней многих после этого она родила сына-мужчину. И пошли сказать величеству его: „Родился тебе сын-мужчина“.

Тогда доставили его. И дали ему кормилицу (и) няней. И веселились по всей земле до края ее. И сидели (фараон), сотворяя день добрый. И явились ликующими (?). И величество его полюбил е(го) весьма, весьма в тот (же) час. И призвели (фараон) его (в) сына царева Коша (т. е. в наместника Эфиопии).

Ну а по прошествии дней многих после этого величество его поставил его повелител(ем) земли до края (ее).

Ну а по прошествии дней многих после этого, когда завершил он [годы] м[но]гие как повелитель в земле (египетской) до края ее, тогда величество его отлетел на небо.

Тогда сказали (новый фараон): „Да доставят мне моих сановников больших величества его, (чтоб) дал я ведать им замыслы всякие, выявившиеся по отношению ко мне“.

[То]г[д]а доставил[и] ему его жену. И он судился с нею перед ними. И сотворили „да“ на том (?) (т. е. признали ее виновной)».

В народной сказке «честная» — существо сверхъестественное по происхождению. Она — прекрасная дочь — «отроковица» — солнечного бога, прямо под стать «отроку доброму солнца живого», как величала своего царственного возлюбленного Кийа. В жизни царские «честные» бывали куда более скромного про-

исхождения. Так, по памятнику Берлинского музея того же примерно времени, что и сказка, некая «честная фараона» была дочерью хотя и сравнительно высокопоставленного, но все же рядового жреца и сестрою «слуги фараона». Но в «честных», по-видимому, числились и дочери царей великих держав, присылавшиеся в Египет в жены фараону. Во всяком случае на одной гробничной принадлежности (так называемом конусе), близкой по времени к солнцепоклоннической поро, хозяин гробницы носит звание: «большой (т. е. управляющий) дома честной нахараинской» (Нахараин — Месопотамия, могущественное царство Митавни по среднему течению Евфрата).

Внимательный читатель, возможно, заметил, что в одном месте сказки зловещая красавица названа одновременно «честною» и «женою царицей»: «жена царицы — честная». Слова «жена царицы» заключены в ободок, как было принято в скорописи, когда это звание одно без имени служило обозначением царицы. Что Кийа тоже могла быть одновременно «честною» и «женою царицей», показывает чернильная пометка из раскопок В. М. Флиндерса Питри в Ах-йот: «(напиток) *срмт* жены царицы Кийа», где имя «Кийа» еще не вписано в ободок как царское. Имеется еще другая скорописная пометка, переданная лишь в извлечении в последнем издании английских раскопок «города Эх-не-йота», в которой упоминается «сень Рэ жены царицы — жива она! — на юге». В этой «сени Рэ», естественно, хочется вместе с издателем, Х. В. Фэрманом, видеть ту самую «сень Рэ», которая имела в царской усадьбе на юге Ах-йот. Но усадебная «сень Рэ» принадлежала не царице Нефр-эт, а Кийа, так что Кийа и должна быть «женою царицы», упомянутой в пометке. В пометке звание «жена царицы» заключено в ободок и снабжено многолетием «жива она!». Как и ободок, многолетие подобало обозначениям царей и цариц — даже для царевен ни то, ни другое не было принято. Затем читатель мог также заметить, что один раз в сказке красавица названа не просто «честною», а «честною большою». Кийа тоже величалась «большою»: «жена-любимец большая». Прилагательное о «большой» было словом хотя и древним, но употребительным в просторечии в занимающую нас пору, чего нель-

зя сказать о более торжественном *вэр* «великий». Последнее прилагательное входило в состав звания царицы Нефр-эт: «жена царева великая». И вот любопытно, что к самому концу царствования своего супруга Нефр-эт, не отказываясь от стародавнего обозначения «жена царева великая», начинает велнчаться также по-новому: «жена царева большая».

Повлияло ли на царицу звание все более и более возвеличивавшейся соперницы, трудно сказать. Однако уже настаивал час, когда побочной жене фараона суждено было, видимо, вознестись выше самой царицы. Если второй фараон действительно Кийа, то она под конец царствования своего возлюбленного стала его венценосным сотоварищем.

Этому сотоварищу Амен-хотп IV отдал свой фараоновский синий венец. Отныне именно в нем появлялся на памятниках новоявленный второй царь. Неотъемлемой частью венца был царский аспид. В руки женственный венценосец получил царские скипетры. Но увенчанный фараоновским венцом, держащий фараоновские скипетры, он должен был облечься в соответствующие им фараоновские одежды: получить право на царский передник, убранный понизу изображениями аспидов, носить по-мужски укороченное складчатое одеяние. Правда, было сделано некоторое послабление: складчатое платье младшего царя оставалось шире, чем одеяние старшего, да и длина облачения была у него большею, чем у того.

Для подданных женственный фараон становился предметом поклонения вместе с Амен-хотпом IV и самим солнцем. Французская исследовательница К. Дерош-Ноблькур правильно подметила, что второй фараон, которого она вместе со всеми принимала за Семнех-ке-рэ, заменил тут царицу Нефр-эт. Возможно, что маленькая плита с незаконченным изображением второго царя, наполняющего чашу первому, была тоже заказана частным лицом, но достоверно это известно о другой небольшой плите с изображением царей за столом. Надпись на ней сообщает, что ее «сотворил воин (подразделения) Воссиявший в правде» («Воссиявший в правде» — одно из имен высоко чтимого Амен-хотпом IV отца и предшественника — Амен-хотпа III). Значит, даже простой воин находил нужным заказыв-

вать моленную плиту с изображением новоявленного фараона! Самому солнцу, представленному сверху плиты, не оставалось ничего другого, как одинаково ласково простирать свои руки-лучи к тому и другому царю и подносить к носу каждого по знаку жизни. И оба царя восседают за столом почти как равные. Как это отлично от сходной плиты, на которой Кийа была переименована в Семвех-ке-рэ! Там она стояла, смиренно склонившись позади своего повелителя, больше придаток к нему, чем предмет поклонения, но тогда она явно не была еще фараоном — ведь платье на ней чисто женское. Плита эта, видимо, была тоже частного лица, так как на обратной стороне изображено молящийся некое должностное лицо солнечного храма.

И все-таки, несмотря на венец, скипетры, царское облачение, второй царь не стал настоящим царем. Женственный фараон остался при одном имени, получил не два ободка для двух имен, а только один, как царица. Мы видим второго царя всегда лишь в синем венце, тогда как старший царь то в красном нижнеегипетском, то в двойном всеегипетском, в венцах государственных, древних, не таких, как сравнительно недавний синий. Выглядит так, как если б младший царь имел право всего только на один, и притом второстепенный, венец, представлявший как бы мужское соответствие женскому синему венцу, более всего на него похожий. Изображали второго царя большей частью меньшего роста, в положениях, намекавших, что он — царь младший. В одном второй фараон даже уступал царице: он носил за Амен-хотпом IV веер, чего никогда не делала царица, но что делали ее сестра и придворные, да изредка царевны. Иными словами, второй царь был своего рода полуфараоном.

Когда же Кийа могла быть поставлена в цари, когда могла она получить знаки царского достоинства? Изображений двух фараонов дошло до нас немного. Даже при позднем солнечном имени было еще такое время, когда Кийа не располагала ни царским венцом, ни царской змеею, ни царским ободком вокруг имени, ни царскою близостью к солнцу. Приобрести все это Кийа могла не раньше, как под конец царствования Амен-хотпа IV. Если в скорописной пометке 16-го года его царствования под «домом честной», которому при-

надлежало вино, следует разуместь хозяйство Кийа, а это представляется вполне правдоподобным, то неужели тогда уже она могла быть фараоном? Неужели ее служашие смели б величать царя «честной», неужели б не употребляли более подходящего обозначения, вписав его почтительнейше в ободок? Поскольку остальные данные тоже указывают на конец царствования как время воцарения младшего фараона, предпоследний — 16-й или последний — 17-й год владычества Амен-хотпа IV может быть вполне годом возведения Кийа в цари.

А что произошло с Нефр-эт, с «женою царицы великой», если на моленных плитах, ставившихся для поклонения, ее место занял новоявленный фараон? Не постигла ли ее царская опала или, может быть, она скончалась к этому времени?

Возможны три мнения о судьбе царицы: Нефр-эт умерла, Нефр-эт была изгнана, Нефр-эт примирилась с возвышением соперницы и осталась вместе с супругом. Имеются ли сведения о времени кончины царицы? Прямых известий, на которые можно было бы положиться, у нас нет.

Существует, правда, любопытный рассказ, записанный английским ученым А. М. Блэкманом со слов известного писателя Райдера Хаггарда. Сам Р. Хаггард слышал этот рассказ от В. Дж. Лофти. В начале 80-х годов прошлого века местные жители нашли-де в гробнице (по-видимому, той, что была высечена в ущелье позади солицепоклоннической столицы для фараона и его семьи) известное количество золотых украшений. На некоторых из них имелась будто бы имена Тэе и Нефр-эт. Согласно В. Дж. Лофти, тут были также перевязи из золотого листа, помеченные именами тех же двух царственных особ. У В. Дж. Лофти не было с собою столько денег, чтобы купить все вещи. В следующую зиму, в 1883 или 1884 году, он приобрел два кольца для двух других лиц, в том числе для Р. Хаггарда, однако золотые перевязи, по словам В. Дж. Лофти, были тем временем переплавлены. Украшения, которые В. Дж. Лофти купил для себя, были затем приобретены у него королевским Шотландским музеем в Эдинбурге, однако там они были ради большей сохранности так хорошо убраны, что добраться до

них А. М. Блэкмену не удалось. Тем не менее директор музея передал ученому отпечаток увесистого золотого перстня-печатки, на котором, действительно, было вырезано имя Нефр-эт. Именные золотые перевязи приводили на память показания ряда лиц, имевших дело с останками из так называемой гробницы Тэйе. По показаниям этих очевидцев, на останках лежали полосы листового золота, надписанные именем Амен-хотпа IV. Правда, впоследствии Ж. Даресси очень просто объяснил эти золотые перевязи на трупе как отвалившиеся с внутренней поверхности гроба куски надписей, однако недавние розыски американского ученого С. Олдредда привели его к выводу, что на трупе в самом деле были золотые перевязи, впоследствии пропавшие. Но чем бы ни были золотые перевязи, виденные В. Дж. Лофти, если они происходили из царской гробницы и если они были надписаны именами Тэйе и Нефр-эт, то они могли бы служить доводом в пользу того, что обе царицы были погребены в Ах-йот. Однако досадные «если» в сильнейшей степени мешают воспользоваться рассказом для каких бы то ни было заключений. Настораживает и то обстоятельство, что два кольца, попавшие в конечном итоге оба в собрание Р. Хаггарда, снабжены изображениями совсем не в духе последних лет Амен-хотпа IV. На великолепном ложе из гробницы Тут-анх-амуна, выдержанном строго в том духе, чисто растительный узор заменяет привычные изображения старого хранительного божка Бэса. На кольцах же Р. Хаггарда изображены: на одном — два Бэса, на другом — пляшущий и бьющий в бубен лев все из того же круга упраздненных хранителей.

Но если бы любопытный рассказ был даже во всем точен, то мы все-таки могли бы вывести из него только то, что Нефр-эт скончалась и была погребена в солнцепоклоннической столице, видимо в царской гробнице, в бытность еще двора в городе, но когда в точности — до или после смерти Амен-хотпа IV, — мы из рассказа так и не узнали б.

Широко распространено мнение, что царица Нефр-эт под конец царствования супруга поссорилась с семьей и, уединившись на севере солнцепоклоннической столицы с маленьким Тут-анх-йотом, прожила там до его воцарения. К вопросу о семейной ссоре мы еще

вернемся, а пока что спросим себя, на чем основано представление о проживании царицы на севере города с мальчиком Тут-анх-йотом?

При раскопках в северной части столицы были обнаружены косяки какого-то сооружения и притолока из частного дома, на которых имена Амен-хотпа IV были уничтожены, а имя Нефр-эт пощажено; то же можно было наблюдать на набалдашнике из одного из тамошних домов. Затем там были откопаны изложница для отливки двойных поливных щитков с именем царицы и не менее пятнадцати таких отливок. Тут же, на севере столицы, были найдены украшения с именами других царей и цариц: в ограниченном количестве Амен-хотпа IV, в большом количестве Семнех-ке-рэ, далее его жены Ми-йот, Тут-анх-йота, его жены Анхс-эм-п-йот. Однако вместе со щитками Нефр-эт встречались только вещицы с именами последней четы. Тем не менее обращение с именами на севере столицы вряд ли может иметь какое-нибудь отношение к проживанию там Нефр-эт после смерти Амен-хотпа IV, потому что трудно говорить об огульном истреблении уже тогда памяти царя-солнцепоклонника. Сошлемся хотя бы на наблюдение С. Олдредра, что на предметах дворцового обихода, найденных в гробнице Тут-анх-амуна, этот царь не трогал имен Амен-хотпа IV. Да и все, что известно по этому вопросу, заставляет думать, что последователно преследовать память «супостата из Ах-йот» начали после запустения и разорения его столицы. Изложницы для двойных щитков с именем Нефр-эт были найдены в большом числе еще до раскопок севера города, и не только в этой его части были найдены готовые щитки с именем супруги Амен-хотпа IV и многочисленные вещицы с именами Тут-анх-йота/Тут-анх-амуна и Анхс-эм-п-йот. А то, что на севере столицы украшения с именем Нефр-эт и молодой четы находили иногда в одном месте, не слишком ли это узкое основание для широких построений?

Важнее кое-что другое. Еще от 17-го года, последнего года царствования Амен-хотпа IV, имеются скорописные пометки, сделанные на сосудах с вином «домом (т. е. хозяйством) жены царицы — жива она!». Поскольку от 10—11-го годов дошли винные пометки «дома Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она!», склонны

были в пометках 17-го года усматривать намеренное замалчивание имени царицы из за гонения на нее, которое вычитывалось из остатков южной усадьбы. Впоследствии нашлись более ранние пометки — 16, 15 и 14-го годов и, видимо, даже древнее 13-го года, ограничивавшиеся тоже глухим упоминанием «жены царевой» без имени. Более того, казалось, что «домом жены царевой — жива она!» хозяйство царицы в производственных пометках именовалось еще при Амен-хотпе III (при Амен-хотпе IV хозяйство Тэ́е прозывалось «домом Тэ́е — жива она!», вино было «матери царевой — — —»). Предположить, что под «женою царевой» сперва подразумевали Нефр-эт, а под конец царствования стали подразумевать Кийа потому-де, что хозяйство царицы под прежним обозначением перешло к сопернице, — значило бы предаться ничем не оправданным домыслам. Таким образом, очень похоже на то, что Нефр-эт оставалась царицей вплоть до кончины супруга.

Если Нефр-эт до конца сохраняла свое положение, то понятно и объяснимо странное превращение царской возлюбленной в полуфараона. Раз синий венец царицы сохранялся за Нефр-эт, то Амен-хотпу IV, чтобы венчать и Кийа, оставалось только уступить ей свой, фараоновский, синий венец. Если место «жены царевой великой» было закреплено за Нефр-эт, то поднять до уровня ее Кийа иначе, как сделав ее вторым фараоном, не было способов. Воцарение Кийа в таком случае было одновременно плодом великой любви к ней фараона и проявлением внимания к исключительным правам Нефр-эт. Тогда, быть может, не так уж неправы памятники, до последних лет царствования прославлявшие дружбу царя и царицы.

Ну а как быть с разладом и ссорой внутри царского семейства, ставшими общим местом в статьях и книгах по солнцепоклонническому времени? Основой основ для подобных построений служила замена на усадебных изображениях царицы Нефр-эт ее дочерью Ми-йот. Однако после того как выяснилось, что царица заменила собой на них не мать, а Кийа, от этой основы ничего не осталось. Но, может быть, все же имеются какие-нибудь иные намеки на разгоревшуюся под конец вражду между царем и царицей? Свидете-

тельств о дружбе между ними и для поздних лет сколько угодно, в том числе для времени после рождения пятой и шестой царевен, т. е. для самого конца царствования. Единодушие источников нарушают, как будто, три памятника, о которых мы уже имели случай говорить. На обломке из преддверья южной усадьбы высокое двойное перо, венчавшее некогда Нефр-эт, впоследствии замазали, а ее титло, по-видимому, хотели стереть, но остановились на полпути, так что имя «Нефр-эт» видно отчетливо. Однако переделке подвергнулся и венец на голове фараона, а за пропажей сопроводительной надписи к его изображению неизвестно, не были ли потеряны его имена? Может быть, обе надписи оказались бы полустертыми вовсе не по злому умыслу, а по естественным причинам. Титло царевны Ми-йот не тронули. Если ее изображение, ныне отсутствующее, тоже не было изглажено, то изображенная впереди взрослая женщина, что бы с ней ни проделали, оставалась бы матерью царевны — царицей Нефр-эт. Не более доказателен и кусок подножия от изваяния царевны Анхс-эм-п-йот из Ах-йот, на котором имя царицы было разрушено дважды. Титло царя на обломке не сохранилось, и потому мы не знаем, не были ли разбиты и его имена. Во всяком случае, середине имени царевны Анхс-эм-п-йот ухитрились изгладить, хотя победившие враги имен царевен вообще не трогали.

Остается третий памятник — подножие изваяния царевны Ми-йот, хранящееся в Британском музее. Имя царицы, бесспорно, изглажено, один раз более, другой раз менее основательно. Считается, что имен царя «Нефр-шепр-рэ — Единственный для Рэ» и «Эх-не-йот» не изглаживали. Это легко допустить для второго имени, где поврежден один средний знак, но в первом имени так или иначе повреждены все знаки, кроме двух кружков солнца (*рэ*), несмотря на то что ободок вокруг имени в целостности и сохранности. Нечто подобное замечается на некоторых других памятниках: кружка солнца в ненавистном имени не трогают, а остальное содержимое ободка разрушают. Бывает также, что разбито одно первое имя, а второе имя — «Эх-не-йот» — сохранено. Это наблюдается, например, не менее двух раз на плите Каирского музея из города Она

Но пускай ни одно из имен Амен-хотпа IV на подножии преднамеренно не повреждено, а имя царицы дважды намеренно изглажено. Значение памятника как доказательства вражды царя к царице от этого ничуть не возрастет. Откуда происходит данное подножие? Как место почитания солнца в конце его титла на подножии названа «сень Рэ» царевны Ми-йот «в доме ликования солнца в доме солнца в Ах-йот».

Сохранилось немало надписей из этого «дома ликования солнца в доме солнца в Ах-йот», составляющего часть той необъятно большой совокупности храмовых и дворцовых зданий, что были расположены в самом сердце солнцепоклоннической столицы. В 1932 году в органе Германского института египетских древностей в Каире был издан увесистый камень (черный гранит) — кусок перил из того же самого «дома ликования». Камень отделан поверху, спереди и сзади. Вверху читаются имена солнца, царя и царицы, спереди и сзади — царь, царица и царевна Ми-йот представлены служащими солнцу. Вверху камня ни солнечное имя, ни имя царя не изглажены. Изглажено, притом оба раза, имя царицы. Это ли не то же, что усматривается на подножии? Однако с одной стороны перил дважды изглажено солнечное имя, но ни разу не тронуты ни имена царя, ни имя царицы, хотя она поименована трижды! С другой стороны перил солнечное имя опять повторно изглажено, изглажено также имя царя и в двух случаях имя царицы. В третьем случае ее имя не тронут. После этого стоит ли громоздить построения на таком непрочном основании, как данное подножие?

Таким образом, распространенное мнение о преследовании Амен-хотпом IV Нефр-эт не имеет под собой сколько-нибудь прочных оснований. Этим, правда, не предрешен вопрос об отношении к Нефр-эт новой царской четы — Семнех-ке-рэ и Ми-йот, однако заняться еще и этим делом в пределах данной книжки нет никакой возможности.

Ну а какова была дальнейшая судьба соперницы царицы? Пережила ли Кийа своего возлюбленного и что с нею вообще случилось? Не скроем, что ценою немногих не слишком натянутых, но все же излишне хитроумных объяснений можно заставить Кийа пережить

старшего царя-сотоварища, вложить в ее руки — руки оставшегося фараона — полную власть и связать имя дерзновенной красавицы с важнейшими событиями тогдашней международной жизни, кончившимися неблагоприятно для Египта. Но зачем предаваться такому рода ухищрениям, когда можно попросту пойти к памятникам и, не мудрствуя лукаво, взять от них то, что они сами предлагают?

В кого была переименована Кийа на изображениях в усадьбе, чье титуло было проставлено взамен ее титула: Ми-йот — царевны или Ми-йот — царицы? Изображения превратили в изображения царевны. Потому что лбу не приставили царской змеи — ведь царевне она тоже не полагалась. Титуло Кийа заменили титулом (привожу краткую разновидность) «дочь царева... царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ — Единственного для Рэ, кому дано жить вечно вековечно, Ми-йот», не титулом «жена царева великая Ми-йот — жива она вечно!». Имя царевны не заключили в ободок, подобавший царицам, после ее имени не поставили многолетия, приличествовавшего им. Естественный вывод: изображения и надписи Кийа переделали для Ми-йот, когда она еще не воцарилась с Семнех-кс-рэ, когда она была еще царевной, то есть при жизни Амен-хотпа IV.

Памятники с изображениями двух фараонов многочисленны. От падения Кийа до воцарения Ми-йот должно было протечь какое-то время, если изображения и надписи успели переделать, пока Ми-йот еще оставалась царевной. Под 16-м годом, предпоследним годом царствования Амен-хотпа IV, упомянут «дом честной», но таковым хозяйство воцаренной Кийа вряд ли могло именоваться. Все это, вместе взятое, наводит на мысль, что фараоном Кийа могла быть очень недолго.

Почему она пала, догадаться невозможно. За краткий миг величия она заплатила дорогой ценою. Падение с высоты, на которую ее вознесла своевольная любовь фараона, было ужасным. Недавняя возлюбленная была обречена на вечное забвение. Ее изображение и надписи были переделаны для дочерей фараона, его дочерей от Нефр-эт. Северный дворец и южная усадьба отошли к царевне Ми-йот, солнечный храмик в сре-

доточии столицы — к царевне Анхс-эм-п-йот. Кийа не оставили даже ее гроба, даже ее погребальных сосудов.

А что стало с дочерью отверженной любимицы? Если на камне из Шмуна имя девочки Анхс-эм-п-йот Малой не позднейшая вставка, сделанная при переделке надписи, то дочка Кийа могла быть удочерена своею сводной сестрой и тезкой — Анхс-эм-п-йот старшей. В таком случае девочка не разделила участи матери, но как дочь фараона была оставлена при дворе. Однако пока исконность ее имени на камне не установлена по подлиннику, против воли и, несомненно, напрасно на память приходит грустная находка, сделанная в свое время в южной усадьбе. Там в маленьком дворце на берегу озера сбоку от вереницы приемных помещений в наглухо замурованной кладовой были найдены кое-как погребенные младенческие останки и вместе с ними игрушечная посуда из алавастра, бусы и другие украшения.

Царица Нефр-эт не присутствует ни на одном памятнике, на котором появляется Кийа. словно пропастью разделены обе семьи. Но каковы бы ни были чувства царицы к всесильной сопернице, последняя, конечно, менее всего походила на бездушную «честную» из народной сказки. Нам многое неясно в судьбе этой маленькой женщины, сумевшей, несмотря на все обаяние Нефр-эт, покорить надолго самовластнейшего из фараонов, чтобы под конец низринуться с головокружительной высоты, куда он только что ее возвел. Но душа Кийа, страстная и нежная, звучит донныне сквозь бездну веков в той задушевной молитве к возлюбленному, которая была начертана на золотом гробе.

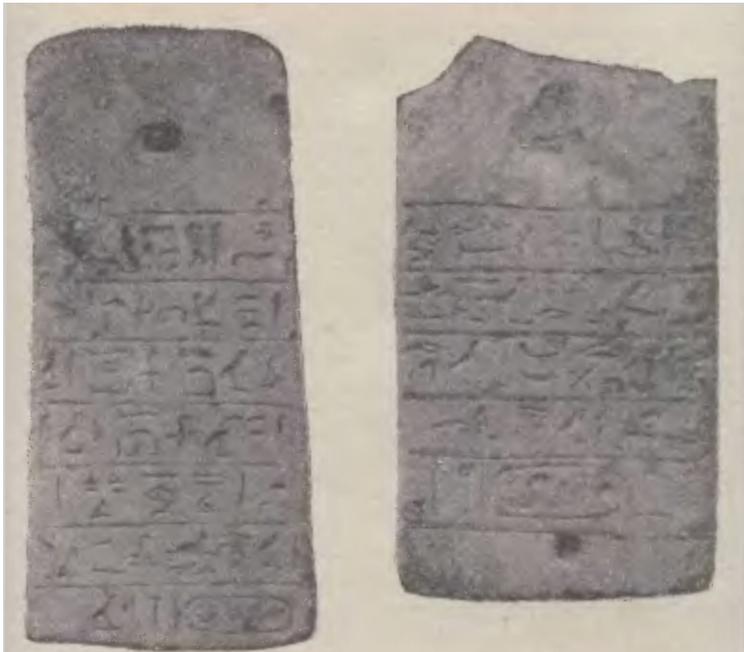
ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА

В груде строительного мусора таился ключ к четырем загадкам египетской древности. Им они могли быть отомкнуты одна за другой: загадка южной усадьбы, загадка золотого гроба, загадка четырех алавастровых голов, по-видимому даже загадка двух фараонов. Осталась одна загадка — загадка лежащего в золотом гробу мертвеца. Тем ключом ее никак не отомкнуть.

Ученые правильно сетуют на то, что странное погребение не было издано полнее и тщательнее. Воссоздать теперь, полвека спустя, все обстоятельства находки невозможно. Врачебное заключение о возрасте покойного расходится со свидетельством окружающих его вещей, да и само свидетельство этих вещей противоречиво.

Да, несомненно, умерший покоился в гробу, переданном для Амен-хотпа IV. Да, бесспорно, по погребальному помещению были расставлены кирпичи на имя царя-солнцепоклонника. Однако ни на самый труп, ни вообще в гроб не было положено ни одной вещи, надписанной царским именем.

В пылу споров о возрасте покойного ученый мир удивительным образом позабыл, что на эту странность обратил его внимание еще в 1921 году такой ученый, как К. Зэте, когда в органе гёттингенского Общества наук высказался против присвоения останков Амен-хотпу IV. К. Зэте подметил, что на двух маленьких золотых пластинках, обнаруженных в гробу, пространное имя солнца было помещено в том виде, какой оно имело в средние годы царствования

Кирпичи с заклинаниями на имя Амен-хотпа IV, расставленные при похоронах вокруг золотого гроба

Амен-хотпа IV. Впоследствии царь переделал солнечное имя с целью устранить из него малейшие намеки на старое многобожие. Неужели же на мертвого царя надели бы украшения с тем видом солнечного имени, от которого он сам давно отказался? К. Зете приходил к выводу, что молодой человек, лежавший в гробу Амен-хотпа IV, не только не был им, но и скончался много раньше его, еще тогда, когда в употреблении был более ранний вид солнечного имени. Не меньшей неожиданностью был и головной убор трупа. Когда-то это был нагрудный знак из толстого листа золота, изображавший коршуна с кольцеобразно воздетыми крыльями, но его согнули так, чтоб его можно было надеть на голову. В данном случае коршун представлял верхнегипетскую государственную богиню, отвергнутую царем задолго до кончины — в одно время

с более ранним солнечным именем. Кроме того, коршун был священной птицей Мут, супругой Амуна, ненавистного царю бога прежней столицы. Даже из письма был удален знак, изображавший коршуна, а в старой столице его прямо-таки истребляли в надписях. Тут же золотой коршун оказался на голове у самого царя! На эту странность обратил внимание еще в 1911 году английский ученый А. Вейгалл в своей книге об Амен-хотпе IV.

Что погребение было фараоновским, в этом сомневаться не приходится. Гроб должен был изображать спеленатого мертвого царя, поскольку лоб его венчал знак царского достоинства — змея-аспид, а к подбородку была приставлена длинная узкая борода египетских мужских божеств. Также и по надписям на гробе: погребенный был «властителем добрым», «образом Рэ (т. е. солнца)», «воссиявшим в (верхне-египетском) белом венце», «царем (и) государем», «владыкой обеих земель (т. е. Верхнего и Нижнего Египта)», «сыном Рэ, владыкой венцов» и носил, как фараон, два имени, обведенных соответствующими ободками. Пространное солнечное имя, начертанное на груди царского аспиды, и содержание надписей на гробе не оставляют ни малейших сомнений в том, что гроб солнцепоклоннического времени. Из трех царей-солнцепоклонников: Амен-хотпа IV, Семнех-ке-рэ и Тут-анх-йота, впоследствии переименованного в Тут-анх-амуна, в расчет идут только первых два, так как труп третьего, Тут-анх-амуна, был найден в 1922 году.

В пользу Амен-хотпа IV говорят прежде всего надписи на гробе. Никто из фараонов, кроме Амен-хотпа IV, не величал себя перед каждым из своих двух имен, обведенных ободками, «живущим правдою» и не именовался после второго имени «большим по веку своему». Таким образом, хотя сами имена на гробе были уничтожены, сопроводительные наименования не хуже их доказывают, что гроб предназначался для Амен-хотпа IV. На волшебных кирпичках, расставленных подле гроба, сохранилось и самое имя. По справедливому заключению Э. Х. Гардинера, эти кирпичики доказывают, что совершавшие погребение люди считали мертвеца Амен-хотпом IV. Против отождествле-

Череп молодого мужчины, покоившегося в золотом гробу, сбоку

ния умершего с царем-преобразователем говорит непомерная юность покойного и явное несходство, установленные врачебным осмотром. Мешают приписать останки Амен-хотпу IV и найденные во гробе украшения с более ранним видом солнечного имени, упраздненным задолго до кончины царя.

В пользу Семнех-ке-рэ говорит возраст умершего, против же — надписи на гробе и кирпичах, объявляющие почившего Амен-хотпом IV. Удивительно было бы также, если бы мертвец был Семнех-ке-рэ, полное отсутствие его имени на вещах из тайника. Амен-хотп IV поименован на гробе и на кирпичах и затем на надгробной сени своей матери — совместно с нею и отцом. Отец и мать, Амен-хотп III и Тэйе, кроме того, названы еще на нескольких вещичках, но нигде ни разу не упомянут Семнех-ке-рэ!

Однако членом царского дома покойный был не-

Череп молодого мужчины, покоившегося в золотом гробу, спереди

сомненно. Его череп по размерам Дж. Дерри почти во всем совпадает с черепом Тут-анх-амуна, второго преемника царя-солнцопоклонника. Это тем примечательнее, что оба черепа необычного строения. Хитро полвека спустя разбираться в плохо изданной находке, но все же не поискать ли нам снова каких-нибудь мелочей, ухватившись за которые можно было бы добраться до существенного?

Как мы уже говорили, Э. Х. Гардинер метко и правильно заключил по расстановке вокруг гроба защитных кирпичей Амен-хотпа IV об уверенности хоронивших в том, что они хоронят не кого иного, как именно его. Однако не менее метко и правильно Х. В. Фэрмен возразил Э. Х. Гардинеру, что на обоих кирпичах, где сохранилось царское имя, ему пред poslано обозначение «Усире» («Усире царь такой-то»),

чего никогда б не сделали, буде кирпичи были надписаны на другой день после кончины Амен-хотпа IV. Ведь под конец своего царствования царь-солнцопоклонник не терпел никаких старых богов, а наименование «Усире» отождествляло его с древним богом мертвых.

Х. В. Фэрмэн заключал отсюда, что кирпичи были заготовлены давным-давно, когда-то в начале царствования, когда царь еще признавал прежних богов, и что из мрака забвения кирпичи снова извлекли на свет, когда собирали погребальную утварь для Семнех-ке-рэ. В таком случае, конечно, доказательная сила упоминания на них Амен-хотпа IV не слишком велика. Казалось бы, как нельзя более веское возражение, и все-таки полностью прав Э. Х. Гардинер. А прав потому, что надписи на кирпичах неотделимы от надписей на гробе.

«Простите,— возразит тут всякий, кто даст себе труд сопоставить эти надписи,— что общего между теми и другими? На кирпичах стародавние заклинания — в полном согласии с упраздненной солнцопоклонниками „Книгой мертвых“, на гробе — самые что ни на есть солнцопоклоннические титулы и молитвы: там умерший — „Усире“, здесь — ни единого намека на старого бога мертвых».

Все это так, и доводы были бы неотразимыми, если бы надписи на гробе сами не содержали вставок, для Амен-хотпа IV, каким он стал под конец своего царствования, немногим более приемлемых, чем «Усире» на кирпичах. Дело в том, что гроб, предназначавшийся некогда для побочной жены фараона, был переделан для него самого не раньше, как через несколько лет после его смерти.

От пристального взгляда не утаится, что даже те из вставок на гробе, которые, казалось бы, ни в чем не противоречат строгому солнцопоклонничеству более поздних лет Амен-хотпа IV, сплошь и рядом содержат намеки на время после него. Вот в начале надписей А и С фараон назван на золотых заплатах «образом Рэ», «воссиявшим в белом (т. е. верхнеегипетском) венце». Оба выражения, особенно первое, были употребительны при предшественнике и при преемнике царя-солнцопоклонника — Амен-хотпе III и Тут-анх-

йоте/Тут-анх-амуне. При самом Амен-хотпе IV они засвидетельствованы только для начала царствования, несмотря на то что «образом» солнца фараон считался и в белом венце изображался также в следующие годы после разрыва со стариной. Конечно, одно то обстоятельство, что в позднейших вставках употреблены царские прозвания, свойственные времени до и после переворота, но не засвидетельствованные в пору отвержения старины, не может иметь решающего значения. Как ни много дошло до нас солнцепоклоннических памятников, но, в конце концов, могли быть все-таки и такие, до нас не дошедшие, на которых какое-нибудь из двух обозначений или оба вместе были употреблены даже в самый разгар солнцепоклоннических увлечений. Ведь сами по себе ничего непримемлемого для Амен-хотпа IV эти названия никогда не представляли.

Тем не менее все же подозрительно, что сочинявшим вставки в гробовые надписи пришли на ум как раз два неупотребительных или малоупотребительных до кончины царя обозначения, ставшие вскоре за тем употребительными.

Присмотримся теперь к словоупотреблению надписи F. В последней ее строке на золотой заплате значилось: «сын Pэ [Эх-не-йот], пра[вый] голо[сом]». К этой вставке очень близки как по содержанию, так и по положению в титле царя и в конце строки две другие вставки — в надписях по наружным краям гроба B и C. Тем не менее тут мы имеем: «— — — [Эх-не-йот], большой по веку своему» и «сын Pэ, живущий правдою, владыка венцов [Эх-не-йот], большой по веку своему». Наименование «большой по веку своему», т. е. долговечный, закономерный придаток к личному имени фараона «Эх-не-йот». Примеров сочетания этого имени с иным, добавочным к нему наименованием за все царствование Амен-хотпа IV неизвестно. Даже в правление его преемника Семнех-ке-рэ мы находим все то же сочетание: «Эх-не-йот, большой по веку своему». Таким образом, обе вставки в надписи B и C выдержаны в духе Амен-хотпа IV, вставка же в конце надписи F противоречит обычным явлениям его времени.

«Правым голосом» фараон назван также на золо-

той заплате в первой строке надписи F. Только тут эти слова следовали, наверно, за другим, именно царским именем Амен-хотпа IV «[Нефр-шепр-рэ — Единственный для Рэ]». Кроме как в двух отмеченных местах на гробе да еще на заупокойных кирпичках, найденных вместе с ним, Амен-хотп IV «правым голосом» нигде больше не назван. «Правым голосом» исстари величали умершего в надежде на правоту его голоса, т. е. оправдание, на загробном судилище бога мертвых Усире. В солнцепоклоннической столице не возбранялось называть умершего «правым голосом», возможно, потому, что это словосочетание воспринималось так же бездумно и просто, как наше слово «покойный». Однако к самому царю-солнцепоклоннику старинное обозначение не прилагалось. Из ущелья позади Ах-йот, где была вырублена в скале царская гробница, до нас дошли во множестве небольшие изображения царя в виде спеленатого трупа, так называемые ответчики, которые должны были заступать умершего на том свете. И вот даже на этих сугубо заупокойных вещицах Амен-хотп IV ни разу не назван «правым голосом»: как и на наружных краях гроба, надписи кончаются словами «Эх-не-йот, большой по веку своему». То же мы видим на обломке алавастрового ящика Амен-хотпа IV для сосудов с его внутренностями, происходящего также из царской гробницы и заготовленного впрок задолго до конца царствования, когда Амен-хотп IV еще далеко не был таким нетерпимым как впоследствии. Но особенно любопытно, что на самом золотом гробе на золотой заплате в конце надписи на крышке (надписи А) после имени царя «[Нефр-шепр-рэ — Единственный для Рэ]» и наименования «отрок добрый солнца живого, который будет жив вековечно вечно» стоят слова «правый на небе (и) на земле». Такое обозначение, невиданное и неслыханное, подсказано, очевидно, обычным обозначением «правый голосом» и было придумано не иначе как в противовес и взамен ему. Однако, переделывая тут же на гробе надпись F, никто уже не утруждал себя изобретением замены для слов «правый голосом», и их спокойно вводили и туда, где им было совсем не место, как после имени «Эх-не-йот».

Впрочем, причудливое «правый на небе (и) на земле», о котором мы только что говорили, тоже выдает свое позднейшее происхождение. На первый взгляд — это вставка как нельзя более солнцепоклонническая. Действительно, к концу царствования Амен-хотпа IV иной местный вельможа, не слишком проникнутый умонастроением двора и потому не в меру осмотрительный, величал почившего родственника не по старинке «правым голосом», а просто «правым». Известно было солнцепоклонникам и словосочетание «на небе (и) земле». Однако единственный пример, тоже не из столицы, а с эфиопского юга, никакого отношения к загробной «правоте» не имеет. Речь идет о том, чтобы здравствующий фараон «[воссиявал на] престоле отца своего солнца, как Рэ на небе (и) земле повседневно». Странное соединение обоих выражений: «правый» и «на небе (и) земле», кроме как на гробе, нигде больше на солнцепоклоннических памятниках не встречается. Если позаботились сочинить его взамен стародавнего «правый голосом», то полагали, очевидно, что уместно так или иначе свидетельствовать «правоту» царя на его гробе. Напротив, в солнцепоклоннической столице ни в самой царской гробнице, ни на предметах погребальной обстановки оттуда никто не потрудился даже намекнуть на «правогласность» покойного.

Теперь сделаем небольшое отступление.

В начале своего царствования Амен-хотп IV именвал своего солнечного бога по-старинному «Ра-Хар-Ахтом». Вскоре за тем фараон составил новому божеству особое пространное имя «Ра-Хар-Ахт, ликующий на небосклоне под именем своим как Шов, который (есть) солнце». О смысле пространного имени ученые много писали и спорили и по сию пору не пришли к единому мнению. Попытаться сейчас уразуметь это имя значило бы далеко уклониться в сторону, так как смысл его для наших текущих изысканий не имеет значения. Немного спустя длинное имя поделили на две равные части и каждую заключили в ободок наподобие царских имен. Но и после сложения пространного имени, даже после заключения его в ободки, никому не возбранялось именовать солнце одним лишь первым его наименованием из состава длинного

имени, т. е. по-старинному Ра-Хар-Ахтом. Так длилось довольно долго, пока растущая неприязнь фараона к старому многобожию не побудила его устранить из солнечного имени малейшие намеки на прежних богов. Теперь оттуда исчезли слова «Хор (Хар-)» и «Шов», напоминавшие отвергнутых царем древних богов Хора и Шова. Солнечное имя стало звучать так: «Рэ, властитель небосклонный, ликующий в небосклоне под именем своим как Рэ отец, пришедший солнцем». При письме и новое имя делили пополам, обводя каждую половину особым ободком. По-прежнему разрешалось пользоваться первыми словами имени для обозначения ими одними царского солнца, только вместо прежнего «Ра-Хар-Ахт» теперь употребляли сочетание «Рэ, властитель небосклонный».

Вернемся к предмету наших изысканий. В предыдущих главах уже говорилось о том, как английские ученые путем сопоставления надписей установили, что царская змея на лбу человекообразного гроба — позднейшее добавление. В первоначальных надписях на гробе неоднократно встречается знак, изображающий египетскую богиню правды Мэ, в более поздние годы Амен-хотпа IV вышедший из употребления как многобожеский. На налобной же змее начертано солнечное имя в его последнем виде, принятом в поздние годы Амен-хотпа IV. Следовательно, переделка гроба из женского в фараоновский, предполагавшая, в частности, водружение на его лоб царской змеи, производилась при позднем солнечном имени. Мы знаем также, что первоначальная владелица гроба Кийа была в величайшей чести у своего возлюбленного почти что до самого конца его царствования, в течение еще долгих лет по переделке солнечного имени. Уничтожение ее памяти в усадьбе и на гробе приходится, следовательно, на время безраздельного господства позднего солнечного имени.

Но вот в надписи Г на подошвах гроба, переделанной в молитву фараона своему «отцу» солнцу, это последнее на поставленной при переделке заплатке названо «Ра-Хар-Ахтом». Если гроб переделали немедленно после смерти Амен-хотпа IV, то как могли на другой день после нее вложить ему самому в уста в надписи на его собственном гробе давно оставленное

обращение к солнцу как «Ра-Хар-Ахту»? И это тогда, когда на лбу гроба вздымалась царская змея с поздним именем солнца на груди!

Есть еще одна особенность у вставок в гробовые надписи, не менее знаменательная, чем наименование солнца «Ра-Хар-Ахтом». На золотых заплатах многократно употреблен знак, изображающий сидящего на земле и закутанного в плащ мужчину с волосами, зачесанными за спину, и длинной загнутой на конце бородой. Это — знак человекоподобного египетского бога, который египтяне ставили после обозначений своих мужских божеств и которым передавали местоимение первого лица единственного числа, когда считалось, что говорит какое-нибудь из них. В данном случае знак употреблен применительно к покойному фараону как лицу божественному. Чтобы оценить все значение появления знака на гробе, нам придется опять сделать отступление, на этот раз очень длинное.

Хорошо известно, что после переезда двора в новую столицу множественное число от слова «бог» — «боги» не только перестало появляться на солнцепоклоннических памятниках, но подчас даже истреблялось в прежних надписях.

Однако еще в 1905 и 1906 годах Дж. Х. Брэстед в своей истории Египта и в примечаниях к своду переводов египетских источников обратил внимание на то, что в отдельных случаях избегали самое единственное число от слова «бог» (по-египетски *нуге*), заменяя его словом «солнце» (по-египетский *йот*). Американский ученый имел в виду выражения вроде странного словосочетания «жертва солнцева солнца», которое, действительно, похоже на переделку старого обозначения «жертва божья» такого-то египетского божества. Как писал Дж. Х. Брэстед в 1912 году в своей книге о развитии религии и мысли в древнем Египте, была попытка сделать имя «Йот» («Солнце») эквивалентным в некоторых старых формах слову «бог». Конечно, исследователь солнечных славословий времени Амен-хотпа IV прекрасно знал, что единственное число «бог» множество раз встречается в надписях солнцепоклоннической столицы. Да и сами усмотренные ученым явления наблюдались иногда в одно и то же время и на одном и том же памятнике, что и беспрепятственное

употребление слова «бог». Так именно обстоит дело с сочетанием «раб (*бок*) солнцев всякий солнца», сильно напоминающим старое, тоже жреческое звание «слуга божий (*хонт*)» такого-то египетского божества.

Сорок лет спустя, в 1944 году французский ученый Э. Дриотон в одной из своих статей в «Анналах» Службы древностей Египта вновь коснулся отношения Амен-хотпа IV к слову «бог». По Э. Дриотону, с притяжательным местоимением («мой бог», «бог твой») оно было вполне свойственно «благочестивой речи» солнцепоклоннической столицы, но Амен-хотп IV, веря в бога единственного и сокровенного, чьим проявлением был солнечный диск, «по богословской щепетильности не захотел дать собственного имени этому божеству, даже в конечном итоге имени бога, которое ему представлялось запятнанным многобожием». Э. Дриотон находил, что слово «бог» в единственном числе «имело превратные судьбы, которые выдают, что были дискуссии доктринального порядка по его поводу». Есть гробницы вельмож, где оно отсутствует, если не считать царского обозначения «бог добрый», которое могло сойти за чисто титуловое. Есть также такие гробницы, где даже это выражение тщательно избегается и заменяется выражением «властитель добрый». Так представлялось дело ученому исследователю.

Однако то, что в действительности произошло при Амен-хотпе IV с единственным числом от слова «бог», было отнюдь не колебанием между пользованием им и воздержанием от него, когда одни его употребляли, а другие не употребляли, одни величали царя по-старинному «богом добрым», другие, более щепетильные, обходились сходным обозначением «властитель добрый». Произошло нечто необыкновенное. Мы это поймем, если внимательно присмотримся к употреблению слова «бог» в солнцепоклоннической столице.

Было одно утреннее солнечное славословие, которое довольно часто то полностью, то не полностью воспроизводили на стенах своих гробниц вельможи Амен-хотпа IV. Причиной тому были не столько художественные достоинства произведения, сколько то, что оно было сочинено самим царем-солнцепоклонником. Оно дошло до нас в списках разного времени. В гробни-

цах Апи и Туту оно было начертано до переделки солнечного имени из раннего в позднее, в гробнице Маху — вскоре после переделки, в гробницах Анийя и Ми-рэ, верховного жреца, — определенное время после нее. Списки Маху представляют урезанное и безграмотное воспроизведение списка Апи. Сравним между собою более ранние и более поздние списки. Там, где у Апи и Маху солнце названо «бог честной, создавший себя сам», там у Ми-рэ стоит «властитель добрый, создавший себя сам» (у Туту и Анийя это место разрушено). Где у Туту значится «двор божий (т. е. храм) твой», а у Апи — «двор божий всякий», там у Ми-рэ написано «сень Рэ всякая» («сень Рэ» — известное уже нам обозначение определенных мест почитания солнца — Рэ).

Сходные явления обнаружатся, если сопоставить разновременные списки других произведений солнцепоклоннической письменности. В вечернем славословии в гробнице Ах-мосе поры раннего солнечного имени солнце величается «бог, живущий правдою перед очами», а в списке того же славословия в гробнице Хайа поры позднего солнечного имени солнце на том же самом месте названо «властитель, живущий правдою перед очами». В конце славословия Ах-мосе говорит о своей службе при фараоне: «Совершил я (свой) век добрым (образом), (а) был я провожатым бога доброго». Список Хайа заменяет слова «бог добрый» словами «владыка обеих земель». В славословии восходящему солнцу Ах-мосе, вспоминая о своей близости к царю, снова заявляет: «Был я провожатым бога доброго». Хайа, переписавший и это славословие, опять заменяет слова «бог добрый» словами «владыка обеих земель».

Совершенно то же мы заметим, если сравним звания сановников при раннем и при позднем солнечном имени. У вельмож было принято выставять себя «жалуемыми» (по-египетски *хасйэ*) фараоном. При раннем солнечном имени в солнцепоклоннической столице звание звучало обыкновенно «жалуемый бога доброго» или «жалуемый большой бога доброго». Но стоило солнечному имени измениться из раннего в позднее, как обе эти разновидности полностью исчезли из надписей, которые зато вдруг запестрели двумя

другими разновидностями, при раннем солнечном имени ни разу не засвидетельствованными в солнцеклоннической столице: «жалуемый владыки обеих земель» и «жалуемый большой владыки обеих земель».

Сравним еще звания жреца солнца и фараона Пинхаса в различных частях его столичной гробницы. На косяке внутренней двери, отделанной при раннем солнечном имени, хозяин гробницы величался в строках первой и третьей «раб (*бок*) первый солнца в доме солнца в Ах-йот Пинхас правый голосом», в строках второй и четвертый — «слуга божий (*хонт*) второй владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ — Единственного для Рэ, кому дано жить, Пинхас правый голосом». На косяках же другой внутренней двери, надписанной при позднем солнечном имени, вельможа величался в строках первой и третьей слева и справа «раб (*бок*) первый солнца в Ах-йот Пинхас правый голосом», а в строках второй и четвертой слева, второй и, надо полагать, четвертой справа — «раб (*бок*) владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ — Единственного для Рэ в доме солнца Пинхас правый голосом». При переделке звания Пинхаса как жреца фараона слово «второй» становилось излишним, потому что по значению «раб владыки обеих земель» отвечало прежнему «слуга божий второй владыки обеих земель»: в главном солнечном храме «рабы солнца» занимали место позади верховного жреца, прозывавшегося «великим (средн) видящих».

Пробежим глазами все множество надписей, сохранившихся в солнцеклоннической столице, и мы убедимся воочию, что при раннем солнечном имени слово «бог» употреблено многократно и многообразно как в приложении к солнцу, так и в приложении к фараону, а при позднем солнечном имени не употреблено вовсе, если не считать наиболее ранних частей двух гробниц. Зато при позднем солнечном имени надписи наводнены словом «властитель» (по-египетски *хок*), особенно в сочетании «властитель добрый», заменившем ходкое царское обозначение «бог добрый» (ср. выше наблюдение Э. Дриотона).

Слово «бог» (*нуге*) писалось знаком, изображавшим давнишнее священное знамя. С устранением слова устранен был и его знак. Даже слово *сонте* «фи-

миам», писавшееся прежде с ним, стало писаться без него. Но если удален был такой знак, то мог ли удержаться другой, который прямо изображал человекоподобного египетского бога? Как мы уже говорили, этот знак имел облик сидящего мужчины в плаще с закинутыми за спину волосами и длинной загнутой на конце бородой. Его писали после обозначений богов, зрительным образом намекая на значение написания, и им же пользовались для передачи понятия «я», когда говорящий считался богом. После переделки солнечного имени из раннего в позднее участие слова «бог» постигла и человекоподобный знак бога, только произошло это несколько позже. Одновременно исчезли также знаки, изображавшие бога солнца — сидящего человечка с бородатой мужской или соколиной головой, увенчанной кругом, — употреблявшиеся после обозначений солнца и для написания слова «солнце» — рэ.

В солнцепоклоннической столице при раннем солнечном имени человекоподобный знак бога употреблен множество раз, притом не только там, где имелось в виду солнце, но и там, где речь шла о фараоне или о судьбе (по-египетски *шой*), принимавшейся тоже за нечто божественное. Засвидетельствованы также в ту пору знаки бога солнца.

Первое время после переделки солнечного имени из раннего в позднее знаки человекоподобного бога и бога солнца оставались в употреблении в солнцепоклоннической столице. Они попадают едва ли не исключительно в таких надписях, которые по тем или иным признакам могут быть приурочены к ближайшим к переделке временам.

А чем заменяли отвергнутый знак человекоподобного бога, какой знак употребляли вместо того? Со знаком бога произошло совершенно то же, что и со словом «бог».

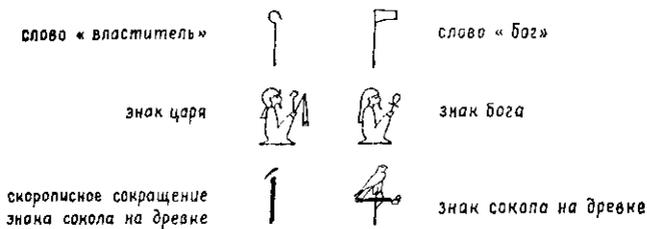
Особенно хорошо прослеживается это на написаниях слова «отец», когда оно вводит имя солнца как родителя фараона. Написав это слово звуковыми знаками, добавляли обыкновенно знак-определитель, который изобразительным способом показывал, к какому роду существ принадлежит «отец».

При раннем солнечном имени обозначение «отец»

писалось с определителем бога, поскольку относилось к солнцу, которое считалось божеством. Однако вскоре после того, как солнечное имя переделали из раннего в позднее, правописание слова «отец» в приложении к солнцу резко изменилось: вместо знака бога стали ставить знак царя.

В своем наиболее точном начертании знак бога изображал сидящего мужчину в плаще с длинной загнутой бородою и закинутыми за спину длинными волосами, иногда со значком жизни в руке. Знак царя, служивший определителем к обозначениям фараона, в своем исправном и самом полном виде изображал сидящего мужчину в плаще со сравнительно недлинной и прямой бородою, в царском чепце, с царской наболной змеєю, со скипетрами в руках — крючкова-тым жезлом и так называемым бичом.

Далеко не всегда особенности каждого из двух знаков переданы сполна, тем не менее обыкновенно отличительных признаков хватает, чтобы распознать, какой определитель употреблен — бога или царя.

В подавляющем большинстве столичных надписей времени позднего солнечного имени обозначение «отец» в приложении к солнцу написано с определителем царя. Несколько исключений, когда определителем является знак бога, а не знак царя, могут быть почти все приурочены к ближайшему времени после переделки имени солнца.

В гробнице Маху исключение приходится на ее более раннюю часть. Там в титуле солнца все еще прозвание «кто в празднестве тридцатилетия», как при раннем солнечном имени. Там употреблены слово *ноте* «бог» и два знака, которые, как установлено нау-

кой, были отвергнуты в поздние годы Амен-хотпа IV: именно знак, изображавший старую богиню правды, и знак коршуна — священной птицы Мут, жены отверженного Амуна. У Туту та часть отделки, что современна позднему солнечному имени, не более, как привесок к выполненной при рапнем. Самая большая из поздних надписей передает слово *мав* «мать» уже одними буквами, а не знаком коршуна, зато все еще содержит знаки игральной доски (*мн*) и длинноношеого животного (*вср*). Впоследствии знак *мн*, которым писалось имя Амуна, а также знак *вср* избегали при письме (путем замены слов, как в списках слово-словия, сочиненного Амен-хотпом IV, у Анийа и Ми-рэ, или путем буквенных написаний, как в случае имени слуги Анийа — Анн-мэн и глагола *вср* «богатеть» в более поздней части гробницы Ми-рэ). В гробнице Анийа исключения встречаются на косяках входной двери, которые обычно отделявались одними из первых; вдобавок тут же в солнечном имени в трех случаях из шести слово «ликующий» написано не по-позднему, а по-раннему: с определителем отвлеченного — знаком книжного свитка. Единственное исключение, время которого не может быть уточнено, приходится на обломок надписи из царской усадьбы на юге Ах-йот.

Вне слова «отец» знак бога еще несколько раз встречается в столице при позднем солнечном имени; один раз засвидетельствован там при нем и знак солнечного бога. Однако эти случаи также могут быть едва ли не все отнесены к первому времени после переделки солнечного имени. В гробнице Туту знак солнечного бога служит определителем к наименованию фараона «Рэ», т. е. «солнце». Знак стоит в той большой надписи, которая еще свободно пользуется знаками *мн* и *вср*. Знак бога встречается дважды в более ранней части гробницы Ми-рэ жреца, сопровождающая здесь наименование самого солнца — «Рэ». На той же стене в другой надписи еще употреблен знак *вср*. В гробнице Хайа определитель бога придан слову «величество» (имеется в виду солнце). Надпись находится во входе, отделявавшемся обычно в первую очередь. Во внутреннем помещении обозначению солнца как «отца» фараона придан уже определитель царя,

Амен-хотп IV/Эх-не-йот.
Древний слепок с лица не сохранившегося изваяния.
Найден в так называемой мастерской Тхут-мосе в Ах-йот

притом несколько раз. В проходе оттуда в глубину гробницы, в котором Хайа чуть ли не знак в знак переписал славословие из гробницы Пенчев, наименование солнца — «Рэ» имеет определителем солнечный круг вместо человекоподобного знака, как у Пенчев. Нельзя точнее определить время только для плиты в гробнице Анийя, посвященной одним из его приближенных — «распорядителем работ» Хой(р)ом. На плите знаком бога «определено» наименование солнца — «Рэ». Однако среди плит в гробнице наряду с выдержанными в позднем духе имеется и плита брата Анийя [Птах-]майя, в чьем имени слово «Птах» было потом, с ростом неприязни к богу города Мэнфе, изглажено.

Определителю бога в надписях отвечал до известной степени определитель божественного в скорописи. Он писался после слов, обозначавших что-либо, что считалось божественным. Однако скорописный определитель не восходил ко знаку человекоподобного бога, а представлял сокращение древнего знака сокола на древке.

Сокращение то было, можно сказать, предельное, потому что скорописный знак был не более как отвесной чертой с косой черточкою вверх. Тем не менее «богоборчество» при позднем солнечном имени зашло так далеко, что даже такому отвлеченному знаку, как скорописный определитель божественного, пришлось разделить в значительной мере участь знака бога в надписях.

Солнечное имя было переделано из раннего в позднее около 12-го года царствования Амен-хотпа IV* До 12-го года скорописные пометки на посуде с продовольственными и иными заготовками пестрят определителями божественного после наименований солнца. Случаи, когда этого знака нет после солнечного наименования, исчисляются единицами.

Совсем иначе выглядит дело после 12-го года. Сам 12-й год является переломным: в части примеров, помеченных им, еще употребляется определитель божественного, в большей же части уже опускается. В последующие годы в подавляющем большинстве

* Доказательства читатель найдет в I части моего исследования «Переворот Амен-хотпа IV», М., 1967, § 25.

случаев определитель божественного опущен после наименований солнца.

Производственные пометки на сосудах с заготовками дошли до нас во множестве. Особенно много пометок, сделанных на сосудах с вином, которое поступало преимущественно с низовьев реки, из виноградников, расположенных далеко от солнцепоклоннической столицы. Тем любопытнее опущение в этих пометках определителя божественности: оно доказывает, что даже на окраине страны, в отдаленнейших храмовых угодьях, следовали столичным мероприятиям. В самой старой столице, в городе Нэ, люди очень скромного общественного положения всячески избегали употреблять на собственной погребальной утвари как слово «бог», так и знак знамени, которым оно писалось.

Было б, однако, неправильно думать, что вся страна безоговорочно включилась в царское «богоборчество». Вот князь одного города, находившегося совсем недалеко от солнцепоклоннической столицы. Он красноречиво толковал о привязанности своего отца и предшественника к «Единственному для Рэ», величал царя «властителем добрым». Но в то же время этот князь призывал в молитвах местного бога Хнума и бога мертвых Усире (предусмотрительно не называя его по имени!), звал Усире «богом великим», а своего родителя — «распорядителем слуг больших», т. е. начальником местного жречества. Впрочем, в обоих случаях, где названо это древнее княжеское звание, сочетание «слуги божьи» написано не так, как писалось обычно, с почтительным вынесением вперед слова «бог», а так, как произносилось: не «бога слуги», а «слуги бога».

Итак, слово «бог», человекоподобный знак бога и скорописный определитель божественного были в невозбранном и всеобщем употреблении в течение большей части царствования Амен-хотпа IV, но с определенного времени, вскоре после переделки солнечного имени из раннего в позднее, слово «бог» и затем знак бога были отвергнуты новым солнцепоклонничеством. Как царь, так и само солнце перестали считаться богами; отныне оба со строгой последовательностью считались только царями. Старым «богам» себя и свое солнце Амен-хотпа IV противопоставил как царей.

При переделке солнечного имени слово «Хор» было заменено словом *хок* «властитель». При переделке полного (пятичленного) титула Амен-хотпа IV наименовании «Хор», отождествлявшее царя с древним царским богом, и словосочетание «Хор золота» (*хор нуб*) были заменены созвучными выражениями *хок* «властитель» и *хок нуфе* «властитель добрый»*. Тем же словом «властитель» было заменено слово «бог» одинаково в приложении к царю и в приложении к солнцу (в случае царя для замены слова «бог» служило также звание «владыка обенх земель»). С устранением слова «бог» надписи наводнили выражение «властитель добрый». Наконец, знак, изображавший египетского бога, был заменен знаком, изображавшим египетского царя — с «властительским» же жезлом в руке.

То было полное отвержение старых богов, вплоть до отказа от слова «бог», их обозначающего, и от знаков, их зрительно и мысленно представлявших. Одновременно то было полное торжество и завершение представления о солнце как о фараоне, представления, отчетливо проступавшего в новом солнцепоклонничестве задолго до переделки солнечного имени из раннего в позднее. Еще тогда солнечное имя писали в ободках как царское, а титул солнца помещали впереди титула царя вслед за годом царствования**. В своем окончательном, завершенном виде при позднем солнечном имени царепоклонническое солнцепоклонничество Амен-хотпа IV представляло необыкновенное, очень своеобразное, единственное в своем роде явление среди всех прочих видов почитания природы. До переделки солнечного имени новое солнцепоклонничество, несмотря на воцарение солнца, все еще выступало в облике богопочитания, продолжало видеть и в солнце и в фараоне богов, не только царей. После переделки солнечного имени из раннего в позднее новая вера

* Полное титул Амен-хотпа IV при позднем солнечном имени почти полностью восстанавливается, если сопоставить надпись из Эфиопии, изданную А. Готье в 1910 году в «Анналах» Службы древностей Египта, с надписями на косяках дворцового окна, изображенного в гробнице Ми-рэ домоправителя.

** Впервые на эти фараоновские черты в образе солнца Амен-хотпа IV обратили должное внимание англичанин Б. Гали и независимо от него советский ученый В. В. Струве.

сбросила с себя это обличье, стала видеть и в фараоне и в солнце только двух сверхъестественных царей.

Спросим теперь себя: мог ли золотой гроб быть переделан для Амен-хотпа IV сразу после его смерти. Если на ряде вставок в гробовые надписи начертан знак человекоподобного бога, иногда даже очень старательно, притом не где-нибудь, а в царских мастерских? Разумеется, нет. Золотой гроб мог быть переделан для Амен-хотпа IV только значительное время спустя после его кончины. Заметим, что в 1-м и 2-м годах царствования его преемника даже скорое по-прежнему обходится обыкновенно без определителя божественности после наименований солнца.

Подведем итог нашим долгим рассуждениям. Заключение может быть только одно: во вставках, сделанных в гробовые надписи, столько несвойственного последним годам Амен-хотпа IV, что эти вставки могли быть сделаны не раньше, как через значительный промежуток времени после смерти царя. Однако нечто глубоко чуждое умонастроению последних лет Амен-хотпа IV заметно и во внешнем облике самого гроба, том облике, что был ему придан при превращении из женского в фараоновский. При переделке к лицу приставили бороду, но не ту прямую, какую носили на изображениях фараоны и какую мы видим у «ответчиков» царя-солнцопоклонника из его гробницы в Ах-йот. Человекообразному гробу была придана та длинная плетеная борода, с какою отверженное многобожие изображало своих богов. Это та самая борода, которую мы видим у человекоподобных знаков египетского бога, вставленных на золотых заплатках при переделке надписей на гробе.

Сравним теперь гроб после переделки с заупокойными кирпичами, которые были расставлены около него по погребальному помещению. Разве не перекликаются в какой-то степени переделки на гробе с заключительными словами заклинаний на кирпичах? Сам по себе эти заклинания — старинные изречения, чуждые солнцопоклонничеству Амен-хотпа IV. Но назван-то в конце их как-никак он сам. Словами: «Буду (я) защитою Усире царя Нефр-шепр-рэ — Единственного для Рэ» кончается заклинание на одном кирпиче, «Буду (я) защитою Усире царя Нефр-шепр-рэ — Единст-

венного для Рэ, правого голосом» читается в конце надписи на другом. Вполне возможно, что сходным образом кончались заклинания на двух других кирпичах, нанесенные на них уже не вдавленными знаками, а чернильной скорописью. К сожалению, концы этих кирпичей не сохранились. На втором из цельных кирпичей Амен-хотп IV — «правый голосом», как на вставках в начале и конце гробовой надписи F. Еще одно редкостное исключение! На обоих цельных кирпичах покойный царь — «Усире». Но ведь и на вставках на гробе знак, передающий местоимение первого лица в речи умершего, изображал прежнего египетского бога, и никакая иная, а прежняя, божеская борода была приставлена при переделке к лицу гроба...

Как мы уже говорили, Х. В. Фэермэн в 1961 году правильно указал, что на кирпичах никогда б не наименовали Амен-хотпа IV «Усире», не отождествили б с отверженным богом мертвых, если б они были надписаны около времени смерти фараона. Однако этот законный вывод вовсе не требует, чтобы мы заподозрили правильность чтения царского имени на одном кирпиче, а другой приурочили к началу царствования, когда Амен-хотп IV еще признавал старых богов. Изданные снимки подтверждают чтение «Нефр-шепрэ — Единственный для Рэ» для обоих кирпичей. Маловероятно также, чтобы в ближайшие годы по воцарении уже готовили для царских похорон такую дешевую мелочь, как заупокойные кирпичи из необожженной глины, когда ровно ничего не известно о сооружении себе юным фараоном гробницы в старом столичном городе. К тому же если частные лица из царского окружения в последние годы перед закладкою новой столицы изредка отождествлялись со старым богом мертвых, то в царской гробнице в Ах-йот даже самая ранняя погребальная обстановка была надписана настолько по-солнцепоклоннически, что возможность наименования на чем-либо из ее состава Амен-хотпа IV «Усире» прямо-таки исключена.

Точки соприкосновения между переделками на гробе и заклинаниями на кирпичах, найденных вместе с ним, представляют не случайное сходство, а родство по существу. Как вставки, так и заклинания — дело рук людей, благорасположенных к Амен-хотпу IV, но

уже далеко отошедших от него, утративших всякое его понимание. Должно было пройти немало времени, чтобы преданные царю-солнцепоклоннику люди забыли, что «Большой по веку своему» не жаждал стать «правым голосом», что он отказался от Ра-Хар-Ахта как отдававшего старым многобожием, что он признавал солнце и себя только царями, что «богов» он отверг, что отождествление с Усире было бы для него ненавистным.

Поучительно сравнить переделки на золотом гробе с надписями и изображениями на двух креслах из гробницы Тут-анх-амуна, относящихся к началу его царствования, когда он был еще Тут-анх-йотом.

На спинке одного из этих кресел, именно золотого, юный фараон и его царица Анхс-эм-п-йот представлены под лучезарным многоруким солнцем, названным одним только своим солнечным именем с многолетнем без последующего титула; при Амен-хотпе IV это выглядело бы необычно. Солнечное имя тут позднее, следовательно, враждебное всему, что напоминало бы старых богов, однако позади подлокотников помещено по изображению змеи-аспида то в белом, то в красном венце, иными словами, по изображению богинь Верхнего и Нижнего Египта, а сзади, на спинке, сам Тут-анх-йот дважды назван «богом добрым». Так же и на золотом гробе на налобной змее начертано позднее солнечное имя, а к подбородку приставлена плетеная борода старых богов, и в молитве призывается тот самый Ра-Хар-Ахт, из-за которого было переделано солнечное имя. Тут же в надписях употреблены одновременно прозвание «властитель добрый», заменившее отверженное «бог добрый», и знаки, изображавшие человекоподобного бога.

Еще показательнее другое кресло в виде буквы Х с высокою спинкою. В самом верху ее — солнечный круг с подписанным солнечным именем, но уже без лучей-рук, а немного ниже широко простирает свои крылья верхнеегипетская богиня-коршун (вспомним золотого коршуна, найденного на трупе в гробу). Но всего любопытнее отвесные надписи, расположенные ниже коршуна. В них Тут-анх-йот зовется «возлюбленным богов, царем божественным», «сыном Амуна» и вместе с тем носит звание «властителя доброго», хотя

оно распространилось в свое время как замена обозначения «бог добрый»!

Этим унаследованным от Амен-хотпа IV прозвищем «властитель добрый» начинаются на кресле две надписи, два царских титула, а в третьем титуле то же прозвище значится на втором от начала месте («царь (н) государь, властитель добрый»). Не то же ли мы видим на золотом гробе? На вставках в начале трех надписей, трех фараоновских титул, стоит не что иное, как прозвище «властитель добрый» с последующим хвалесным наименованием. При этом прелюбопытно, что самая видная из трех надписей, та, что на крышке гроба и что идет столбцом сверху вниз, имеет после слов «властитель добрый» то же самое добавочное наименование, что и основная по повороту знаков (в правую сторону) отвесная надпись на кресле. И тут и там фараон — «властитель добрый, образ Рэ».

Переделки на гробе и надписи и изображения на креслах отражают одно и то же хорошо известное явление: существование бок о бок в течение некоторого времени при преемниках Амен-хотпа IV пережитков его солнцеклонничества и восстановленной старины.

Если гроб переделывали, а заупокойные кирпичи надписывали значительное время спустя после кончины Амен-хотпа IV, то делали это не иначе, как для повторных его похорон, очевидно, тех самых, что имели место в найденном в 1907 году тайнике. Хоронили в нем загадочного мертвеца при Тут-анх-йоте/Тут-анх-амуне. В тайнике были найдены глиняные печати с именем этого царя. Они валялись по погребальному помещению и, как справедливо полагают, отвалились или были сорваны с некогда запечатанного ими «приданного» покойника. Таким образом, гроб Кийа переделали для ее возлюбленного при его втором преемнике Тут-анх-йоте/Тут-анх-амуне и тогда же приготовили заупокойные кирпичи. Показания переделок на гробе и надписей на кирпичях сошлись, таким образом, как нельзя лучше с показаниями печатей.

Но это значит, что ко времени Тут-анх-йота/Тут-анх-амуна Амен-хотп IV лишился своей первоначальной погребальной обстановки. Что случилось с его первоначальным гробом и в его первоначальных гробах (потому что их могло быть несколько, вставленных

один в другой)? Царская гробница в покинутой солнцепоклоннической столице была разгромлена противниками Амен-хотпа IV. Не только его погребальные сосуды, но даже огромные наружные гробы царской семьи, изваянные из твердого камня, были разбиты вдребезги. Неизвестно, при ком из преемников царя-преобразователя был произведен этот разгром. Трудно поверить, что то было сделано по распоряжению Тут-анх-амуна, поскольку, как справедливо указывает С. Олдред, Тут-анх-амун не преследовал память Амен-хотпа IV и на предметах дворцового обихода не уничтожал его имени. Тем не менее в опустелом городе враги, пожалуй уже при Тут-анх-амуне, могли расправиться с неохраямой гробницей. Однако существует сомнение, был ли вообще погребен в ней Амен-хотп IV. То, что ее только начали отделять, мало что значит. Из нее дошли в большом количестве остатки заупокойных изображений Амен-хотпа IV — его «отпечатков», что должны были служить ему для чего-то по смерти, также обломки ящика с сосудами для его внутренностей, возможно, еще куски его наружного гроба. Странно то, что на стенках алавастрового ящика не оказалось следов того черного смолистого вещества, которым были вымазаны внутри ящики Амен-хотпа IV и Тут-анх-амуна. Это может, по мнению английского исследователя Дж. Д. С. Пендльбюри, означать, что ящиком так и не воспользовались. Возможно было предположить, что существовал еще другой ящик с другими сосудами. Тот, что дошел до нас в обломках, был изготовлен давно и не отвечал строгому солнцепоклонничеству последних лет Амен-хотпа IV: солнце не только было названо своим ранним именем, но даже изображено в виде сокола с кругом на голове. Однако обломков иного ящика с сосудами, чем тот, что издан, в гробнице, видимо, не нашлось.

Как бы то ни было, через некоторое время после первых похорон для Амен-хотпа IV и для его внутренностей снова понадобились гроб и погребальные сосуды. Гроб имелся тот самый, который когда-то предназначался для побочной царской жены, надо было только его немного переиначить. Переделать сосуды с головами Кийа на крышках для Амен-хотпа IV было труднее, поскольку Кийа на него не походила.

Но сами по себе сосуды были настолько хороши, что ими не стыдно было воспользоваться для внутренностей фараона, тем более, что он должен был покоиться во гробе, к которому они как раз относились. Возможно также, что приходилось спешить и не было времени ни надписать сосуды на имя нового владельца, ни водрузить на головы царские змеи. В последних строках надписи F на гробе вставки были сделаны по большей части наспех: золотые заплатки не пригнаны к строкам, выходят за них, знаки прочерчены обобщенно, без подробностей.

Богатое ожерелье из золота и ценных камней, бывшее на шее у мертвеца, которого в 1907 году нашли во гробе Амен-хотпа IV, могло быть вполне надето на царя-солнцеклонника сразу после смерти. Ничего неприемлемого для строгого солнцеклонничества последних лет Амен-хотпа IV в ожерелье не было. Но этого никак нельзя сказать о головном уборе, обнаруженном на трупе. Золотой нагрудный знак в виде коршуна с поднятыми крыльями, согнутый и надетый на голову умершему, изображал верхнеегипетскую государственную богиню. Мы уже говорили, что английский ученый А. Вейгалл еще в 1911 году обратил внимание на то, насколько неприемлемо было бы подобное украшение для Амен-хотпа IV, каким мы его знаем накануне его смерти. Однако люди, которые могли величать его «Усире» и переделать его собственный гроб с полным пренебрежением обыкновениями конца его царствования, были в состоянии положить в гроб и золотого коршуна. Его могли взять из того же хранилища ненужных дорогих вещей, что и самый золотой гроб и погребальные сосуды. Попасть туда коршун мог как при Амен-хотпе IV — за свое многобожеское происхождение, так и впоследствии — из-за отломанной ноги.

Затем, в 1907 году в гробу нашли две золотые пластинки: одну в виде ободка для царских имен со вписанной в него первой половиной раннего солнечного имени, другую в виде двух таких ободков с тем же именем в полном составе. Как мы видели, К. Зете считал эти украшения доказательством того, что молодой человек, найденный в гробу Амен-хотпа IV, скончался, когда в употреблении еще было раннее солнечное имя,

и потому Амен-хотпом IV быть не мог. Однако если в надпись на гробе можно было при переделке вставить обращение от имени царя к Ра-Хар-Ахту, то почему нельзя было положить в гроб пластинки с ранним солнечным именем, как раз и именовавшим солнце «Ра-Хар-Ахтом»? Пластинка с первой половиной солнечного имени представляет подвеску к ожерелью. Пластинка с полным солнечным именем была, по мнению издателя, украшением, к чему-то когда-то прикрепленным. В годы, когда употребительно было раннее солнечное имя, Амен-хоти IV и Нефр-эт охотно изображались в ожерельях с подвесками в виде ободков с этим именем. Оно же значилось на запястьях царской четы. После переделки солнечного имени из раннего в позднее царь и царица только изредка появлялись на изображениях в украшениях с солнечным именем. Устаревшие драгоценности с ранним его видом естественно было сложить в то место, где хранились вышедшие из употребления дорогие вещи. И что стоило, когда отсюда извлекали для Амен-хотпа IV золотой гроб и сосуды, прихватить также пластинки с именем его бога и положить их во гроб? Ведь не кому иному, как Ра-Хар-Ахту, заставили молиться покойного фараона, переделывая надпись на гробе, а солнечное имя в его раннем виде было полным именем как раз Ра-Хар-Ахта.

Расстановкою по погребальному помещению заупокойных кирпичей на имя Амен-хотпа IV Э. Х. Гарднер считал доказанным, что люди, ответственные за погребение, были твердо уверены, что хоронят именно этого фараона. Если кирпичи были изготовлены значительное время спустя после смерти царя-солнцепоклонника, возражения В. Фэрмэна теряют свою силу.

Бесспорно, волшебные кирпичи — веский довод в пользу тождества покойного с Амен-хотпом IV. Но еще более веский довод представляет сам гроб, если он переделан для Амен-хотпа IV через значительный промежуток времени после его смерти в связи с похоронами в так называемой гробнице Тэйе. Переделка золотого гроба была делом дорогостоящим и трудоемким. Потрачено было немало золота на вставки в надписи, вставки были очень часто с

мелочной тщательностью пригнаны к краям строк, знаки бывали на вставках не только выполнены с мельчайшими подробностями, но и выложены разноцветными составами. Не говорим уже о добавленных при переделке налобной эмсы, бороде, скипетрах. Нельзя себе представить, чтобы столько средств и труда потратили на переделку гроба на имя Амен-хотпа IV, не зная достоверно, что подлежавшие погребению останки — его и никого другого.

Таким образом, заключение науки о древностях может быть как будто бы только одно: молодой человек, похороненный в золотом гробу, не кто иной, как Амен-хотп IV.

А для врачебной науки? Может ли быть для нее этот молодой человек царем-преобразователем? Гроб Кийа был очень маленьким гробом. Если его переделывали для Амен-хотпа IV, то фараон должен был быть на редкость маленьким мужчиной. И что же? Наш молодой человек, пускай с трудом, но все-таки умещался в подобном гробу!

Для врачебной науки несомненно, что почившему не было и 25 лет. Вполне вероятно, что он скончался на 20-м году жизни. Следов недуга, который мог бы задержать возмужание, на костяке не обнаружено. Покойный юноша явно не Амен-хотп IV. Тот процарствовал около 17 лет, а приступил к нововведениям вскоре по воцарении; к тому же к 6-му году царствования у него уже была дочь.

Далее, для врачебной науки несомненно, что покойный ни лицом, ни телосложением не походил на Амен-хотпа IV. У молодого человека не могло быть ни острого отвислого подбородка, ни полных бедер; не было у него и объемистого таза.

Но если покойный не Амен-хотп IV, то кто же он, как не Семнех-ке-рэ? К такому выводу вслед за Д. Э. Дэрни приходит и Р. Дж. Харрисон, осуществивший всестороннее обследование останков.

Что же получается? Полное расхождение между свидетельством древностей и врачебным заключением? Да, как будто бы так. Но разве можно на этом успокоиться?

Издавна те ученые, которые верили в тождество мертвеца с Амен-хотпом IV, задавали себе недоумен-

пый вопрос: как это могло случиться, что золотое лицо царя на гробе изуродовали, изображение царя на надгробной сени изгладили, имена царя и там и тут уничтожили, а самый труп царя не тронули?

Естественно и просто было бы ответить: те люди, которые истребляли память Амен-хотпа IV, не принимали за него того мертвеца, которого они оставили во гробе. И врачебная наука доказывает, что они не ошибались.

Ну а те люди, которые совершали погребение, те-то были уверены, что хоронят четвертого Амен-хотпа! Очень трудно поверить, что они ошибались. Гроб был переделан для него с большою затратою труда и золота, и явно по распоряжению правительства. Неужели оно затеяло бы такую переделку, не располагая несомненными останками того, для кого ее предпринимали?

Но если никто не ошибался, то возможно только одно решение. Когда совершали погребение, в золотом гробу лежал Амен-хотп IV; когда истребляли его память, там уже лежал кто-то другой. Иными словами, Амен-хотпа IV вынули, когда уничтожали его имена и изображение, а взамен положили останки другого лица.

Стоит лишь прийти к такому заключению, как разом станут понятны и прочие случаи кажущейся непоследовательности, наблюдающиеся в тайнике.

Надписи внутри гроба и по его наружным сторонам никогда не были изданы в своем подлинном виде: их воспроизводили всегда печатным набором (типографскими иероглифическими знаками). В подлинном виде обнародованы лишь надписи снаружи крышки (снимок) и на подошвах гроба (воспроизведение от руки по снимку). Переиздавая надписи в 1916 году, Ж. Даресси передал их все печатным набором, но при этом в пустые ободки, содержавшие имена царя, написал по-французски в одних случаях — «пусто», в других — «вырвано». С помощью снимка и воспроизведения от руки можно узнать, что отвечало на подлиннике каждой отметке. На надпись снаружи крышки приходится отметка «пусто». Здесь ободок с царским именем вырезан и удален бережно, негрубо. На надпись на подошвах приходится отметка «вырвано».

И там, действительно, царское имя все три раза грубо и небрежно выдрано. Но Ж. Даресси ставит «пусто» и в надписях по наружным сторонам гроба, два раза в правой и два раза в левой. «Выврано» же значит у него еще в надписях внутри гроба — в той, что снизу на крышке, и в той, что на дне.

Таким образом, отметки «пусто» относятся к надписям вверху крышки и по наружным сторонам гроба, т. е. к надписям, выполненным по золотому листу роскошными письменами — с многообразными и разноцветными вставками. Напрогив, все отметки «выврано» относятся к надписям внутри гроба и на его подошвах, следовательно, к надписям, нанесенным на золотой лист без каких-либо вставок. Значит, богатые надписи шадили. Плохо обошлись лишь с надписями, не видными снаружи да более простенькими. Память Амен-хотпа IV истребляли, но гроб берегли — для кого? Очевидно, для того, кого в нем оставили.

Когда Т. М. Дэвис и его спутники впервые спустились в тайник, они нашли погребальную сень, которой полагалось стоять над гробом, разобранный. Ее дверцы лежали одна за другой на щебне, заполнявшем спуск. Притолока и косяки лежали на полу. Верхний край сени и стенки были прислонены к стене. С этих стенок листовое золото большей частью отвалилось, но на задней стенке сооружения, лежавшей плашмя на полу, оно сохранилось. На ней зияли пустые очертания изглаженного изображения царя. Не менее старательно были опустошены на ней и все ободки, содержавшие его имена. Та же участь постигла имена Амен-хотпа IV и на других частях сени, валявшихся на земле: на притолоке, косяке, полотнище двери. Напротив, на одной из стенок, стоявших у стены, на той из них, что сохранила часть золотого покрытия, ни изображение царя, ни его имя «Эх-не-йот» не были изглажены, хотя были на самом виду. Очевидно, части разобранный сени клали на пол и затем уничтожали на них ненавистные изображения и имена, до стенок же, оставшихся стоять у стены, очередь не дошла. Что-то помешало довести дело разрушения до конца. Заложив кое-как камнями вход — впереди прежней прочной преграды, — разрушители ушли. Возможно, они даже оставили в тайнике медный резец и дере-

вянный молот. Однако обратно туда недруги покойного не пришли.

Недруги... Да. Но Амен-хотпа IV, а не того мертвеца, которого они покинули в склепе. Те люди, что так осторожно удаляли имена Амен-хотпа IV на гробе в надписях приметных и богатых, не менее примечательно обошлись с именами и на надгробной сени.

Она была сенью царицы Тэйе, и потому там значились наряду с именами заказчика — Амен-хотпа IV также имена его отца, супруга царицы, Амен-хотпа III. И вот в двух местах вместо изглаженного имени сына было вставлено имя отца. В одном случае издатель отметил, что фараоновское имя Амен-хотпа III «Неб-ма-рэ» вписано вместо уничтоженного имени сына красными чернилами. В другом случае издатель не сделал такой оговорки, но «Неб-ма-рэ» там тоже написано со знаком, изображающим древнюю богиню правды — Мэ, а личное имя звучит «[Амен]-хотп, властитель Висе (т. е. Фив)», и сопровождается наименованием «большой по веку своему», т. е. «долговечный».

Надгробная сень была изготовлена в последние годы Амен-хотпа IV, как доказывает титул солнца и своеобразное написание имени «Неб-ма-рэ» без многобожеского знака Мэ там, где «Неб-ма-рэ» является исконным. Если б занимающее нас сейчас «Неб-ма-рэ» находилось на сени с самого начала, оно тоже было б написано без знака Мэ. Но оно написано с ним — точь-в-точь, как то «Неб-ма-рэ», о котором сам издатель сказал, что оно вставлено красными чернилами вместо изглаженного имени. Далее, в последние годы Амен-хотпа IV никто не посмел бы привести личное имя его отца — «Амен-хотп, властитель Висе», упоминавшее отверженного Амуна («Амен-хотп» значит «Амун умиротворен»). Личное имя царского родителя тогда или просто опускали, или взамен повторяли фараоновское имя «Неб-ма-рэ». Окончательно изобличает вставку, подмену имен Амен-хотпа IV именами Амен-хотпа III, наименование «большой по веку своему», свойственное из всех фараонов одному Амен-хотпу IV.

Если бы разрушители задавались одною целью — истребить память Амен-хотпа IV в месте его погребения, то разве стали б они вписывать взамен одних

имен другие? Возможно, что это было сделано из уважения к хозяйке сени — супруге преданного старшине Амен-хотпа III. Но и в таком случае это означало бы, что захоронение желали сохранить. Ради кого? Ради того, кого оставили в золотом гробу.

Итак, в царствование Тут-анх-амуна в тайнике на царском кладбище в Нэ был вторично погребен в золотом гробу, переделанном из гроба Кийа, солнцепоклонник Амен-хотп IV. Над гробом, помещенным посреди склепа, была поставлена золотая сень матери царя, накрывшая его со всех сторон. Что гроб стоял первоначально не в глубине тайника, а посередине и что сень не была сложена в нем в разобранном виде, доказывают места находок глиняных печатей с именем Тут-анх-амуна. Этими печатями было опечатано погребальное «приданое», но впоследствии они были оторваны и оказались под гробом и позади стенок, приклоненных к стене гробницы.

После Тут-анх-амуна и, вероятно, после его преемника «отца божьего» Аїа, скажем при фараоне Харм-хабе, в укромный тайник нагрянули должностные лица с поручением истребить там имена и изображения отверженного преобразователя, вынуть его самого из гроба, а взамен положить туда другого царственно-го мертвеца.

Посланцы проломили стенку, загораживавшую вход, скинули часть щебня из спуска в склеп, через образовавшийся просвет проползли в тайник, разобрали сень, отодвинули гроб в глубь помещения, а на освободившемся месте принялись за «работу». Они истребили царские имена на гробе и выдрали большую часть его золотого лица, именно нижнюю часть, но оставили лоб. При переделке гроба золотая личина с чертами Кийа должна была быть заменена такою же личиною с чертами царя-солнцепоклонника, а у того лицо было своеобразным лишь ниже лба. Открывшаяся деревянная основа, равно как и головы на сосудах для внутренностей, передавали черты Кийа, и потому разрушать их не было надобности. После гроба принялись за сень, но занятие пришлось прервать на полпути. Оставив последнюю «обработанную» ее часть — зашивную стенку — на полу посреди помещения и не прихватив даже орудий разрушения, резца и молота, во-

сетители покинули тайник. Видимо, они собирались еще вернуться и вход в подземелье загородили лишь утлым заслоном из камней.

С собою в тайник разрушители принесли останки его нового обитателя, а унесли отсюда труп прежнего поселника — Амен-хотпа IV.

Вот так по имеющимся неполным изданиям можно представить себе судьбу тайника и почивавших в нем останков в последние десятилетия XVIII царского дома.

Человекообразный золотой гроб в своем переделанном виде был мужским фараоновским гробом. На долобке вздымалась царская змея, к подбородку была приставлена плетеная борода, в руки было вложено по скипетру (от крючковатого жезла и рукоятки махалки, бывших, очевидно, из позолоченного, со временем истлевшего дерева, ничего не осталось, но подвески махалки уцелели). В такой гроб только Амен-хотпа IV можно было положить только венценосца. По способу исключения нетрудно определить, что таковым мог быть только Семнех-ке-рэ.

Однако на трупе не оказалось ни одной вещи с именем юного фараона. Правда, в гробнице Тут-анх-амуна имелись предметы погребального обихода (в том числе золотые перевязи от савана), переделанные на имя Тут-анх-амуна из похоронных принадлежностей Семнех-ке-рэ. Последний, значит, мог лишиться своего погребального снаряжения. И тем не менее хотелось бы иметь вещественное подтверждение тождества покойного с Семнех-ке-рэ. А что, если тождество подтвердит сам труп?

Вместе с итогами недавнего врачебного обследования Р. Дж. Харрисон впервые обнаружил снимок знаменитого черепа спереди, чертежи своего восстановления по нему очерка головы и два снимка юношеского лица, воссозданного (вылепленного) по черепу Д. Дж. Киддом, медиком-художником медицинского факультета Ливерпульского университета. Единственная оговорка, которую сделал при этом Р. Дж. Харрисон, касается носа, поскольку тот на черепе поврежден.

И вот как на черепе, так и на восстановлении бросается в глаза величина расстояния между носом и верхней губой. У Амен-хотпа IV и Тут-анх-амуна, судя

по их изображениям, расстояние от носа до их пухлых губ было небольшим. Спрашивается, каким то же расстояние было у Семнех-ке-рэ.

Оставим в стороне те изображения, которые лишь по недоразумению присвоены ему некоторыми учеными, а на деле воспроизводят черты Амен-хотпа IV со свойственным ему отвислым и острым подбородком. Вглядимся в те памятники, которые действительно изображают Семнех-ке-рэ. У нас имеются его золотые ковчезцы для внутренностей, изображающие его в виде спеленатого трупа. Эти гробики-ковчезцы были найдены в гробнице Тут-анх-амуна, но надписи внутри них предназначались первоначально для Семнех-ке-рэ. Затем у нас есть три изваяния, точнее три головы, изображавшие молодого солнцепоклоннического царя, но не Амен-хотпа IV и не Тут-анх-амуна, а кого-то третьего, иными словами, Семнех-ке-рэ. Деревянная голова, хранящаяся в Брюсселе, неизвестного происхождения, из двух песчаниковых одна найдена в Мэнфе (Мемфисе греков), другая — в самой солнцепоклоннической столице. И вот как на ковчезцах, так и на всех этих трех головах расстояние между носом и верхней губой значительное...

Невольно напрашивается вопрос: если замена останков Амен-хотпа IV останками Семнех-ке-рэ была произведена после царствования Тут-анх-амуна и, вероятно, также царствования Аяа, то где же находился до того в течение добрых двух десятилетий труп юного фараона? Ответить на это пока нельзя, но все говорит за то, что он был похоронен убого. Предметы из его роскошного погребального снаряжения, заготовлявшегося, видимо, впрок, даже золотые перевязи для савана, оказались в гробнице Тут-анх-амуна, переделанные на имя последнего. На трупе, найденном в гробу Амен-хотпа IV, были наручи из тонкого золота, богатое ожерелье да еще золотой нагрудный знак в виде летящего коршуна, зачем-то согнутый и напаянный на голову. При этом не исключено, что этот коршун мог достаться Семнех-ке-рэ от предшествующего захоронения, т. е. от Амен-хотпа IV. Из издания, к сожалению, не усмотреть, где были найдены золотые подвеска и пластинка с ранним солнечным именем — внутри или вне пелен трупа. Если они лежали на дне гроба, то они

Лицо молодого мужчины, поконившего в золотом гробу. Восстановлено по черепу Р. Дж. Харрисоном и Д. Дж. Киддом

Золотой ковчежец для внутренностей из гробницы Тут-анх-амуна. Воспроизводит черты Семнех-ке-рэ, для которого первоначально предназначался

могли упасть и остаться в нем, когда из него вынимали Амен-хотпа IV. За это даже могло бы кое-что говорить. На подвеске значится первая половина солнечного имени, но подвески со второй его половиной во гробе не оказалось. Как бы то ни было, на труп Семнех-ке-рэ, восстановителя прежних богов, как коршун, так и пластинки с именем Ра-Хар-Ахта вполне могли быть положены. На голову мертвому Туг-анх-амуну тоже надели чепец с тем же устарелым видом солнечного имени.

Видимо, с окончательным торжеством старинны, когда власти задумали покончить с памятью ненавистного преобразователя, его гробницу на царском кладбище и его случайную, но довольно богатую погребальную обстановку решили использовать для Семнех-ке-рэ, который почему-то был погребен не по-царски (не был ли он свергнут с престола?). При всем своем половиначатом солнцепоклонничестве молодой фараон в глазах ревнитслей старинны мог быть не без заслуг перед нею: не он ли первый восстановил старых богов и выказал самого себя их поклонником?

Будем надеяться, что со временем тайник и предметы из него будут заново обследованы и переизданы — насколько то выполнимо с спозданием на десятилетия! — и прольют больше света на превратную судьбу останков Амен хотпа IV и Семнех-ке-рэ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
О передаче египетских имен собственных	5
Об условных знаках, примененных при переводе.	8
Золотой тайпик	9
Надписи на гробе	28
Царица Нефр-эт	38
В царской усальбе	61
Разгадка трех загадок	77
Второй фараон	89
Совершила царница	112
Последняя загадка	136

Юрий Яковлевич Перепёлкин
ТАЙНА ЗОЛОТОГО ГРОБА

*Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Н. Водинская*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *В. Э. Воловик*

Сдано в набор 11/IV 1969 г.
Подписано к печати 12/XI 1969 г.
Л 02460. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 1.
Печ. л. 5,5. Усл. п. л. 9,24. Уч.-изд. л. 8,57.
Тираж 100 000. Изд. № 2404. Зак. № 2361.
Цена 45 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр. Армянский пер., 2
Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16